

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2022

№ 2

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глущенко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Соколовский С.В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма	6
---	---

ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ: КУЛЬТУРНАЯ МЕХАНИКА АМНЕЗИИ

(отв. ред. специальной темы номера –
П.С. Куприянов, Н.А. Ломакин, А.Д. Соколова)

Куприянов П.С., Ломакин Н.А. Забыть и вспомнить: культурная механика амнезии. Введение к специальной теме номера	27
Нуркова В.В., Гофман А.А. Управляемое забвение: четыре типа амнезогенных практик	33
Виноградова А.С. «Я не хочу об этом знать»: механизмы памяти и забвения у коммунистов во Франции	59
Стаф В.С. От войны гражданской к войне освободительной: формирование советской памяти об интервенции на Севере России (1918–1920 гг.)	81
Клюева В.П. (Не)потерянное десятилетие первопроходцев: глубина городской памяти молодых нефтяных городов Западной Сибири	96

ПАНДЕМИЯ И ОБЩЕСТВО

Okunev I.Y., Arapova E.Y., Nikitina Yu.A. The Impact of the Coronavirus Crisis on the European Union: A Spatial Autocorrelation Analysis	121
Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Ермаков А.М., Колодкин В.А., Сподина В.И., Зинурова Р.И. Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырех регионов России	132

MISCELLANEA

Головнева Е.В. Камчатка в индустриальном фоторепортаже Г.З. Гайдукевича (1930-е гг.)	159
Рахманова Л.Я., Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Новые технологии забоя и их «послевкусие»: биографии оленей, мяса и крови в Арктике	181

РЕЦЕНЗИИ

Николаи Ф.В. История предсказаний и моделирование будущего в условиях неопределенности	207
Лялин Р.С. Как бывшие империи справляются с культурной травмой деколонизации?	213
Башкиров М.В. Антропология на фоне саянских пасторалей	223
Васеха М.В. Русская баня как единственная константа всей русской жизни	229

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	238
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Sokolovskiy S.V. Cyborg Body: Humans in Theories of Extended Organisms	6
---	---

FORGETTING AND REMEMBERING: CULTURAL MECHANICS OF AMNESIA

(Guest Editors P.S. Kupriyanov, N.A. Lomakin and A.D. Sokolova)

Kupriyanov P.S., Lomakin N.A. Forgetting and Remembering: Cultural Mechanics of Amnesia. An Introduction to the Special Topic of the Issue	27
Nurkova V.V., Gofman A.A. Guided Forgetting: Four Types of Amnesogenic Practices	33
Vinogradova A.S. “I Don’t Want to Know About It”: Mechanisms of Memory and Oblivion Among the Communists in France	59
Staf V.S. From the Civil War to a War of Liberation: The Formation of Soviet Memory of the Intervention in the Russian North (1918-1920)	81
Klueva V.P. The (Un)Lost Decade of Pioneers: Preservation of Memory in Young Oil Cities of Western Siberia	96

PANDEMIC AND SOCIETY

Okunev I.Y., Arapova E.Y., Nikitina Yu.A. The Impact of the Coronavirus Crisis on the European Union: A Spatial Autocorrelation Analysis	121
Burkova V.N., Butovskaya M.L., Fedenok J.N., Ermakov A.M., Kolodkin V.A., Spodina V.I., Zinurova R.I. Anxiety and Aggression During COVID-19: On Example of Four Regions of Russia	132

MISCELLANEA

Golovneva E.V. Kamchatka in Industrial Photo Reportage of G.Z. Gaidukevich, 1930s	159
Rakhmanova L.Ya., Davydova E.A., Davydov V.N. New Slaughter Technologies and Their “Aftertaste”: Biographies of Reindeer, Meat and Blood in the Arctic	181

REVIEWS

Nikolai F.V. History of Predictions and Modeling the Future Under Uncertainty	207
Lialin R.S. How Do Ex-Empires Deal with the Cultural Trauma of Decolonization?	213
Bashkirov M.B. Anthropology Against the Background of Sayan Pastorals	223
Vasekha M.V. Russian Bath as the Only Constant of All Russian Life	229

INFORMATION FOR AUTHORS	238
--------------------------------------	-----

Научная статья
УДК 141; 316; 57.01; 572.02; 574.2
doi: 10.17223/2312461X/36/1

ТЕЛО КИБОРГА: ЧЕЛОВЕК И КОНЦЕПЦИЯ РАСШИРЕННОГО ОРГАНИЗМА

Сергей Валерьевич Соколовский

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
SokolovskiSerg@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается проблема границ так называемых кибернетических организмов – людей и животных, объединенных с техническими устройствами разной степени сложности или находящихся под влиянием таких устройств. В контексте этой проблемы обсуждаются различные подходы к дефиниции биологических индивидов в различных областях биологического знания и предлагается краткий очерк развития представлений о границах организмов на основе учета их отношений со средой, лежащих в основе концепции «расширенных индивидов». Особый раздел статьи отведен для рассмотрения форм интеграции человеческого тела и (техно)среды и истории их осмысления в экологии, психологии и философии техники (концепции Э. Каппа, З. Фрейда, Э. Холла, М. Маклюэна и др.). Предлагается предварительная типология таких форм. Описаны различные типы этой интеграции – экстенсии, инкорпорации, соматотехники. На основе работ М. Мосса, А. Леруа-Гурана, Мен де Бирана, Ф. Рависсона, А. Бергсона, У. Джеймса, Дж. Дьюи, Т. Парсонса и других авторов кратко характеризуются различные версии техник тела, умения и привычки, телесные диспозиции и тому подобное, что позволяет описать специфику киборганических тел. Рассматривается эволюция содержания, вкладываемого в понятия «киборг» и «киборгизация». Для описания специфики объединения разнородных элементов таких композитных тел или гибридных множественностей используется предложенная Донной Харауэй и разработанная Мэрилин Стразерн концепция «частичных соединений». В заключение затрагиваются некоторые этические проблемы, возникающие в ходе попыток усовершенствования человеческих способностей и телесности, включая терапевтический или восстанавливающий подход к совершенствованию человека и его трансгуманистскую альтернативу.

Ключевые слова: киборг, биологический индивид, расширенный организм, экстенсия, инкорпорация, привычка, частичные соединения

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Для цитирования: Соколовский С.В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 6–26. doi: 10.17223/2312461X/36/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/1

Cyborg Body: Humans in Theories of Extended Organisms

Sergey V. Sokolovskiy

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, SokolovskiSerg@gmail.com*

Abstract. Spatio-temporal parameters of cyborg bodies serve as a reference frame for the discussion of the problems of body boundaries, the definition of the concept of a biological individual or biological organism, and the organism's interrelations with immediate milieu that have given rise to the concept of 'extended organism'. A tentative typology of hybrid or synthetic forms, uniting individual bodies with their (techno-) environment is provided, including several forms of body techniques and routine practices (skills and habits), as well as various types of prosthetic relations (extensions and incorporations) that form cyborg bodies. The history of the idea of 'externalization' of human organs and their functions, based on the works of Maine de Biran, Marcel Mauss, Ernst Kapp, Sigmund Freud, William James, John Dewey, André Leroi-Gourhan, Anri Bergson, Felix Ravaisson, and Talcott Parsons, is traced. Donna Haraway's concept of 'partial connections' that has been subsequently elaborated by Marilyn Strathern is used to catch the particular characteristics of cyborg bodies that unite the elements of different provenance. In conclusion, the author discusses some ethical issues of human enhancement.

Keywords: cyborg, biological individual, extended organism, extension, incorporation, habit, partial connections.

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

For citation: Sokolovskiy S.V. (2022) Cyborg Body: Humans in Theories of Extended Organisms. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 6–26 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/1

Сентябрь 1960 г. застал моего кота в разгар напряженной предполетной подготовки. За три года до этого космос покорила Лайка, и не прошло и пары недель, с тех пор как на Землю вернулись Белка и Стрелка. Кот понял, что настало время и для его подвига. Он был смышленной меня, считая меня, видимо, кем-то вроде младшего брата и испытывал ко мне нежные чувства, а потому вовсе не возражал, когда я, соорудив центрифугу из оранжевого абажура, стал тренировать его на выносливость к перегрузкам, постепенно увеличивая число оборотов в минуту. Кот вцеплялся в абажур, прижимал уши и буквально исчезал, сливаясь с крутящимся диском, поскольку и сам был рыжим. Так совпало, что в сентябре того же года в американском журнале *Astronautics*

увидела свет статья за авторством Манфреда Клайнса и Натана Клайна «Киборги и космос», в которой ее авторы утверждали, что модификация человеческого организма может оказаться более логичным шагом для адаптации к внеземным условиям, нежели попытки создания там земных условий, и что одной из таких возможностей является разработка гибридных техносоматических систем (*artifact-organism systems*), выполняющих или автоматически восполняющих регуляторные процессы человеческого организма (Clynes, Kline 1960). Такие саморегулирующиеся человеко-машинные системы были названы ими кибернетическими организмами или *киборгами*.

Новый термин прижился и стал использоваться для обозначения широкого класса живых организмов, дополненных технологиями. Образ человека-машины знаком нам как минимум со времен Возрождения (Muri 2007), однако именно киборгу было суждено стать символом нового технологического уклада, ассоциируемого с развитием НБИКС-технологий, при этом трактовки и определения этого гибрида охватили столь широкий спектр комбинаций самых разных организмов и технических артефактов, что мы почти перестали понимать, что именно отражает это понятие. Клайнс и Клайн определяли киборга как «экзогенно расширенный организационный комплекс, функционирующий как интегрированная гомеостатическая система без вмешательства сознания» (Clynes, Kline 1960: 27), снабдив эту дефиницию конкретным примером – фотографией крысы с имплантированным насосом Роуза – предшественником современных подкожных инфузионных порт-систем для дозированной внутривенной подачи лекарственных средств. Другие определения киборга фокусировались по преимуществу на человеческом теле, но включали практически любое его дополнение, восстановление или улучшение – от деревянной ноги до авторучки и от контактных линз до вакцины или компьютера (Muri 2007: 19). Такой взгляд на результат комбинирования естественного и искусственного, природного и культурного, телесного и технического имеет свои резоны, но предполагает наличие четких концептуальных границ между названными классами объектов, которые часто отсутствуют даже в рамках той идеологии, где такие оппозиции считаются фундаментальными.

Нельзя исследовать гетерогенные и гибридные тела современных киборгов без понимания того, что представляло бы собой тело *Homo sapiens* за вычетом его технологических «подпорок», а человеческая телесность – вне представлений о том, чем является живой организм вообще. Здравый смысл и школьные знания свидетельствуют, что все физические тела, помимо обладания массой, плотностью, температурой, твердостью, вязкостью, электропроводностью и прочими физико-химическими свойствами, имеют объем и, следовательно, собственные

границы («отделены от других тел границей раздела»). Школьное знание биологии ассоциирует изучаемый в ней подкласс физических тел – живые тела – с органоидами, клетками, органами, организмами и их совокупностями – популяциями. Мы привыкли приписывать телам уникальную идентичность, игнорируя, если говорить об организмах, наличие клонов, отличающихся друг от друга лишь пространственными координатами. В естественных языках обычно различаются части тела, отдельные тела и множества тел. Слово «обычно» здесь необходимо, поскольку за такими различиями стоит история языков, понятийных систем и идеологий, иными словами, сами эти различия историчны; так было не всегда в прошлом, и будущее тоже может скрывать сюрпризы. Унаследованные нами от предков естественные языки являются машинами различений, сортирующих воспринимаемый мир на живое и неживое, одушевленное и неодушевленное, целое и части, флору и фауну, однако в разных языках эти границы проводятся по-своему, а некоторые из оппозиций вообще отсутствуют, что лишь подчеркивает относительность этих классификаций. Научно выверенные (например, в биологии) и продуманные (например, в новейших объектно ориентированных онтологиях) типологии объектов исключениями не являются. На них влияют общие принципы деления мира на элементы, представляющиеся «естественными», «автономными», или «целостными».

Естественная установка не видит различий между постоянством границ тел и устойчивостью их форм. Обыденное восприятие человеческого тела основывается на подкупающе простых моделях, почерпнутых нами в числе прочего и из школьных курсов классической механики и биологии. Лишь позднее, уже растеряв часть школьной премудрости, но не расставшись со стереотипами, мы с удивлением узнаем, что границы тел – скорее проблема, чем данность, а некоторые биологические тела, в том числе и организмы, могут вовсе не иметь постоянных форм. Обнаруживается, что понятие организма в биологии устроено значительно сложнее школьных о нем представлений.

Биологические индивиды или организмы

В отличие от философов, определяющих индивида весьма широко, у биологов проблема индивидуальности, как правило, идентична вопросу о том, что конституирует индивидуальный организм (Wilson 1999; Pepper, Heggon 2008: 622). История биологии полна сведений о различных формах и типах интеграции, дифференциации и координации организмов, предоставляющих обильный материал для рассмотрения тела человека в эволюционной перспективе. Биоантропология традиционно концентрировалась на исследованиях форм дифференциации челове-

ского тела под влиянием различных средовых факторов, а в предмет антропоэкологии вошли также некоторые формы интеграции человеческого тела и элементов окружающей среды. Наконец, в самое последнее время сразу три антропологических дисциплины – техноантропология (антропология техники и технологий), медицинская антропология (в ее разделе, связанном с исследованиями биотехнологий) и антропология телесности стали интересоваться особой областью форм интеграции тела и среды, в которой человеческие тела рассматриваются с позиций их взаимодействия с техносредой и ее элементами как гибридные интегративные целостности. Вместе с тем, справедливым остается наблюдение И.И. Шмальгаузена, сформулированное им на материалах морфофизиологических исследований, что по сравнению с процессами дифференциации живого процессы интеграции долго находились вне поля зрения как физиологов, так и морфологов (Шмальгаузен 1982: 16). Для понимания различных типов и форм интегративных целостностей, которые мы продолжаем воспринимать как человеческие тела, нам потребуются более нюансированные представления об организмах и биологических системах, нежели те, на которые мы привыкли опираться в повседневности.

Что такое организм? Современная биология не располагает его универсальным определением и вряд ли получит его в обозримом будущем. Микробиолог, генетик, эколог или этолог ориентируются на дефиниции, которые невозможно совместить. Организм – это функциональное целое, замкнутая биологическая система, единица отбора, имеющая уникальные черты в поведении автономная особь, или биологический индивид с собственной эволюционной судьбой? Разные научные определения организма не мешают, однако, формированию в обыденном сознании его прототипа с такими характеристиками, как автономность, ограниченность и отдельность (наличие границ наблюдаемого целого – оболочки, мембраны, экзоскелета, кожного мешка, или в общем случае – градиента плотности с окружением). Тем не менее биология поставляет нам множество заслуживающих внимания контринтуитивных примеров, разрушающих представление об организме как автономной и ограниченной целостности. Во-первых, организменный уровень не выделяется столь уж очевидно в ряду других уровней организации живой материи, во всяком случае, далеко не у всех биологических видов, включая человека. Во-вторых, границы живого и неживого, организма и среды также в ряде случаев не явлены отчетливо, либо их противопоставление противоречит наблюдениям или концепциям конкретной дисциплины. Рассмотрим некоторые из этих примеров, поскольку они позволят нам лучше понять особенности взаимодействия человеческого тела с его многообразными средами.

Всю вторую половину прошлого века биологов занимали не столько организмы, сколько популяции и гены, поскольку в рамках объединившей дарвинизм и генетику в 1930–1940-х гг. синтетической теории эволюции она определялась как процесс изменения частот аллелей в популяции. Лишь на рубеже XX–XXI вв., благодаря прогрессу, главным образом в биологии развития, экологии и этологии, интерес к организму получил новый импульс (Huneman, Wolfe 2010). Палеонтология, эмбриология, исследования эволюции в целом накопили богатые материалы, характеризующие различные формы корреляции и интеграции частей и целого как в индивидуальном развитии, так и в эволюции видов. Уместно напомнить, что в эволюционной перспективе многоклеточные организмы по сравнению с одноклеточными появляются на более поздней стадии развития. Если игнорировать дифференциацию и специализацию составляющих их клеток, то и сегодня можно было бы рассматривать многоклеточных эукариот (к классу которых относится и человек) как своего рода «колонии», образованные из одноклеточных, своеобразные «множественные тела».

В ноябре 1929 г. Ханс Ульрих Градманн (1892–1983), немецкий ботаник, изучавший движения растений, выступил перед коллегами и студентами университета Эрлангена (Баден-Вюртемберг) с докладом, примечательно озаглавленным «Гармоничная живая целостность с позиции точного естествознания» (Gradmann 1930). Некоторые положения этого доклада были впоследствии развиты в известной работе выдающегося польского микробиолога и философа Людвиг Флека, в которой он, в частности, выступал против трактовки организма как «самодостаточной целостности с точно определенными границами» (Флек 1999). За 60 лет до упомянутых выше американских исследователей когнитивных стереотипов¹ Градманн писал: «Сознание человека, как завершенной в себе целостности, коренится в непроизвольном представлении о разделенности всего живого мира на определенные множества таких существ, которые мы называем организмами»². С его точки зрения, классические организмы, т.е. организмы в старом смысле слова, не могут рассматриваться как живые индивиды, поскольку последние представляют собой симбиозы между бактериями и животными (человек здесь исключением не является), грибами и водорослями, паразитами и их хозяевами и т.д. Наличие микробиоты у разных животных, включая человека³, заставляет рассматривать такие «гармонические живые целостности» в качестве комплексных индивидов или суперорганизмов (Goodacre 2007). Симбиотические отношения между микробиотой и организмом-хозяином заставляют по-новому поставить вопрос о границах тела и диагностической ценности такого признака организмов, как самозамыкание (*closure*), т.е. преобладании внутренних координированных взаимодействий между частями такой целостности:

в симбиотических системах некоторые обменные физиологические процессы, происходящие «внутри» организма, оказываются физиологически разомкнутыми, поскольку осуществляются при обязательном участии микробиоты. Оппозиции внешнего и внутреннего, части и целого оказываются при анализе такого рода процессов и взаимоотношений слишком грубыми – вместо них мы имеем дело с континуумом интеграции, характеризуемым наличием ее разных степеней и уровней или форм и действующих сил. Слабые интегративные связи формируют более рыхлые и неустойчивые комплексы или сети отношений, в то время как сильные и регулярные или постоянные взаимодействия образуют устойчивые целостности на супра-, суб- и организменном уровнях. Унитарные биологические индивиды, симбионты (с разной степенью взаимозависимости, т.е. с различными уровнями автономности составляющих их видов), клоны, модулярные организмы (с их собственным вариантом биологической индивидуальности), химеры и колонии (как, например, у социальных насекомых) образуют на этой шкале плотности ассоциаций отдельные кластеры.

Такой подход не позволяет, однако, различать организмы и их группы или части, поскольку все эти уровни характеризуются определенной плотностью внутренних взаимодействий и степенью интеграции. Другие широко используемые критерии – физиологическая автономность, генетическая однородность и филогенетическая уникальность – позволяют предложить типологию биологических индивидов и серию их рабочих определений, но не дают основы для универсального определения организма (ср.: Santelices 1999). Разные таксономические уровни, царства и классы живого, наконец, различные области исследований или дисциплины в рамках биологии ориентируются на более адекватные их объектам или задачам определения организма. Например, организм или биологический индивид в морфофизиологических концепциях онтогенетического развития, в теориях эволюционного развития, в моделях экологической ниши или в популяционной генетике ожидаемо получает разные определения, и некоторые авторы предлагают говорить о «генетическом», «функциональном», «эволюционном» и «онтогенетическом» индивидах (ср.: Wilson 1999). В разных отраслях биологии предложено множество специализированных терминов для обозначения конкретных видов организмов: бионт, генет, зооид, индивидуоид, колоноид, морфонт, рамет, семафоронт, ценобиум и др. (см. подробнее: Perper, Herron 2008: 623). Люди, как и все позвоночные животные, разделяют набор признаков «организмичности» так называемых парадигматических биологических индивидов, и хотя он не является необходимым и достаточным для различения групп, частей и собственно организмов, он позволяет выделять так называемые унитарные организмы в особый тип. Дж. Уилсон, анализирувавший онтологический статус

живых существ, перечисляет десять характеристик биологического индивида, относимого к высшим животным: 1) это партикуляр (*a particular*), а не универсалия или класс; 2) локализован в пространстве и времени; 3) обладает пространственной и временной протяженностью и состоящий из гетерогенных причинно связанных частей; 4) его функционирование нарушается, если какие-либо из его частей повреждены или изъяты; 5) обладает единой нервной системой; 6) отторгает трансплантаты, взятые не от него же; 7) однороден в генетическом отношении; 8) развивается из одной клетки в многоклеточный организм по характерной для него модели развития; 9) характеризуется половым воспроизводством; 10) четко отделен (*demarcated*) от других особей того же вида (Perpper, Herron 2008: 56). Добавим, что в экологическом отношении унитарные организмы выступают и как суперорганизмы, поскольку находятся в симбиотических отношениях с собственными микробиотами.

Система организм–среда и проблема границ тела

Определение границ биологического индивида (особи) остается, таким образом, сложнейшей проблемой. Например, площадь микоризы у некоторых видов грибов может достигать нескольких гектаров, что делает их самыми крупными организмами на планете. Однако и в случае высших животных, включая человека, и, быть может, как мы увидим ниже – в особенности в случае человека, специфические отношения со средой обитания усложняют проблему определения телесных границ. В случае таких «экологических индивидов» мы сталкиваемся с проблемой границ не в плане отношения индивида с другими иерархическим уровнями, лежащими ниже или выше него, и не в плане отношения так называемого макроба (макро- или суперорганизма) с его микробиотой, но с вопросом, где кончается тело и начинается среда. Вопрос этот кажется тривиальным лишь в рамках тех систем знания, где организм берется как данность, а не как проблема. Как только мы проблематизируем эту данность, мы обнаруживаем множество затруднений. В функциональном отношении среда оказывается тесно связанной с организмом, в ней находящимся и образующим с ней систему обмена. Грегори Бейтсон не без основания утверждал, что фундаментальной единицей эволюционного процесса является не отдельный организм или популяция, но композитная единица «организм–в–его–среде» (Bateson 1987: 320).

Наиболее интересный случай в этом отношении представляют так называемые «расширенные организмы» (*extended organisms*), к числу которых, по-видимому, относится и человек. Автором концепции расширенного организма является американский физиолог Дж. Скотт Тернер, исследовавший термитов, червей и других животных, активно меняющих окружающую среду за счет создания новых сооружений и

структур (термитники, муравейники, норы, паучьи сети, осиные, рыбы и птичьи гнезда и др. (Turner 2000)). В своей книге он пишет, что сооружения животных как образцы «застывшего поведения» исследовались по преимуществу этологами и специалистами по эволюционной биологии. Физиология взаимодействий между этими структурами и другими функциями организмов практически не изучалась. Тернер трактует эти структуры как самостоятельные *физиологические органы*, выполняющие свои функции аналогично тому как почки, легкие или печень выполняют свои. Его концепция расширенного организма развивает получившую поддержку в эволюционной биологии концепцию расширенного фенотипа Ричарда Докинза, но в отличие от последней, где исследуется влияние генетической структуры за конвенциональными рамками организма (конкретнее – взаимосвязи направленного «вовне» действия фенотипа и межпоколенной передачи генов), в концепции расширенного организма изучается влияние «животной архитектуры» на потоки материи, энергии и информации как внутри организма, так и между организмом и его средой, что и делает эти структуры законными объектами как для физиолога, так и для эколога (Turner 2000: 2). Уместно отметить, что взаимоотношения между организмами в их конвенциональном понимании и средой изучались физиологами и прежде в рамках такой дисциплины, как экофизиология (известной также как физиология окружающей среды или физиологическая экология), однако в ней, по справедливому замечанию Тернера, исследовалось влияние различных факторов среды (температуры, солености, влажности и пр.) на организм, а не обратное влияние организма на среду и не влияние уже преобразованных организмами структур и элементов среды на функционирование самих этих организмов.

Исключением являются не упоминаемые в книге Тернера работы Якоба фон Юкскюля, основателя биосемиотики, еще в начале прошлого века предлагавшего различать *Umgebung* – окружающую среду в обычном смысле слова, и *Umwelt* – среду, производимую самим организмом (Uexküll 1921). Юкскюль описывал в своих работах «ближние среды», создаваемые клещами, амебами, устрицами и морскими ежами – беспозвоночными, физиологией которых занимался и Тернер. В результате тщательного анализа литературы и собственных исследований Тернер демонстрирует, как, например, земляной червь создает собственную среду, расширяя почвенный горизонт с необходимыми для его жизни параметрами, и использует созданную им структуру почвы для регуляции собственного водного баланса и температурного режима (Turner 2000: 99–119). В результате созданные им ходы и измененная структура почвы действуют как внешний орган, заменяющий по своей функции почки, т.е. обеспечивающий водно-солевой баланс расширенного организма «червь + измененная им почва». Другими по-

дробно рассмотренными им примерами внешних органов являются выполняющие функции легких воздушные колокола водяных пауков, искусная система терморегуляции в колониях термитов и создаваемые земляными цикадами в коммуникативных целях земляные борозды. Во всех этих случаях преобразование среды и использование ее в качестве органа, восполняющего или усиливающего функции внутренних органов, оказывается гораздо более экономным и эффективным путем, нежели значительно более медленная (иногда в сотни или даже десятки тысяч раз) эволюционная адаптация к среде с перестройкой всей схемы организма и изменением внутренних органов. Функционирование внешних для конвенционально понимаемого организма частей среды в качестве его органов не только размывает границу между внешним и внутренним (или, в терминах фон Юкскюля, создает ближнюю среду, *Umwelt*), но и делает проблематичными обыденные представления о границах организмов.

Представляется, что человек по сравнению со всеми другими видами наиболее преуспел именно в создании все более совершенных «внешних органов», обеспечивающих эффективное функционирование его тела в чрезвычайно широком и изменчивом спектре средовых условий, в том числе в агрессивных средах, несовместимых с жизнью не только многоклеточных теплокровных животных, но и простейших, например, в космосе. Пригодным для столь широкого диапазона условий *Umwelt*’ом стала создаваемая им *техносреда*, с которой его тело оказалось связанным множеством способов, рассмотрение которых является целью следующего раздела.

Формы интеграции человеческого тела и (техно)среды

Одной из проблем классификации форм и способов интеграции тела и среды является ангажированность существующих в литературе подходов. Большинство описанных в ней типов опирается на антропо- или соматоцентрические принципы и на представление о пространственной дискретности тел и их отделенности от их сред. Для онтологий, сохраняющих различие между дискретным и континуальным, граница тела и среды – мембрана, оболочка – становится онтологически значимым порогом, позволяющим классифицировать все воздействия и вступающие с телом в отношения объекты по их происхождению и «маршруту» на внешние и внутренние. В этой перспективе большинство технических усовершенствований рассматриваются как экстенсии, заменяющие, восполняющие или усиливающие некоторые способности, функции организма или его органы⁴. Медицинские протезы в этой классификации, основываемой на оппозиции внешнего и внутреннего, будут разделяться на два класса – *экстенсий* (внешних устройств, восполня-

ющих дисфункцию части тела, заменяющих ее или усиливающих ее действие) и *инкорпораций* (имплантов, встроенных в тело устройств, чипов и т.п., искусственных суставов, связок и т.д.). Некоторые из этих устройств (например, кардиостимуляторы) подлежат периодической замене, что позволяет провести неполную аналогию с фармакологическими средствами, также восполняющими нехватки, устраняющими дисфункции и создающими композитные в отношении происхождения их элементов («естественных» и «искусственных») тела. Подобно некоторым имплантам, они нуждаются в регулярном мониторинге и/или обновлении, но отличаются от инкорпораций тем, что встраиваются в метаболизм тела, который выступает и как особый тип связи организма и среды, и как вполне натуралистское понятие, подчеркивающее их противопоставление. Впрочем, в сложившейся номенклатуре объектов лекарства рассматриваются не как *вещи*, а как (менее сложно устроенные в мереологическом отношении) *вещества*.

Лежащая в генезисе техники экстернализация телесных функций была впервые описана немецким инженером Эрнстом Каппом, распространившим известное ему из работ Вильгельма Вундта (1832–1920) понятие проекции на артефакты и предложившим весьма оригинальную концепцию техники как органопроекции (Карр 1877). Помимо психологии, Капп опирался на кинематику Франца Ре́ло (1829–1905; Reuleaux 1876) и гегелевскую диалектику. Он был в числе первых, кто сравнил функционирование инфраструктур с системами человеческого организма (например, телеграф – с нервной системой, а железные дороги – с системой кровообращения). Согласно его представлениям, человек сначала создал орудия в качестве бессознательных проекций телесных функций и только потом стал осознавать через эти артефакты собственное тело, его органы и функции.

Идеи Каппа о технике и культуре как органопроециях были впоследствии поддержаны и развиты Зигмундом Фрейдом, назвавшим человека «богом на протезах»⁵, американскими эрудитом и архитектором Ричардом Бакминстером Фуллером, антропологом Эдвардом Холлом, канадским теоретиком медиа Маршаллом Маклюэном и многими другими (Fuller 1938: 18–27; Hall 1959: 57–82; McLuhan 1962: 13–35). Этот круг идей вместе с кибернетикой Норберта Винера лег в основу современных представлений о киборгизации человека и концепций распределенного тела и сознания (ср.: Clark, Chalmers 1998), описывающих различные формы и типы интеграции тела и техники. Различные устройства, лежащие в основе так называемой когнитивной гибридации и феномена распределенного (*distributed*) или расширенного (*extended*) сознания – смартфоны, ридеры, компьютерные сети, системы искусственного интеллекта – были выделены в особый класс когнитив-

ных экстенсий⁶, с позиций концепций «воплощенного разума» (*embodied mind*), имеющих непосредственное отношение к телесности.

Еще одним заслуживающим внимания типом интеграции человека и среды, включая техносреду, являются *привычки, умения и навыки* (техники тела) – особые паттерны действий и диспозиций, вовлекающие как разум и тело человека (точнее, то единство, которое некоторые специалисты в области когнитивных наук, нейролингвисты и философы уместно именуют «воплощенным разумом» (ср.: (Clark 2003; Johnson 2017))), так и элементы окружающей среды, в том числе и даже главным образом – техносреды. Антропологи хорошо знакомы с концепциями техник тела в версиях Марселя Мосса и Андре Леруа-Гурана, однако чаще рассматривают эти техники как признаки или характеристики конкретных сообществ, а не как процессы формирования особых двигательных паттернов и их рутинизации. Именно эти стороны отображаются понятиями привычки, умения и навыка.

Концептуализация привычки имеет длительную историю, поскольку практически каждый мыслитель, начиная с Аристотеля, уделял ей внимание. Здесь уместно упомянуть лишь ключевые моменты этой истории, поскольку они продолжают оказывать влияние на современные трактовки этого понятия. В историко-философской традиции принято противопоставлять две основные концептуализации привычки, первая из которых, рассматривающая ее как онтологическую характеристику всех подверженных изменениям существ, восходит к Аристотелю, развивается Гегелем и доминирует в одном из направлений французской феноменологии (Мен де Биран, Феликс Равессон, Анри Бергсон). Другая линия, восходящая к Декарту и развиваемая, среди многих прочих Юмом и Кантом, видит в ней лишь нерелексивное механическое повторение, симулякр подлинного бытия, автоматизм (Malabou 2008). Существует, однако, и иной подход к истории этого понятия, в целом поддерживающий отмеченное противопоставление, однако подчеркивающий несколько иные характеристики привычки, более значимые для социальных наук, в особенности для социологической теории действия. Речь идет о традиции классического прагматизма (Чарльз С. Пирс, Уильям Джеймс, Джон Дьюи, Джордж Г. Мид), в которой привычка рассматривается не столько как нечто ставшее, сколько как постоянно разворачивающийся процесс, неотъемлемая сторона действия, объединяющий в своем развертывании как рефлективные, так и нерелексивные элементы и открытый к изменениям. Эта трактовка, очевидно, противостоит концепции привычки как косного, механического, нерелексивного и не подверженного изменениям повторения, мертвой инерции. Прагматистская трактовка привычки как действия, объединяющего рефлексию и соматически укорененные паттерны, преодолевает дуализм тела и разума. Дьюи, например, прямо пишет, что

«мысли, не существующей в рамках обычных привычек, не достает средств реализации» (Dewey 1922: 67). Аналитически различаемые ментальные и телесные привычки характеризуют единый в онтологическом отношении поток деятельности, в котором мысль может предшествовать действию и быть от него абстрагированной лишь в атомарных актах, взятых вне *процесса* деятельности, которые и использовались для разработки моделей действия во многих социологических теориях, как, например, у Талкотта Парсонса.

В рамках нашего рассмотрения, однако, важнее оказывается то обстоятельство, что привычка как характеристика потока действия с позиции телесно-ментальных диспозиций находится в постоянном взаимодействии со средой, которую можно (в аналитическом, но не онтологическом различении) характеризовать как социальную, техническую, или природную. Деятельность человека и всех живых существ вообще не может существовать вне постоянного обмена соматических и средовых элементов; взаимовлияние среды и организма всегда обоюдно – организмы изменяют среду своего обитания, а среда в то же время преобразует их. Это общепринятое положение современной биологии становится менее тривиальным, когда мы приступаем к детальному анализу инкорпорации элементов среды и экстернализации или проекции соматических элементов и функций. Оно также имеет нетривиальные следствия при решении проблемы границ тела и пересмотре сложившихся аналитических различений и оппозиций. Привычка за счет проецирования психосоматических потребностей и функций тела вовне и благодаря инкорпорации некоторых элементов среды в образ и схему тела выступает одновременно и как механизм трансформации среды, и как канал изменения тела в результате образования новых умений и навыков. «Воплощая», т.е. буквально превращая в телесные «органы» и функции элементы среды и конструируя из ее объектов новые конфигурации, заменяющие или усиливающие возможности организма, привычки обеспечивают тесную интеграцию организма и среды и облегчают рутинные взаимодействия, одновременно размывая границы тела за счет постоянного потока вещества и информации «сквозь» телесную оболочку.

В рамках рассмотрения различных подходов и концептуализаций интеграции натуралистически понимаемого тела с внешними для него элементами среды не обнаруживается места для рассмотрения феноменологических концепций телесности, однако они безусловно заслуживают упоминания: существующие в них описания нестабильности телесных границ и множественности тела настолько специфичны⁷, что вряд ли могут рассматриваться наряду с подходами, разработанными в рамках философии и антропологии техники или в медицине. Однако и натуралистические подходы с объективно наблюдаемыми в них фор-

мами интеграции телесности и техносреды предоставляют обильный материал для формирования концепций проницаемого, *пористого тела*, с одной стороны, и возникновения относительно устойчивых *техносоматических ассамбляжей* – с другой. Телесность в них выступает как всегда уже опосредованная техникой, динамичная, с флуктуирующими и размытыми границами. Сам концепт тела в этих подходах нередко замещается понятием «тела-субъекта», позволяющем преодолеть дуализм тела и разума и избежать сведения соматического к исключительно биологическим и материальным (физиологическим, неврологическим) процессам (Blackman 2012: 19). Другим возможным направлением решения проблемы границ тела, всегда уже включенного в различного рода техносоматические сборки с варьирующими параметрами интенсивности интеграции и устойчивости, является разведение концептов тела и организма, когда тело продолжает пониматься натуралистически как дискретный и самостоятельный объект, а тело-как-организм трактуется как зависимое от его среды и включенное по модели «частичных соединений»⁸ в различные ассамбляжи.

Тело киборга

Очевидно, что представление о границах «коллективностей», объединяющих живые тела и технические устройства или артефакты в киборганизмы, будь это люди или животные, в значительной степени зависит от содержания, вкладываемого в понятия «киборг» и «киборгизация». Литература изобилует как весьма узкими⁹, так и довольно широкими определениями кибернетических организмов¹⁰. Инкорпорации, а тем более – соматотехники, и такие симбионты или суперорганизмы, как макробы, не представляют особых проблем для объективистско-натуралистических трактовок тела и его границ. Фармакологические вмешательства могут изменять границы лишь так называемого переживаемого или феноменологического тела, но не границы его биомедицинского двойника. Проблемы с определением границ тела возникают лишь в случае экстенсий, но и здесь инерция натуралистического, физикалистского взгляда на тело позволяет трактовать его границы вполне традиционно, превращая тело в центральную и привилегированную часть ассамбляжа и рассматривая его искусственные члены (экстенсии) скорее как дополнения, нежели «полноправные» его части. Иными словами, при таком взгляде мы сталкиваемся с мереологической проблемой статуса «части» такой сборки, если последняя рассматривается в качестве «целого» (ср.: Мортон 2019: 59). Фуллер считал, что когда достаточное число особей вида будет характеризоваться относительно идентичными экстенсиями, такие экстенсии «можно будет определенно считать неотъемлемой частью» (курсив автора. – С.С.)

существ данного вида» (Fuller 1938: 27). Между тем при отказе от антропоцентристского рассмотрения и шире – органицизма, и взгляде на ассамбляжи, в которые входят живые тела, артефакты и природные объекты, как на некоторую связную коллективность объектов, реализующих определенные действия или участвующих в некоторых событиях, такие сборки могут рассматриваться в перспективе, которую предлагал Лейбниц, когда каждый объект оказывается обернутым во все остальные, а мереологические отношения целого и части, как и проблемы границ, снимаются или теряют смысл.

Несколько иное решение этой проблемы предлагает, разрабатывая концепцию частичных соединений, британский антрополог Мэрилин Стразерн. Она утверждает, что «организм и машина, объединяясь, не вступают в отношения части и целого» (Strathern 2004: 40), поскольку ни он ни она не могут полностью определять другого, но зато за счет такого объединения могут увеличивать собственные возможности – органические и механические соответственно. В небольшом разделе этой работы (симптоматично озаглавленном «One is too few, but two are too many» (здесь отразилась та идея множественности, которая была позднее использована Эннмари Мол в концепции множественного тела), комментируя понятие киборга в манифесте Донны Харауэй, она пишет: «Киборг не является ни телом, ни машиной, поскольку принципы, на основе которых работают его различные части, не образуют единой системы. Его части ни пропорциональны, ни диспропорциональны по отношению друг другу. Его внутренние соединения образуют интегрированную сеть (*circuit*), но не единство (*single unit*)» (Strathern 2004: 36).

Эти характеристики «частичных соединений», которые Стразерн называет «протестетическими», и лежат в основе странных мереологических свойств ассамбляжей, в которых их «части» одновременно являются и не являются частями «целого», представляющего, в свою очередь, как что-то большее единицы, но меньшее минимального множества – особый тип множественности, который Эннмари Мол обозначает термином *multiplicity*, противопоставляя его понятию *plurality* (Mol 2002: 151).

Киборги и этика

Этическая проблематика, связанная с киборгизацией, подобно проблеме границ техносоматических ассамбляжей, зависит от понимания – широкого или узкого – сути соответствующих явлений и процессов. Современные подходы к «улучшению» человека – фармакологические, генетические, биотехнологические – основываются на новых формах гибридизации телесного и технического, результатом которых является синтез «естественного» и «искусственного» и усложнение кибернети-

ческих организмов, «техноидов», техносимбионтов, или техноморф. Онтологические особенности таких коллективностей, объединяющих модифицированные тела людей с их разнообразными техническими инкорпорациями или экстенсиями, лежат в основе концепций распределенных сознания и тела¹¹. Эти концепции, в свою очередь, снимая оппозицию субъекта и объекта, заново ставят проблему ответственности, поскольку приписывание интенциональности и авторства решений в режимах распределенного Я становится проблематичным. Персональные ошибки интерпретируются здесь как составляющая техногенного риска, что размывает персональную ответственность.

Другим широко обсуждаемым аспектом киборганического совершенствования человека (*human enhancement*) и его способностей является понятие нормы в отношении здоровья и самой природы человека. Дебаты по поводу этого аспекта киборгизации обычно описываются как различие между терапевтическим или восстанавливающим подходом и трансгуманистской установкой на совершенствование за пределами видовой нормы. Различие между этими двумя подходами, вопреки его очевидности, оказывается весьма тонким на практике. Например, создание имплантов-сонаров на основе ультразвука для слабовидящих и слепых позволяет компенсировать отсутствие нормального зрения, но вызывает возражения при использовании здоровыми людьми, получающими дополнительный канал восприятия. Похоже, что мы готовы терпеть усовершенствования в виде экстенсий (никто не возражает против очков, микроскопов, телескопов или приборов ночного видения), но не как модифицирующих человеческое тело инкорпораций (например, импланта, позволяющего видеть в инфракрасной части спектра). Существуют обоснованные опасения, что такого рода усовершенствования породят новые формы неравенства. Однако сторонники такого развития указывают на давление рынка (если технология существует и востребована, она будет применяться вопреки запретам), создание новых рабочих мест, наконец, на свободу личности и ее право на распоряжение собственным телом как на факторы, обуславливающие применение новых технологий за рамками чисто медицинского их применения.

Наконец, еще одной группой биоэтических проблем и существенной стороной новых технологий совершенствования являются опыты на животных, зачастую выступающих в качестве обязательного этапа в разработке и внедрении этих технологий. Здесь уместно вспомнить историю с котом, ставшим невинной жертвой моего детского энтузиазма. Насколько я помню, кот не особо обиделся и сохранил свою привязанность ко мне, описание которой я оставляю до другого случая. Лайка, как мы знаем, стала жертвой космических испытаний, а Стрелка не только благополучно вернулась на Землю, но и принесла впоследствии

щенков, один из которых был подарен Жаклин Кеннеди. Эксперименты в современной роботике с нейронными тканями животных (робот Гордон, использование мозга крыс и морских угрей и т.п.) не находят однозначной оценки среди специалистов по биоэтике, обсуждающих проблемы боли и страдания (ср.: Кожевникова 2018).

Помимо границ сборок, которые до сих пор рассматривались в абстрактной пространственной перспективе, видимо, существуют и их временные границы, поскольку здесь рассматривались киберассамбляжи, в состав которых входят живые существа. В контексте проблемы временных границ возникает и вопрос о судьбах таких сборок, в том числе после распада, кончины или смерти некоторых из органических (биологических), неорганических (технических) и гибридных элементов из их состава. Мыслить кончину множественности можно по-разному, и мне представляется, что требование мультимодальности мышления здесь наилучшим образом этой множественности соответствует. Да и как еще можно рассматривать траектории существования столь пестрых «коллективов дивидуальностей», слаженное функционирование которых не обязательно предполагает замысел, а само существование которых, как и их устойчивость, зависит от хрупкого баланса сил? Техноморфизацию или киборгизацию живых тел и антропоморфизацию технических объектов можно уподобить двойному инверсионному следу лайнера, маркирующему взаимные инскрипции тел и артефактов, однако такой взгляд слишком абстрактен и удален от предмета рассмотрения, чтобы оставаться ему верным. Методологически вернее было бы рассматривать каждую сборку и ее судьбу сугубо конкретно.

Какова, например, судьба того канувшего в Лету ассамбляжа, что состоял из сочиненной из абажура и бельевой веревки центрифуги, рыжего кота и столь же рыжего мальчишки, выполнявшего роль движителя этой конструкции (не будем забывать и про радиосообщение от 20 августа 1960 г., сыгравшее роль триггера и запустившего серию всех дальнейших событий, о которых здесь повествуется, как и про двух дворняжек, чей опыт заставил сократить длительность полета первого космонавта до одного витка, – без этих объектов и событий описанная мною сборка никогда бы не реализовалась)? Что осталось от этого космопланетного гибридного диспозитива, кроме нескольких нейронных связей, упрямо сохраняющих события той ранней осени? Полагаю, что все мы, включая кота и меня, вышли из этих испытаний не только с укрепленным вестибулярным аппаратом, но и с телесной памятью большого космического приключения, исподволь изменившего систему наших отношений: кота – к абажуру, меня – ко Вселенной и событиям большого мира, биологов и инженеров – к обеспечению жизнедеятельности живых существ вне земной атмосферы. Какие-то элементы этой сборки покинули ее и образовали иные конфигурации с другими акторами, человеческими и

нечеловеческими, другие продолжили существовать в сцепке, демонстрирующей силу «частичных связей», по которым и в прежние времена корабль Тесея можно было условно считать «тем же самым» вопреки постепенной замене всех его частей на новые, третьи распались на атомы и распылились по Вселенной, лишь подчеркнув своим преходящим статусом принципиальную «дивидуальность» каждого из элементов этого трансформирующегося ансамбля. Вместо множественной траектории прежней сборки мы получили множество траекторий и следов, по которым можем частично реконструировать, но никогда не обрести полного описания ее судьбы, а в этом смысле – и ее границ.

Примечания

¹ Американские когнитивные лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем» отмечают: «Даже когда вещи не являются дискретными или ограниченными, мы все равно категоризируем их как таковые: горы, углы улиц, изгороди и т.п. ... Наши цели обычно требуют от нас наложения искусственных границ, превращающих физические объекты в подобные нам дискретные – в сущности, ограниченные поверхностью» (Lakoff, Johnson 1989: 25).

² «So ist es das Bewusstsein des Menschen, ein geschlossenes Ganzes, eine Einheit zu bilden, das in uns unwillkürlich die Vorstellung weckt, die ganze lebende Welt zerfalle in eine bestimmte Zahl entsprechender Einheiten, die wir Organismen nennen» (Gradmann 1930: 641).

³ Новейшие подсчеты показывают, что в стандартном 70-килограммовом человеческом теле число бактериальных клеток равно приблизительно $3,8 \times 10^{13}$, что несколько превышает число его собственных клеток – $3,0 \times 10^{13}$ (Sender, Fuchs, Milo 2016).

⁴ Подробнее об истории понятия *экстенсия* см.: Соколовский 2020.

⁵ Prothesengott (Freud 2006: 387).

⁶ Термин «когнитивная гибридизация» принадлежит Энди Кларку (Clark 2003: 4).

⁷ Ср., например, представленное Германом Шмитцем описание архаических представлений о теле у йоруба, китайцев и греков гомеровской эпохи, из которых вытекает совершенно особое представление о множественности тела как архипелага «островков телесности» или чувственности (Schmitz 2011: 137–140).

⁸ «Partial connections» – термин Донны Харауэй (Haraway 1991: 181), использованный Мэрилин Стразерн в ее одноименной книге (Strathern 2004).

⁹ В упомянутой работе Эллисон Мури киборг определяется как «органическая машина, управляемая гомеостатическим механизмом», а в рассматриваемом ею случае нанотехнологий – как «слияние машин и организмов на молекулярном уровне» (Muri 2007: 19, 43).

¹⁰ Так, например, Р. Бакминстер Фуллер пишет: «Приняв взгляд на единство человека и его автомобиля, можно утверждать, что вес среднего молодого работающего американца превышает тонну, так как средний автомобиль весит 2 800 фунтов, и что составной американец вместе с его групповыми механизмами-экстенсиями – аэропланом, железнодорожным поездом, океанским лайнером и плотиной – в миллионы раз больше любого из исторически существовавших организмов» (Fuller 1938: 27–28).

¹¹ Если концепции распределенного сознания широко известны благодаря работам Энди Кларка, Дэвида Чалмерса и их последователей, то (преимущественно феноменологические) концепции распределенного тела, вопреки обретающей все большую популярность идее распределенной агентности, не входят в число популярных или влиятельных, поскольку очевидным образом конфликтуют как с обыденными представлениями о грани-

цах тела, так и с его натуралистическими трактовками, доминирующими в современной биомедицине. Прогресс телемедицины и технологий проведения операций на расстоянии постепенно меняет эти представления (ср.: Dolezal 2009; Müller 2018).

Список источников

- Кожевникова М. Запертые в бестелесности: робот Гордон и мозговые органоиды // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 5–36.
- Соколовский С.В. Экстенсии как техно-соматические сборки: к истории одной идеи // Corpus Mundi. 2020. № 1. С. 15–35.
- Мортон М. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира. Пермь: Hyle press, 2019.
- Флек Л. [1935] Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Шмальгаузен И.И. [1938] Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М.: Наука, 1982.
- Bateson G. [1972] Steps to Ecology of Mind. L.: Jason Aronson Inc., 1987.
- Blackman L. Immaterial Bodies: Affect, Embodiment, Mediation. London: Sage, 2012.
- Clark A. Natural-born cyborgs: Minds, technologies, and the future of human intelligence. Oxford: Oxford University press, 2003.
- Clark A., Chalmers D. The extended mind // Analysis. 1998. Vol. 58, № 1. P. 7–19.
- Clynes M.E., Kline N.S. Cyborgs and space // Astronautics. Sept. 1960. P. 26–27, 74–77.
- Dewey J. Human Nature and Conduct. New York: Holt, 1922.
- Dolezal L. The Remote Body: The Phenomenology of Telepresence and Re-Embodiment // Human Technology. 2009. Vol. 5, № 2. P. 208–226.
- Freud S. [1930] Das Unbehagen in der Kultur // Freud S. Werkausgabe in zwei Bänden. Bd. 2: Anwendungen der Psychoanalyse. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2006.
- Fuller R.B. [1935] Nine Chains to the Moon. Carbondale, Ill: Southern Illinois Univ. press, 1938.
- Goodacre R. Metabolomics of a superorganism // Journal of Nutrition. 2007. № 137 (1 Suppl.). P. 259S–266S.
- Gradmann H. Die harmonische Lebenseinheit vom Standpunkt exakter Naturwissenschaft // Die Naturwissenschaften. 1930. Bd. 18, Hf. 28–29. S. 641–644, 662–666.
- Hall E.T. The Silent Language. Garden City, NY: Doubleday, 1959.
- Haraway D. [1985] Cyborg Manifesto // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991.
- Huneman Ph., Wolfe Ch. The Concept of Organism: Historical, Philosophical, Scientific Perspectives. Introduction // History and Philosophy of the Life Sciences. 2010. Vol. 32, № 2/3. P. 147–154.
- Johnson M. Embodied Mind, Meaning and Reason: How Our Bodies Give Rise to Understanding. Chicago: University of Chicago press, 2017.
- Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten. Braunschweig: George Westermann, 1877.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Malabou C. Addiction and Grace: Preface to Félix Ravaissou's Of Habit // Ravaissou F. Of Habit / transl. by C. Carlisle, M. Sinclair. London: Continuum Books, 2008.
- McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. Toronto: University of Toronto Press, 1962.
- Mol A. Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham (N.C.): Duke University press, 2002.
- Müller S. Distributed corporeality: Anatomy, knowledge and the technological reconfiguration of bodies in ballet // Social Studies of Science. OnlineFirst. 2018. P. 1–22.

- Muri A. The Enlightenment cyborg: a history of communications and control in the human machine, 1660–1830. Toronto: University of Toronto Press, 2007.
- Pepper J., Herron M. Does Biology Need an Organism Concept? // *Biological Reviews*. 2008. Vol. 83, № 4. P. 621–627.
- Reuleaux F. Kinematics of Machinery: Outlines of a Theory of Machines. London: Macmillan, 1876.
- Santelices B. How many kinds of individual are there? // *Trends in Ecology and Evolution*. 1999. Vol. 14, № 4. P. 152–155.
- Schmitz H. Der Leib. Berlin: De Gruyter, 2011.
- Sender R., Fuchs S., Milo R. Revised estimates for the number of human and bacteria cells in the body // *PLoS Biology*. 2016. Vol. 14, № 8. e1002533.
- Strathern M. [1991] Partial Connections. Walnut Creek: Altamira press, 2004.
- Turner J.S. The Extended Organism: The Physiology of Animal-Built Structures. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.
- Uexküll J. von [1909] Umwelt und Innenwelt der Tiere. 2-te Auflage. Berlin: Springer Verlag, 1921.
- Wilson J.W. Biological Individuality: The Identity and Persistence of Living Entities. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

References

- Bateson G. (1987) *Steps to Ecology of Mind*. L.: Jason Aronson Inc.
- Blackman L. (2012) *Immaterial Bodies: Affect, Embodiment, Mediation*. London: Sage.
- Clark A. (2003) *Natural-born cyborgs: Minds, technologies, and the future of human intelligence*. Oxford: Oxford University press.
- Clark A., Chalmers D. (1998) The extended mind, *Analysis*, vol. 58, no.1, pp. 7–19.
- Clynes M.E., Kline N.S. (1960) Cyborgs and space, *Astronautics*, Sept., pp. 26–27, 74–77.
- Dewey J. (1922) *Human Nature and Conduct*. New York: Holt.
- Dolezal L. (2009) The Remote Body: The Phenomenology of Telepresence and Re-Embodiment, *Human Technology*, vol. 5, no. 2, pp. 208–226.
- Fleck L. (1999) *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: vvedenie v teoriiu stilija myshlenia i myslitel'nogo kollektiva* [Genesis and Development of a Scientific Fact]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi.
- Freud S. (2006) *Das Unbehagen in der Kultur*. In: Freud S. *Werkausgabe in zwei Bänden*, Bd.2. *Anwendungen der Psychoanalyse*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Fuller R.B. (1938) *Nine Chains to the Moon*. Carbondale, Ill.: Southern Illinois Univ. Press.
- Goodacre R. (2007) Metabolomics of a superorganism, *Journal of Nutrition*, no. 137 (1 Suppl.), pp. 259S–266S.
- Gradmann H. (1930) Die harmonische Lebenseinheit vom Standpunkt exakter Naturwissenschaft, *Die Naturwissenschaften*, Bd. 18, Hf. 28–29, S. 641–644, 662–666.
- Hall E.T. (1959) *The Silent Language*. Garden City, NY: Doubleday.
- Haraway D. (1991) Cyborg Manifesto. In: Haraway D. *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge.
- Huneman Ph., Wolfe Ch. (2010) The Concept of Organism: Historical, Philosophical, Scientific Perspectives. Introduction, *History and Philosophy of the Life Sciences*, vol. 32, no. 2/3, pp. 147–154.
- Johnson M. (2017) *Embodied Mind, Meaning and Reason: How Our Bodies Give Rise to Understanding*. Chicago: University of Chicago press.
- Kapp E. (1877) *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten*. Braunschweig: George Westermann.
- Kozhevnikova M. (2018) Zapertye v bestelesnosti: robot Gordon i mozgovye organoidy [Closed in Unbodiliness: Robot Gordon and Brain Organoids], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 25–36.

- Lakoff G., Johnson M. (1989) *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Malabou C. (2008) *Addiction and Grace: Preface to Félix Ravaissou's Of Habit*. In: Ravaissou F. *Of Habit* / transl. by C. Carlisle and M. Sinclair. L.: Continuum Books.
- McLuhan M. (1962) *The Gutenberg Galaxy*. Toronto: University of Toronto Press.
- Mol A. (2002) *Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham (N.C.): Duke University press.
- Morton T. (2019) *Giperobjekty: filosofia i ekologiya posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World]. Perm': Hyle press.
- Müller S. (2018) Distributed corporeality: Anatomy, knowledge and the technological reconfiguration of bodies in ballet, *Social Studies of Science. OnlineFirst*, pp. 1–22. DOI: 10.1177/0306312718811636.
- Muri A. (2007) *The Enlightenment cyborg: a history of communications and control in the human machine, 1660–1830*. Toronto: University of Toronto Press.
- Pepper J., Herron M. (2008) Does Biology Need an Organism Concept?, *Biological Reviews*, vol. 83, no. 4, pp. 621–627.
- Reuleaux F. (1876) *Kinematics of Machinery: Outlines of a Theory of Machines*. London: Macmillan.
- Santelices B. (1999) How many kinds of individual are there?, *Trends in Ecology and Evolution*, vol. 14, no. 4, pp. 152–155.
- Schmalhausen I.I. (1982) *Organizm kak tseloe v individual'nom i istoricheskom razviti* [The Organism as a Whole in Its Individual and Historical Development]. Moscow: Nauka.
- Schmitz H. (2011) *Der Leib*. Berlin: De Gruyter.
- Sender R., Fuchs S., Milo R. (2016) Revised estimates for the number of human and bacteria cells in the body, *PLoS Biology*, vol. 14, no. 8, e1002533.
- Sokolovskiy S. (2020) Ekstensii kak techno-somaticheskie sborki: k istorii odnoi idei [Extensions As Techno-Somatic Assemblages: Towards a History of the Idea], *Corpus Mundi*, vol. 1, no. 1, pp. 15–35.
- Strathern M. (2004) *Partial Connections*. Walnut Creek: Altamira press.
- Turner J.S. (2000) *The Extended Organism: The Physiology of Animal-Built Structures*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Uexküll J. von (1921) *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. 2-te Aufgabe. Berlin: Springer Verlag.
- Wilson J.W. (1999) *Biological Individuality: The Identity and Persistence of Living Entities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12 февраля 2022 г.;
принята к публикации 1 июня 2022 г.

The article was submitted 12.02.2022;
accepted for publication 01.06.2022.

**ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ:
КУЛЬТУРНАЯ МЕХАНИКА АМНЕЗИИ**
(отв. ред. специальной темы номера – П.С. Куприянов,
Н.А. Ломакин, А.Д. Соколова)

Научная статья
УДК 304.2
doi: 10.17223/2312461X/36/2

**ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ:
КУЛЬТУРНАЯ МЕХАНИКА АМНЕЗИИ.
ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА**

Павел Сергеевич Куприянов¹,
Никита Андреевич Ломакин²

^{1, 2} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*
¹ *kuprianov-ps@yandex.ru*
² *lomakinu@gmail.com*

Аннотация. Введение к специальной теме номера посвящено культурным практикам и механизмам забвения и особенностям их междисциплинарного исследования. В подборку вошли статьи участников конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», состоявшейся 1, 3, 5 и 6 февраля 2021 г. онлайн на базе Института экологии и антропологии РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Ключевые слова: память, забвение, советское, культурный ресайклинг

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076 (рук. – А.Д. Соколова).

Для цитирования: Куприянов П.С., Ломакин Н.А. Забыть и вспомнить: культурная механика амнезии. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 27–32. doi: 10.17223/2312461X/36/2

Original article
doi: 10.17223/2312461X/36/2

**Forgetting and Remembering: Cultural Mechanics of Amnesia.
An Introduction to the Special Topic of the Issue**

Pavel S. Kupriyanov¹, Nikita A. Lomakin²

^{1, 2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*
¹ *kuprianov-ps@yandex.ru*
² *lomakinu@gmail.com*

Abstract. The paper is an introduction to the special topic of the issue – Memory and Oblivion in Modern Research. It examines the problems of the study of oblivion

in an interdisciplinary context and provides a brief description of the articles included in the selection. The selection of papers includes proceedings of the conference “To Forget and To Recall: Forms and Boundaries of Soviet Memory”, which took place on 1, 3, 5 and 6 February 2021 online on the basis of the IEA RAS and MSSSES.

Keywords: memory, oblivion, soviet, cultural recycling

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation’s project No 19-78-10076 (supervised by A.D. Sokolova).

For citation: Kupriyanov, P.S. & Lomakin, N.A. (2022) Forgetting and Remembering: Cultural Mechanics of Amnesia. An Introduction to the Special Topic of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 27–32 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/2

Мы представляем читателям вторую подборку материалов конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», состоявшейся в феврале 2021 г. и собравшей более 50 докладчиков из разных стран*. Основные темы конференции – соотношение памяти и забвения, осмысление механизмов преднамеренного или стихийного забывания, динамики памяти о событиях и явлениях в советское время и в первые постсоветские десятилетия – уже тогда казались до крайности злободневными. В современной ситуации, когда память и забвение вновь стали одними из ключевых категорий публичной политики и идеологических войн, размышления участников конференции часто откликаются и вовсе неакадемическими параллелями.

Как уже было отмечено во вступлении к предыдущей тематической подборке (Куприянов, Соколова 2021), несмотря на то что забвение упоминалось или обсуждалось многими участниками конференции, оно редко оказывалось непосредственным объектом исследования. Другая характерная черта современного амнестического дискурса, проявившаяся в докладах и дискуссиях, состоит в том, что в большинстве случаев мы склонны толковать забвение в негативном модусе, как отсутствие или противоположность памяти, а это заметно снижает его ценность как аналитической категории. Публикуемые тематические подборки нацелены на изменение сложившегося способа говорения о забвении, углубление рефлексии и концептуализации этого важного, но все еще недостаточно освоенного понятия. Первая подборка в этом же журнале (со статьями Г.А. Янковской, С.Г. Маслинской и Ю.А. Секушиной) была выстроена вокруг темы постсоветского восстановления в памяти и практиках феноменов ушедшей советской действительности.

Настоящий блок статей сконцентрирован на самой механике коллективного и индивидуального забывания. Его авторы размышляют над

* Первая подборка опубликована: Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 112–182. С материалами конференции можно ознакомиться на сайте <http://oblivionconf.tilda.ws/>

тем, как именно отбирается «материал» для запоминания и забывания, рассматривают более и менее успешные случаи вытеснения одной версии событий другой, прослеживают, какие способы вытеснения прошлого работают в исследуемых сообществах, как забывающий осмысляет сам процесс и его последствия. Особо отметим, что вниманию читателя предлагаются тексты, рассматривающие забвение в разных дисциплинарных оптиках, что важно, учитывая характер изучаемого феномена. Исследования в области психологии индивидуального и коллективного забывания соседствуют здесь с анализом конкретных исторических примеров.

Подборку открывает статья В.В. Нурковой и А.А. Гофман «Управляемое забвение: четыре типа амнезогенных практик». Размышляя о коллективном забывании, авторы констатируют сложившийся в литературе консенсус относительно «толерантной трактовки забывания»: если вынести за скобки результаты направленной политики памяти (предписывающей помнить или забывать исходя из сиюминутных интересов элит), забвение позволяет сообществу стихийно отказаться от нерелевантного в новых обстоятельствах опыта и таким образом более эффективно отвечать на вызовы настоящего. При этом «забываемый опыт» может быть как вовсе стерт, так и остаться в виде «следов памяти», возвращение к которым возможно по мере актуализации опыта.

Основа механизма забвения – это правила коллективного взаимодействия с эвокативными объектами, вызывающими воспоминания о том, о чем следовало (хотелось бы) забыть. Авторы выделяют четыре типа таких «амнезогенных практик»: игнорирование, уничтожение, функциональную замену (изменение функции эвокативного объекта путем вытеснения одних ассоциаций и воспоминаний другими) и гиперстимуляцию памяти через фиксацию утраты или забвения.

Особая примечательность данного текста, на наш взгляд, состоит в том, что он представляет собой редкую – и тем более ценную – попытку междисциплинарного подхода к проблематике забвения: авторы не просто описывают типы и механизмы забывания, выявленные в ходе психологических исследований, но и последовательно прикладывают их к историческому и культурному материалу. В разных случаях это представляется более или менее убедительным, но неизменно интригующим и продуктивным. Возникающий здесь вопрос о том, в какой степени и каким образом психологические данные могут быть применены к общественным (историческим) феноменам, так же как и предложенная типология управляемого забвения, представляется полезным для осмысления и других статей подборки, в которых амнестическая тематика раскрывается на конкретном историческом материале.

Так, А.С. Виноградова («“Я не хочу об этом знать”: механизмы памяти и забвения у коммунистов во Франции») обращается к механиз-

мам управляемого забвения и их разоблачению на материале мемуаров бывших членов Коммунистической партии Франции. На страницах своих воспоминаний бывшие коммунисты обличают игнорирование на индивидуальном и коллективном уровне «неудобных» решений компартии как часть общей и осознанно культивируемой и «сверху», и «снизу» политики памяти. А.С. Виноградова показывает, что разрыв с партией провоцирует индивидуальный кризис и подчеркнутое внимание к «забываемым» ранее деталям ее истории. При изменении в самоидентификации «забытое» и «забывание» возвращаются в виде травматического опыта, который находит отражение в позднейших мемуарах. Важную роль в осмыслении как политики памяти компартии, так и последующего отказа от нее имеет практика институциональной «самокритики», зародившаяся в недрах компартии и позже перенесенная, по мнению А.С. Виноградовой, на страницы автобиографической литературы.

Тема забвения как подмены памяти и актуализации разных ее слоев в зависимости от запросов общества становится ключевой для статьи В.С. Стафа «От войны гражданской к войне освободительной: формирование советской памяти об интервенции на Севере России (1918–1920 гг.)». Автор исследует мемориализацию событий Гражданской войны в беломорских регионах страны. Отмечая уникальность языка и средств этой мемориализации в 1920-х гг. (так, пионерским для мировой практики стало решение о музеефикации целого концентрационного лагеря), он подчеркивает, что задачей этой политики была подмена понятия и памяти: вместо Гражданской войны победившие большевики предлагали «вспоминать» интервенцию стран Антанты. Механизм этой подмены оказывается созвучен тому, что в статье В.В. Нурковой и А.А. Гофман описано как игнорирование и функциональная замена эвокативного объекта. События, связанные с противостоянием красных и белых, последовательно обходились молчанием в публичных практиках коммеморации, а затем (со второй половины 1920-х и в 1930-х) и вовсе оказались замещены историей противостояния внутренне единой страны интервентам. В.С. Стаф подмечает и другой важный момент: с ослаблением режима в 1980-х гг. опыт Гражданской войны (а вместе с ним и его мемориальное наследие) оказывается ненужным и забывается. Продлевая цепочку функциональных замен и вытеснений и тем самым продолжая работу забвения, на место старых памятников приходят новые эвокативные объекты, на этот раз музеефицирующие оставленные лагеря и командировки ГУЛАГа.

В.П. Ключева в статье «(Не)потерянное десятилетие первопроходцев: глубина памяти молодых нефтяных городов Западной Сибири» исследует своеобразную динамику памяти и забвения истории некоторых северных городов, ориентированных на нефтедобычу. Многие из них (такие, как Когалым, которому, собственно, посвящена статья) зароди-

лись не как нефтяные, однако с приходом сюда нефтяной индустрии память о начальном периоде их существования оказывается в тени более ярких последующих лет, связанных с интенсивным развитием всех сфер городской жизни. Проследивая перипетии этого мемориального противостояния, автор показывает, что фактическая картина сложнее, чем может показаться на первый взгляд. При том, что в целом жители склонны воспринимать себя именно как сообщество нефтяников, вытеснения памяти о первом десятилетии Когалыма не происходит: оно не сбрасывается со счетов, и история первопроходцев находит свое место в публичных репрезентациях местного прошлого. Вместе с тем воспоминания об этих первых годах постепенно уходят даже из семейной памяти, теряя свою значимость в общей локальной истории. Вероятное объяснение этого, по мнению В.П. Ключевой, заключается в постоянной миграции местного населения и отсутствии устойчивого старожильского ядра, которое было бы хранителем и авторитетным агентом этой памяти.

Каждый из текстов, составляющих данную подборку, представляет самостоятельный интерес. Однако в совокупности они, как кажется, приобретают некое дополненное качество и значение. Во-первых, они демонстрируют продуктивность взгляда на проблематику памяти со стороны забвения. Во-вторых, они поднимают важные вопросы о сложностях и возможностях междисциплинарности в сфере мемориальных исследований – привычно провозглашаемой, но нечасто реализуемой. Конкретные исторические кейсы, разбираемые в статьях разных авторов, с одной стороны, вполне соотносятся с моделями, предлагаемыми на основе психологических исследований, а с другой – добавляют в эти модели значимые нюансы.

Наконец, мы не можем не отметить общественную актуальность данной подборки. Тематика управляемого забвения, прямо или косвенно затрагиваемая во всех представленных статьях, сегодня приобрела пугающую остроту. А зависимость памяти и забвения от актуальных общественных запросов и повестки, показанную в представленных текстах, мы можем наблюдать в реальном времени. Память демонстрирует удивительную пластичность: кажется, уже сейчас люди начинают забывать то, что еще вчера казалось незбылемым и неискоренимым. В целом культурная механика памяти и забвения оказывается сегодня не только приведенной в активное движение, но и доступной невооруженному глазу. Все это предоставляет богатый материал для наблюдения и анализа и делает начатый разговор о забвении не просто важным, но неоконченным. Надеемся, что продолжение следует...

Список источников

Куприянов П.С., Соколова А.Д. Забыть и вспомнить: память о советском прошлом в современных исследованиях // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 112–118. DOI: 10.17223/2312461X/34/8

References

Kupriyanov R.S., Sokolova A.D. (2021) Forgetting and Remembering: Memories of the Soviet Past in Contemporary Research, *Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*, no. 4, pp. 112–118. doi: 10.17223/2312461X/34/8

Сведения об авторах:

КУПРИЯНОВ Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: kupriyanov-ps@yandex.ru

ЛОМАКИН Никита Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: lomakinu@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Pavel S. Kupriyanov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kupriyanov-ps@yandex.ru

Nikita A. Lomakin, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: lomakinu@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 мая 2022 г.;
принята к публикации 15 июня 2022 г.*

*The article was submitted 11.05.2022;
accepted for publication 15.06.2022.*

Научная статья
УДК 159.953
doi: 10.17223/2312461X/36/3

УПРАВЛЯЕМОЕ ЗАБВЕНИЕ: ЧЕТЫРЕ ТИПА АМНЕЗОГЕННЫХ ПРАКТИК

Вероника Валерьевна Нуркова^{1, 2, 3}
Алена Алексеевна Гофман³

^{1, 3} МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

² Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия

^{1, 2} Nourkova@mail.ru

³ gofmanalena@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является конденсация эмпирического многообразия форм целенаправленного забывания к ограниченному числу качественно специфичных типов взаимодействия с эвокативными (провоцирующими воспоминания) объектами. Сначала проводится анализ позитивных функций селективного обратимого забывания на индивидуальном и коллективном уровнях. Затем обсуждаются методологические противоречия в трактовке взаимосвязи конструкторов коллективной и индивидуальной памяти. Для решения указанных противоречий предлагается рассматривать коллективную память как первичную по отношению к индивидуальной памяти. При этом коллективная память понимается как опосредствованная эвокативными объектами полиролевая деятельность, направленная на достижение позитивной групповой идентичности. Предлагается новая теоретическая рамка интерпретации процессов коллективного и индивидуального намеренного забывания, включающая в себя четыре типа активного взаимодействия с эвокативными объектами: игнорирование, деструкцию, функциональную замену и создание гиперстимулирующих эвокативных сред. Практики игнорирования оставляют эвокативный объект сохранным. Они осуществляются в форме физического дистанцирования, исключения нежелательных воспоминаний из коммуникации и маскировки эвокативных аспектов объекта. Практики деструкции подразумевают физическое уничтожение внешних условий, провоцирующих актуализацию мнемического следа события. Механизм практики функциональной замены заключается в интерференции эвокативного содержания объекта либо за счет его альтернативного использования, либо за счет создания альтернативного объекта со сходным функционалом. Практики создания гиперстимулирующих эвокативных объектов направлены на контроль и локализацию интенсивных мнемических реакций в социально санкционированных контекстах.

Ключевые слова: коллективное забывание, индивидуальное забывание, эвокативные объекты, намеренное забывание

Для цитирования: Нуркова В.В., Гофман А.А. Управляемое забывание: четыре типа амнезогенных практик // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 33–58. doi: 10.17223/2312461X/36/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/3

Guided Forgetting: Four Types of Amnesogenic Practices

Veronika V. Nourkova^{1,2}, Alena A. Gofman³

^{1,3} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

² *Institute for Social Sciences RANEPa, Moscow, Russian Federation*

¹ *Nourkova@mail.ru*

³ *gofmanalena@gmail.com*

Abstract. The aim of the article is to condense the empirical variety of forms of intentional forgetting to a limited number of qualitatively specific types of interaction with evocative (memory evoking) objects. First, an analysis of the positive functions of selective reversible forgetting at the individual and collective levels is carried out. Then methodological contradictions in the interpretation of the relationship between the constructs of collective and individual memory are discussed. To solve these contradictions, it is proposed to consider collective memory as primary in relation to individual memory. At the same time, collective memory is understood as a multirole activity mediated by evocative objects and aimed at achieving a positive group identity. The article proposes a new theoretical framework for interpreting the processes of collective and individual intentional forgetting, which includes four types of active interaction with evocative objects: ignoring, destruction, functional replacement and creation of hyperstimulating evocative environments. Ignoring practices leave the evocative object intact. They are carried out in the form of physical distancing, exclusion of unwanted memories from communication, and masking the evocative aspects of the object. The destructive practices imply the physical destruction of external conditions that provoke actualization of the mnemotic trace of the event. The mechanism of functional replacement consists in interfering with the evocative content of the object either through its alternative use, or by creating an alternative object with similar functionality. The practices of creating hyperstimulating evocative objects are aimed at controlling and localizing intense mnemonic reactions in socially sanctioned contexts.

Keywords: collective forgetting, individual forgetting, evocative objects, intentional forgetting

For citation: Nourkova, V.V. & Gofman, A.A. (2022) Guided Forgetting: Four Types of Amnesogenic Practices. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 33–58. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/3

В нашей ли власти выбирать, что помнить? Во всяком случае Фемистокл, которому то ли Симонид, то ли кто-то другой собирался преподавать искусство памяти, сказал: «Я бы предпочел искусство забывать, ибо помню то, чего не хочу помнить, и не могу забыть то, что хотел бы забыть». Цицерон («О пределах блага и зла», 2000: II, 32, 104)

Настороженность культуры относительно забывания зафиксирована в бесспорно негативной этимологии соответствующих лексических единиц.

Обыденное языковое сознание (Уфимцева 2011) представителей различных культур позиционирует забывание как антипамять, враждебную памяти силу. Однако в истории науки трактовка роли забывания как в психической жизни отдельного человека, так и в социальной жизни сообществ меняется от резкой критики к толерантности и даже апологии.

Реабилитация обратимого забывания

Совпадающая с обыденным языковым сознанием негативная оценка забывания фокусируется именно на сбое способности извлечь необходимый опыт прошлого. Поэтому главной задачей является противостояние забыванию (Assmann, Czaplicka 1995). Эту позицию емко выразил П. Рикёр: «Забвение прежде всего и в самом общем виде предстает как ущерб, нанесенный надежности памяти, – ущербность, слабость, пробел. В этом плане сама память определяется... как борьба против забвения» (Рикёр 2004: 574).

В то же время Рикёр предостерегает и от стремления к тотальной победе над забыванием, отдавая предпочтение «соразмерной памяти», где отменено полное уничтожение следов пережитого культурой или индивидом опыта, но допустим компромисс с «укрошенным» забыванием, которое автор называет «забыванием-резервом» (Рикёр 2004: 609). В психологической литературе различают проблемы отсутствия адекватного следа опыта и его доступности для воспроизведения (см. подробно: (Нуркова, Гофман 2016a)). В первом случае забывание связывается с физической деградацией следа памяти или его принципиальной модификацией. Забывание первого типа невосполнимо и подобно пожару в хранилище с уникальными рукописями. Во втором случае речь идет о создании обратимых помех извлечению мнемических следов при их достаточной сохранности (см. подробно: (Нуркова, Гофман 2016b)).

С. Норби (Nørby 2020) выделил четыре уровня обратимого забывания, расположив их по степени вероятности возвращения содержания в сознание: 1) немой (silent) включает фрагментированные следы опыта, не связанные в целостную репрезентацию события, которые, однако, способны стать частью нового мысленного эпизода и, таким образом, повторно войти в психологический репертуар; 2) ограниченный (restricted), для актуализации которого требуются уникальные ситуационные напоминания; 3) скрытый (latent), реагирующий на широкий круг напоминаний и легко осознаваемый при произвольном запросе и 4) мощный (potent), перманентно готовый для спонтанной актуализации. Хотя первые два из перечисленных уровней субъективно переживаются как забывание, даже они оставляют возможность включения прошлого опыта в текущую деятельность человека.

Переформулировка сути забывания в терминах селективности памяти привела к его «реабилитации» как способности воздерживаться от использования прошлого опыта в тех ситуациях, когда прошлое нерелевантно или враждебно текущим задачам.

Таким образом, с точки зрения современной психологии, забывание представляет собой ансамбль эволюционно сложившихся механизмов работы с информацией, которые модулируют доступность следов опыта в ответ на действие когнитивных (содержательная точность и полнота запроса), мотивационных (напряженность соответствующей потребности или конгруэнтность целевого содержания самооценке) и контекстных (присутствие стимулов-напоминаний) факторов.

Дискуссионным остается вопрос о возможности намеренного контроля этих механизмов (Нуркова, Гофман 2018). В отличие от целенаправленного запоминания, оснащенного мощным арсеналом средств фиксации, поиска и своевременной актуализации информации, реализация намерения забывать оставалась вне фокуса культурных усилий. Магистральный вектор развития культуры всегда был связан с сохранением и консервацией опыта, в то время как интерес к забыванию появлялся лишь в статусе досадной «работы над ошибками». Создание специальных амнезогенных технологий происходило на периферии культурного развития памяти.

Эмпирические исследования показывают, что достижение сознательной цели забыть хорошо известный материал оказывается эффективным лишь на непродолжительных временных интервалах, а затем оборачивается своей противоположностью, повышая вероятность узнавания запрещенных стимулов (Nourkova, Gofman, Kozlov 2018). Однако в случае овладения адекватными амнезогенными приемами (например, фрагментации слов на отдельные буквы и их чтения в заданном порядке или генерации ассоциаций к слову, перевод которого на вымышленный язык требовалось забыть) участникам экспериментов удавалось достаточно успешно снизить доступность целевого материала при отсроченном узнавании вопреки стремлению воспроизвести запрещенное ранее содержание (Гофман, Нуркова 2019). Таким образом, намеренное забывание в принципе возможно, хотя и относится к сфере недостаточно освоенных человеком когнитивных навыков.

«Добродетели» индивидуального забывания

В знаменитой работе 2001 г. Д. Шектер (2021) сформулировал «семь грехов памяти», связанных с забыванием. Дж.М. Фосетт и Дж.К. Халберт (Fawcett, Hulbert 2020) дали своеобразный «зеркальный ответ» Шектеру, включив в свой альтернативный ряд семь «добродетелей забывания»,

сгруппированных в три категории метафорическими фигурами Хранителя (Guardian), Библиотекаря (Librarian) и Изобретателя (Inventor).

Протективная функция забывания – Хранитель – объединяет умиротворение (serenity) и стабильность (stability), которые заключаются в редукции эмоционального компонента и деталей негативного опыта, угрожающего благополучию в настоящем. Такая «психологическая анестезия» позволяет извлекать уроки из травматичных событий прошлого, создавать и поддерживать устойчивую позитивную самооценку (без прессинга неудач прошлого) и, как результат, активно стремиться к достижению целей в будущем. Забывание здесь обеспечивает позитивную конструктивность памяти, позволяя дополнять обедненное забыванием воспоминание усиливающими желаемый образ себя качествами, а затем использовать его модифицированную версию для саморегуляции эмоций и мотивации (Nørby 2015; Nourkova, Vasilenko 2018).

Метафора Библиотекаря связана с оптимизацией познавательных процессов. Функция ясности (clarity) предполагает очищение содержания от деталей, которые не существенны для описания события. Функция ревизии (revision) направлена на коррекцию обнаруженных ошибок. Функция абстракции (abstraction) состоит в схематизации многообразного эмпирического опыта в обобщения более высокого порядка.

В образе Изобретателя авторы соединили функции вдохновения (inspiration) и переоткрытия (rediscovery). Под функцией вдохновения авторы подразумевают вклад забывания в преодоление сложившихся стереотипов восприятия и мышления, что важно для генерации новых творческих решений (Smith 2010). Функция переоткрытия обеспечивает «свежий взгляд» на привычные вещи.

Предложенная авторами номенклатура функционального потенциала забывания, по нашему мнению, требует расширения. Так, эффективное забывание критически необходимо для правильной временной ориентации в череде схожих повторяющихся событий, а также для поддержания выбранного направления и способа осуществления деятельности путем забывания отвергнутых альтернатив (Storm 2010). Однако важнейшей нам представляется проспективная функция забывания, т.е. нацеленная в будущее способность не вспоминать то, что противоречит нашим планам и стремлениям. Забывание также обладает существенным адаптивным потенциалом для социального взаимодействия (например, феномен прощения).

«Добродетели» коллективного забывания

Если бенефициаром индивидуального забывания является сам забывающий, то в случае коллективного забывания выгоду получает определенная социальная общность. По мнению В. Хёрста (Hirst 2020), для

коллективного забывания наиболее характерны функции, объединенные метафорой Хранителя, где целью охранения выступает позитивная групповая идентичность. Со стремлением сохранить позитивную национальную идентичность связывает интенсивное забывание массовой поддержки нацизма в постгитлеровской Германии Т. Адорно (2005). Д. Рифф (Rieff 2016) настаивает на миротворческой роли забывания в межгрупповой коммуникации.

Наиболее обсуждаемую номенклатуру функциональных доменов забывания для больших групп предложил П. Коннертон (Connerton 2008). Среди семи (еще один оммаж работе Шектера) выделенных им форм коллективного забывания две можно отнести к «ориентирам» по Хальбваксу (2007), т.е. к результатам санкционированных элитами воздействий на членов группы. Направленность «сверху вниз» обнаруживают: 1) репрессивное стирание, когда из пространства общественной коммуникации удаляются все напоминания об оппозиционных предшественниках и 2) предписывающее забывание, где «правила забывания» декларируются публично и полезны всем strатам общества, в частности обеспечивая примирение враждовавших ранее сторон.

Остальные пять форм коллективного забывания не являются результатом осознанной «политики памяти», представляя собой эффект немнемических по своей сути социальных процессов, т.е. направлены «снизу вверх». Так, термином «забывание, определяющее формирование новой идентичности», Коннертон обозначает исчезновение из коммуникативного обихода тех воспоминаний, которые не имеют отношения к актуальной идентичности группы. Ограниченность объема воспроизведения теми воспоминаниями, которые релевантны значимым на актуальном временном отрезке социальным отношениям, названа им структурной амнезией. Механизм «аннулирования» – это ослабление стремления к «живому» сохранению знаний в связи с техническим прогрессом в архивации и делегированием функции запоминания внешним по отношению к человеку системам. Сходное явление известно под названием «эффект Google», суть которого заключается в формировании нового гибридного типа памяти, когда человек запоминает алгоритм поиска нужного материала в сети, но не само его содержание (Sparrow, Liu, Wegner 2011). Быстрое обновление материальной среды и идеологического ландшафта требует забывания предшествующего опыта решения функционально аналогичных задач. Такое «запланированное устаревание» способствует обновлению социальных практик.

Коннертон завершает свою классификацию форм коллективного забывания мотивационно обусловленным вытеснением ассоциированных с коллективным стыдом и виной воспоминаний, называя его «униженное молчание». Как известно, идея о вытеснении из сознания травмирующих воспоминаний как о варианте психологической защиты восхо-

дит к З. Фрейду, который подчеркивал его активность, энергоемкость и обратимость (1998). В психоаналитической традиции постулируется, что удерживаемое от осознания воспоминание может претерпевать символическую трансформацию, прорываясь в сознание в сновидениях и творческой продукции, либо проявляться в форме патологических невротических и соматических симптомов. По аналогии можно предполагать, что «униженное молчание» групп объективируется не только в избегании воспоминаний определенной тематики, но также в тенденциях популярной культуры и в так называемых болезнях общества. Более того, за осознанием и разрешением конфликта амбивалентности полученной коллективной травмы должно следовать снятие эффектов забывания.

Таким образом, в настоящее время все большее число сторонников приобретает толерантная трактовка забывания, которая видит в забывании как минимум «побочные продукты желательных характеристик человеческой памяти» (Шектер 2021), а как максимум – полноправного участника «менеджмента памяти», в значительной степени ответственного за ее продуктивность (Wills 2008: 240). Более того, складывается междисциплинарная традиция апологии забывания (Bjork 1989; Michaelian 2011; Nørby 2015; Fawcett, Hulbert 2020; Karpicke, Coverdale 2020).

Индивидуальная и коллективная память: тезис, антитезис, синтез

Логика дальнейшего обсуждения требует отказа от интуитивно очевидного различения понятий «индивидуальная память» и «коллективная память» и изложения нашей позиции относительно их соотношения и стоящей за этими понятиями реальности.

Дж. Олик справедливо заметил, что «в литературе конкурируют две различные концепции коллективной памяти: одна относится к совокупности социально оформленных индивидуальных воспоминаний, а другая – к коллективным явлениям *suī generis*» (Olick 1999: 333). Мы настаиваем на том, что, во-первых, данные концепции не являются взаимоисключающими и, во-вторых, ни одна из них по отдельности не может задавать методологические и методические рамки оптимальной перспективы исследований. Остановимся подробнее на приведенной оппозиции.

Первую из альтернатив наиболее полно выражает высказывание А. Фанкенштейна: «Вспоминание – это ментальный акт, и, следовательно, оно абсолютно и полностью частное явление» (Funkenstein 1989: 6). Данный тезис согласуется с позицией автора концепции детерминации индивидуальной памяти социальными схемами организации опыта Ф.Ч. Бартлетта, прямо заявлявшего, что никакая группа или коллектив не могут обладать памятью либо другими психическими

функциями (Bartlett 1995: 293). Наиболее прямолинейно такая трактовка воплощается в практиках экспликации коллективной памяти путем суммирования единообразного и отсеечения различного в корпусе индивидуальных воспоминаний об общественно значимых событиях, действиях или временных периодах. Например, Т.П. Емельянова дает следующее определение: «...коллективная память представляет собой *разделяемые* (курсив наш. – В.Н., А.Г.) воспоминания об историческом прошлом, пропущенные через призму групповой идентичности, воссозданные с учетом и в контексте сегодняшних интересов и целей группы» (2019: 35). Аналогично Дж. Беллелли и соавт. относят к явлениям коллективной памяти «разделяемые (shared) воспоминания, поддерживающие переживание принадлежности к группе» (Bellelli, Curci, Leone 2007: 639). Несмотря на то, что большинство эмпирических исследований коллективной памяти выполнено в русле подобного «усредняющего» подхода, следует признать, что коллективная память в данной оптике – это не более чем метафора, наделяющая группу антропоморфными психическими способностями и редуцирующая суть феномена к описательной статистике (Gedi, Elam 1996; Труфанова 2020).

Противоположный полюс мышления в артикулированной Оликом дихотомии постулирует независимое от составляющих группу индивидов существование коллективной памяти. Эта линия интерпретации берет начало в теории реальности наиндивидуальных социальных фактов и представлений Эмиля Дюркгейма (1995). Экстремумом данной трактовки является полный отказ от учета свойств и ограничений индивидуального когнитивного аппарата при создании модели коллективной памяти (Green 2004). Коллективная память концептуализируется как некое «облачное» хранилище всех мыслимых (и немислимых) обобщенных форматов упорядочивания и содержательного наполнения истории группы, которые могут быть востребованы конкретной социальной ситуацией. «Единицами хранения» коллективной памяти признаются сущности, подобные «функциям» В. Проппа (2013), «схемам» Ф.Ч. Барлетта (1995), «социальным представлениям» С. Московиси (см.: (Moliner, Bovina 2020)) или «схематическим повествовательным шаблонам» Дж. Верча (Wertsch, Roediger 2008; Wertsch 2009). Информация в коллективной памяти не хранится пассивно, а имеет собственные законы развития и трансформации. Исходя из данной трактовки, содержание коллективной памяти не может быть исчерпывающе эксплицировано ни усреднением, ни суммой воспоминаний членов группы, но парциально выявляется в них. Однако признание самобытности коллективной памяти лишь заостряет проблему ее эмпирической непознаваемости *per se*. За скобками исследовательского понимания здесь остаются вопросы об источниках, субстрате и механизмах ее функционирования (Kansteiner 2002; Гарегезов 2013).

Преодоление методологического тупика параллелизма индивидуальной и коллективной памяти видится нам на пути их интеграции в единой линии последовательно развивающихся в антропо- и онтогенезе форм совместной полиролевой мнемической деятельности.

В контексте частого смешения понятий «коллективная память», «культурная память» и «социальная память», следует специально подчеркнуть, что все высшие формы жизнедеятельности человека являются социальными (т.е. коллективными) по источнику формирования и культурными по содержанию (Выготский 1982). Поэтому при решении поставленной проблемы речь идет не о вкладе социального и культурного в формирование индивидуального, а о субъекте коллективных мнемических процессов. Согласно нашей концепции, таким субъектом выступает социальная система, элементами которой являются связанные общими коммеморативными практиками индивиды, а системообразующий уровень представлен мотивацией создания и поддержания аффективно насыщенного переживания групповой идентичности. Достижение общих для группы мнемических целей (помнить или забыть), в свою очередь, подразумевает использование адекватных приемов. Такие приемы технически представляют собой организованные процедуры взаимодействия с эвокативными (evocative – вызывающий воспоминания, термин введен Ш. Таркль (Turkle 2011)) артефактами. В этом случае коллективная память группы должна пониматься как снятый момент взаимодействия между людьми, использующими схожий семиотический инструментарий. Можно сказать, что коллективная память и есть направленное на достижение мнемических целей и опосредствованное эвокативными объектами взаимодействие между социальными агентами.

Согласно предлагаемому подходу, адекватным методом изучения коллективной памяти является не усреднение индивидуальной мнемической продукции, а анализ процесса ее создания в ходе коллективного взаимодействия в семиотически насыщенном пространстве. Объектом исследования тогда становятся практики трех типов: совместное запоминание, совместное вспоминание и совместное забывание (Barnier, Sutton 2008; Hirst, Yamashiro, Coman 2018). Причем объем и содержание материала, который вносит или изымает каждый из социальных агентов, может быть качественно различен (Sutton 2008). Изучение самих эвокативных артефактов, в которых опредмечены наиндивидуальные аспекты коллективной памяти, и социальных практик их функционирования является неотъемлемой частью научно-исследовательской программы познания коллективной памяти.

Выступающий для нас методологическим ориентиром в интегральной трактовке коллективной памяти тезис о первичности коллективных форм символической деятельности над индивидуальными в ходе развития человеческой психики был четко сформулирован Л.С. Выготским:

«Каждая высшая психическая функция появляется в процессе развития поведения дважды: сначала как функция коллективного поведения, как форма сотрудничества или взаимодействия... а затем вторично как способ индивидуального поведения» (Выготский 1983: 197). Исходя из этого, мы считаем перспективным рассматривать целостную траекторию становления коллективной памяти в последовательности от реализуемых во внешней предметной деятельности коллективных мнемических актов к индивидуальным мнемическим практикам, опирающимся на освоенные ранее культурные технологии.

Четыре типа амнезогенных практик взаимодействия с эвокативными объектами

Опираясь на указанный методологический подход, мы предлагаем новую схему анализа организации забывания, рассматривая коллективное забывание как опосредствованное эвокативными объектами взаимодействие между членами группы, которое направлено на снижение вероятности воспоминания определенного содержания. В свою очередь, индивидуальное намеренное забывание является производным от коллективного и подразумевает исполнение аналога групповых действий забывания сначала во внешнем, а затем во внутреннем плане («в уме»). При этом коллективные культурные приемы создания амнезогенной ситуации могут либо воплощать разделяемую членами группы общую цель забвения, либо оставаться вне индивидуальных намерений. Во втором случае забывание наступает как побочный продукт деятельности с замаскированным мнемическим аспектом, т.е. члены группы забывают или кардинально изменяют свои воспоминания, не отдавая себе отчет в том, что были вовлечены в специфические амнезогенные формы активности.

Констатируя избыточность и неустойчивость классификационных признаков, представленных в изложенной выше литературе номенклатур доменов забывания, мы делаем вывод, что эмпирическое многообразие базовых амнезогенных практик может быть сведено к четырем основным типам – игнорированию, деструкции, функциональной замене и созданию гиперстимулирующих эвокативных объектов, различающимся по активному отношению к опредмечиваемому содержанию памяти эвокативному объекту. В объем понятия эвокативного объекта нами включаются как специально созданные для напоминания артефакты (памятники, сувениры, коммеморативные тексты и ритуалы), так и спонтанно получившие эвокативный потенциал природные и рукотворные объекты и даже социальные общности (поколения). В этом смысле денотат понятия эвокативного объекта близок тому, что П. Нора (1998) объединял метафорическим термином «места памяти». Одна-

ко если Нора, занимая позицию борца с забвением, озабочен сохранением мест памяти: «...без коммеморативной бдительности история быстро вымела бы их прочь» (1999: 27), то мы, напротив, сосредоточимся и на приемах дефункционализации эвокативных объектов.

Практики игнорирования эвокативных объектов

Технология активного игнорирования эвокативного потенциала элементов среды базируется на известной психологической закономерности: вероятность воспроизведения материала из памяти прямо пропорциональна частоте обращения к этому материалу в прошлом (Anderson, Schooler 1991). Но как воздержаться от воспоминания, когда сама среда «напоминает» снова и снова? Мы выделили три формы активного игнорирования эвокативных провокаций: самоустранение, молчание и маскировку.

Наиболее простым способом избежать напоминаний о фрустрирующем прошлом является самоустранение из эвокативной среды. Так, согласно популярной интерпретации (хотя и оспариваемой теологами), смыслом сорокалетнего скитания еврейского народа в Синайской пустыне было забвение рабской идентичности, необходимое для начала строительства нового суверенного государства. Безусловно, с точки зрения реальной географии региона продолжительность исхода из Египта выглядит гипертрофированно. Однако для нас важно подчеркнуть отраженную в данном легендарном событии двойственность мишеней забвения. С одной стороны, это – место травмы, а с другой – сама популяция носителей травмы. Иными словами, пространственное дистанцирование от эвокативных триггеров должно быть достаточно долговременным, чтобы прекратить своё существование в качестве компонента групповой идентичности.

Значимость мнемических последствий миграций больших групп не снижается тем фактом, что они преимущественно диктуются экономическими и политическими причинами. Впрочем, любые массовые перемещения внутренне противоречивы. С одной стороны, отсутствие наглядных следов коллективного прошлого действительно способно сократить частоту обращений к травмирующей тематике. С другой стороны, полная утрата корреспондирующего с травмой опыта несет в себе угрозу распада группы, ее ассимиляции в новом окружении. На индивидуальном уровне миграция влечет за собой практически неизбежный кризис идентичности, который с примерно равной вероятностью разрешается либо в пользу отказа от исходной идентичности, либо в пользу ее превращения в ведущую ценность личности (Солдатова, Шайгерова 2002). Аналогичные тенденции свойственны и групповым процессам, что показано, например, исследованиями четырех «волн» российской эмиграции в XX в. (Медведева, Бушуева 2016). Поэтому

оптимальная политика памяти группы, физически изолированной от эвокативных объектов, должна быть подчинена задаче сохранения позитивной идентичности и строиться как реинтерпретация травматического опыта в духе афоризма Ф. Ницше «То, что нас не убивает, делает нас сильнее» (2009).

В качестве примера такой политики памяти можно привести функциональную динамику коммеморации ирландской диаспорой в США «Ирландского картофельного голода» 1845–1849 гг., повлекшего эмиграцию более 20% населения. М. Келлехер (Kelleher 2002) отмечает, что вопреки фактам на рубеже XIX–XX вв. причиной катастрофического голода считались преступные действия британских властей – вывоз продовольствия с охваченного неурожаем острова. Такая концепция, во-первых, способствовала успешной интеграции ирландской диаспоры в американское общество, идентичность которого во многом опиралась на противопоставление Великобритании и независимость от нее и, во-вторых, открывала возможность героизации эмигрантов в качестве основателей новой Ирландии (пусть и в границах другого государства). Показателен в данном контексте двухступенчатый процесс создания мемориала к полуторавековой годовщине событий (Rowan Gillespie). Сначала он представлял собой группу изможденных фигур, плетущихся к порту в надежде спастись от голода на уходящем корабле. Однако через год после открытия мемориал существенно дополнили. В его основание были вмонтированы таблички с фамилиями 100 влиятельных ирландских семей, достигших успеха в США и Европе уже в XX в. Данная трансформация, по нашему мнению, точно отражает преобразование памяти о событии, ставшем причиной трагического разделения нации: беспомощное бегство от голода с родной земли приобрело статус старта последующего расцвета диаспоры, состоящей из потомков первых эмигрантов.

Другая тактика организации забывания за счет игнорирования заключается в запрете на включение воспоминаний, вызванных эвокативным объектом, в коммуникацию. Эвокативная среда остается на месте, но носители памяти ведут себя таким образом, как будто ее нет. Политика забывания здесь следует пословице «Кто прошлое помянет – тому глаз вон!». Однако молчание не обозначает забвения *per se*. Наоборот, синхронное кратковременное молчание может работать как мощный триггер памяти, принуждая группу прервать рутину и обратиться к общим воспоминаниям, поэтому практика минуты молчания входит в ритуал поминовения во многих странах. Иное дело – тотальное изъятие из коммуникативного обихода упоминаний о пережитом опыте. Например, в послевоенном учебнике истории СССР отсутствует упоминание о массовом голоде начала 1930-х гг., но утверждается, что «к концу 1932 г... деревня получила тракторы, комбайны и новейший

сельскохозяйственный инвентарь... Колхозы уничтожили основу классовой эксплуатации и нищеты в деревне... бывшие бедняки и середняки стали обеспеченными людьми» (Базилевич и др. 1952: 332). Протицированная серия утверждений должна была неизбежно вступать в диссонанс с личным опытом миллионов людей (Кондрашин 2008). Однако официально санкционированное через институты образования молчание успешно формировало мнемическую слепоту последующих поколений, привычно воспроизводящуюся и в позднесоветский период (Берхин, Федосов 1982).

Среди практик молчания В. Виницки-Серусси и К. Тигер (Vinitzky-Seroussi, Teeger 2010) выделяют особую форму – «скрытое молчание». В рамках «скрытого молчания» эвокативная отсылка формально остается интактной, но помещается в более широкий контекст и, вследствие этого, ее мнемический потенциал «размывается», перемещается на периферию коммеморативной деятельности. Например, Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции в 1991 г. был перестроен в Государственный музей политической истории России, где статус в целом сохраненной коллекции материалов о событиях 1917 г. снизился до фрагмента российской истории XIX–XXI вв.

Эффективным приемом игнорирования может выступать маскировка эвокативных аспектов объекта. Одной из практик данного типа является переименование, при котором сам объект остается полностью сохранным и функционально включенным в жизнь группы, но утрачивает ассоциативную связь с тем, что подлежит забвению. Иллюстрацией служит кампания по реставрации исторических названий, развернувшаяся перед прекращением существования СССР. Отметим тот факт, что амнезирующие советское прошлое решения принимались до официального распада страны. Это свидетельствует о психологической готовности к последующим событиям (в 1990 г. Калинин было возвращено название Тверь, Горькому – Нижний Новгород, в течение 1991 г. Куйбышев стал Самарой, Ленинград – Санкт-Петербургом, Свердловск – Екатеринбург и т.д.). Важно подчеркнуть, что переименования с целью маскировки эвокативных аспектов объекта весьма селективны и представляют собой результат сопоставления психологических выгод и издержек забвения. Закономерным образом города Восточной Пруссии, взятые под юрисдикцию СССР после Победы в Великой Отечественной войне, до сего дня сохраняют свои советские названия (Кенигсберг – Калининград, Тильзит – Советск). Ведь в противном случае была бы подвергнута риску память о социально сверхценных событиях военного периода.

Аналогичные коллективным практикам игнорирования приемы забывания обнаруживаются и в индивидуальной мнемической активности: люди «бегут» от своих воспоминаний, меняя место жительства,

прощают обиды с обещанием никогда более не упоминать о них и обильно используют эвфемизмы, описывая наиболее болезненные эпизоды своего прошлого.

Практики деструкции эвокативных объектов

Наиболее радикальным способом достижения забывания является прямое уничтожение следа события. Понятно, что цена стратегии уничтожения может быть достаточно высока, так как вместе с эвокативной составляющей объекта разрушению подвергается весь его функционал. Так, в Древнем Риме в качестве особой формы посмертного наказания применялось «проклятие памяти» (*damnatio memoriae*) – полное уничтожение всех вещественных свидетельств жизни врага государства. Если осужденный «проклятию памяти» был императором, отзывались отчеканенные монеты с его изображением и аннулировались установленные им законы (Caroll 2011). Очевидно, что издержки чеканки новых денежных знаков и прорехи в законодательстве никого не смущали.

Гораздо проще дело обстоит с уничтожением памятников, которые не имеют иной функции кроме мемориальной. Упомянем уничтожение статуй французских королей и свержение Вандомской колонны во время Парижской коммуны 1871 г. После революции 1917 г. разграбление памятников захватило массы, став своеобразной *idée fixe* (Формозов 2006). Захлестнувшая в наши дни США и Европу «война с памятниками» прямо позиционируется как трансформация исторической памяти в свете актуальных гуманистических ценностей. Предполагается, что разрушение памятника стирает воспоминания о прежней апологетической версии жизненного пути героя, легитимизируя новую, инвективную.

Обратимся и к этнографическим данным. Согласно Д. Батталья (Battaglia 1990), мнемическая лексика гвинейского племени сабарл исчерпывается обозначениями эвокативных объектов – *raganiwohasik* («предмет, чтобы напоминать») и *pobunbunen* («потерять объект-напоминание»). Поэтому все акты памяти осуществляются во внешнем плане, а эвокативные объекты выступают ее единственным субстратом. После смерти члена племени люди сабарл исполняют ритуал коллективного забвения умершего, состоящий в уничтожении его вещей и перекрестном возвращении даров с целью освобождения от связей с духом мертвого.

Удивительны по своей логической выверенности ритуалы создания «эфмерных» памятников, функциональная сущность которых заключается во временной конденсации эвокативности для ее последующего разрушения. Такие ритуалы зафиксированы, например, в некоторых африканских и меланезийских культурах (Forty 1999). В ряде меланезийских племен, исследованных С. Кюхлер (Küchler 2002), частью по-

хоронного обряда является крайне трудоемкое изготовление ритуальной статуи – «malanggan», которая размещается на свежей могиле всего на одну ночь, а затем коллективно сжигается. Кюхлер интерпретирует смысл данного действия как акт материализации групповой памяти об усопшем, освобождение от которой сопровождается своеобразной экзистической разрядкой, «отпусканием» его в мир мертвых.

На индивидуальном уровне радикальное уничтожение эвокативных объектов используется как инструмент достижения забывания не только во внешнем, но и в идеальном плане. Именно на эту стратегию преимущественно опирается «ars oblivionis» – искусство забывания.

У. Эко (2016: 76–77) цитирует уроки забывания монаха XVI в. Ф. Джезуальдо, где тот излагает приемы борьбы с нежелательными образами: вообразив себя художником, закрасить мысленные картины; представить разрушительный вихрь, оставляющий после себя руины на месте вызванного из памяти образа, с последующим умственным возвращением в опустевшее пространство; увидеть внутренним взором ужасного и пугающего Врага (чем более жестоким, грубым и воинственным он будет, тем лучше), который вместе с вооруженными союзниками стремительно врывается в воображаемое пространство и бичами, палками и другим оружием выбивает прочь нежелательные образы. М. Каррутерс (Carruthers 2009), автор работ по исследованию мнемоник средних веков, в качестве одного из учителей «ars oblivionis» упоминает бельгийского мастера искусства памяти конца XVI в. Томаса Шенкеля, чьи летатехники крайне схожи с описанными выше – пространство памяти предлагалось очистить с помощью сильных порывов ветра, слуг, выметающих лишний сор, или безжалостных врагов, сносящих все на своем пути.

Спустя еще 400 лет другой мнемонист, скорее всего, не будучи знакомым с трудами европейских коллег прошлых веков, интуитивно пришел к аналогичным техникам. Пытаясь найти способ забыть, Соломон Шерешевский мысленно стирал написанное на доске, накрывал доску в своем воображении непроницаемой пленкой или сжигал ее. Однако для Шерешевского данные способы оказались неэффективными и так и не решили проблему контроля над образами памяти (Лурия 1968).

Практики функциональной замены эвокативных объектов

Психологические эксперименты свидетельствуют о наличии в индивидуальной психике «программы» активного сдерживания (inhibition) доступа к конкурирующим с осознаваемым в данный момент содержаниям памяти (Murayama et al. 2014). Данный механизм назван забыванием, индуцированным воспроизведением (retrieval-induced forgetting, RIF). Лабораторная процедура получения этого эффекта включает в

себя три этапа. На первом этапе испытуемым однократно предъявляются несколько пар стимулов типа «категория – пример» (допустим, «птица – соловей», «птица – канарейка», «дерево – осина», «дерево – ясень»). Затем проводится тренировка воспоминания одной из пар («птица – сол....?»). При финальном тестировании требуется вспомнить все пары. Об активном сдерживании воспроизведения именно тех стимулов, которые содержательно конкурируют с выбранными для повторения, свидетельствует то, что именно они (в нашем случае – «канарейка») оказываются забытыми значительно чаще, чем стимулы из других категорий («осина» и «ясень»). Вариантом RIF является феномен «амнезии непринятого решения», когда содержание обдуманных, но отвергнутых личностно значимых решений забывается, причем, чем значимее область, к которой непринятое решение относится, тем интенсивнее проявляется эффект (Chance, Norton 2008). RIF-эффект задокументирован также в коммуникативных ситуациях, где процесс воспроизведения разделен между несколькими людьми и касается сложных нарративов о прошлом (Hirst, Echterhoff 2012). Иными словами, когнитивная система активно тормозит отвергнутые ранее конкурирующие содержания в том случае, если в данный момент задача успешно решается за счет избранной альтернативы. При этом опыт сдерживания воспроизведения накапливается и приводит к устойчивому забыванию «старого» варианта.

Амнезогенные техники типа функциональной замены эксплуатируют описанный выше RIF-эффект. Функциональная замена может развиваться в двух направлениях. Во-первых, нежелательный эвокативный объект может быть заменен другим с аналогичными функциональными свойствами. В данном ключе, например, можно рассматривать введение выходного праздничного дня 4 ноября (День народного единства, отмечается с 2005 г.). Этот праздник выглядит функциональной заменой Дня Октябрьской революции 1917 г., с большим пафосом отмечавшегося 7 ноября и являвшегося главным официальным праздником СССР. Успех функциональной замены в данном случае обусловлен тем, что: 1) сохраняется функция праздника; 2) новый праздник близок по дате старому и, таким образом, удерживает привычный ритм смены трудовых и выходных дней («ноябрьские праздники») и 3) содержание нового праздника аналогично отсылает к конституирующему государственность историческому событию. В результате совокупного действия указанных факторов, по данным ВЦИОМ 2018 г. (www.wciom.ru) 42% респондентов утверждают, что действительно отмечают День народного единства. При этом большинство россиян знает о дате 7 ноября, но не воспроизводит ранее связанные с ней ритуалы.

Сходную идею функциональной замены можно усмотреть и в феномене модного потребления, когда еще добротные вещи заменяются но-

выми с целью «психологического обновления», т.е. субъективного дистанцирования от прошлого.

Во-вторых, эвокативность объекта может снижаться после того, как он приобретает новые функции. Так, одним из стандартных последствий смены господствующей идеологии, политической власти и экономического устройства является перепрофилирование носителей символов, утративших свои позиции. Так, после 1917 г. в рамках антирелигиозной кампании церковные здания приобретали широчайший спектр новых функций в диапазоне от музеев, образовательных и медицинских учреждений до тюрем, казарм и вокзалов. Аналогичный механизм, по нашему мнению, актуализирует создание новых символически насыщенных объектов на месте старых. Пожалуй, образцовым примером череды повторных функциональных замен такого типа является история района Пречистенки в Москве. Расположенный там Храм Христа Спасителя был впервые освящен в 1883 г. как памятник воинской славы героям Отечественной войны 1812 г., т.е. сразу создавался как квинтэссенция эвокативности. Взрыв построенного на народные пожертвования самого большого храма Российской империи в 1931 г., с одной стороны, следовал стратегии уничтожения объекта мощной эвокативной силы, а, с другой стороны, в рамках функциональной замены, освобождал место уже для главного здания СССР – Дворца Советов.

Показательно, что фрагменты декора храма пошли на облицовку станций строящегося метрополитена, войдя в еще один цикл функциональных замен. Строительство Дворца Советов было прервано войной на стадии закладки фундамента, так что в течение почти трех десятилетий зияющая пустота заброшенной стройки, наперекор воле властей, исполняла эвокативную функцию напоминания об уничтоженном соборе. Следующая функциональная замена произошла уже в 1960 г., когда по распоряжению Н.С. Хрущева фундамент главного здания социализма стал чашей открытого общедоступного городского бассейна «Москва», кстати, также самого крупного в мире. В свою очередь, в 2000 г. была завершена реконструкция храма на месте бассейна, тогда же храм был освящен. Таким образом, каждая новая постройка, включая неосуществленную, полностью отменяла предыдущие смыслы, становясь символом победившей идеологии.

Практики создания гиперстимулирующих эвокативных объектов

Одной из характеристик «хорошей памяти» является умение вспоминать, когда это уместно, и удерживаться от воспоминаний в иных обстоятельствах. Подобный контроль памяти может осуществляться через создание гиперстимулирующих эвокативных объектов, суть действия которых заключается в том, что, провоцируя запрограммирован-

ный интенсивный мнемический отклик в своем присутствии, они повышают порог реагирования в иных ситуациях.

В роли таких гиперстимулирующих объектов, успешно выполняющих функцию терапевтического забывания, выступают сохраненные мемориальные руины разрушенных войной зданий, которые окружены вновь отстроенными кварталами. В качестве примеров можно привести Атомный купол в Хиросиме, мельницу Гергардта в Волгограде, Гедехтнискирхе в Берлине. Подобные объекты психологически стягивают на себя травматичный опыт жителей, оставляя остальное пространство города свободным для обыденности. К этому же классу относится Национальный мемориал «11 сентября» на месте разрушенного террористическими атаками комплекса Всемирного торгового центра в Нижнем Манхэттене, представляющий собой заполненные водой фундаменты погибших зданий.

Симптоматичным в данном контексте представляется решение о повторной постройке копии утраченного здания. Такие реставрационные решения порой отстоят на десятилетия от исходного события и, по нашему мнению, во-первых, обозначают переход к стратегии функциональной замены, а во-вторых, сигнализируют о снижении эвокативного потенциала остальной территории до безопасного для идентичности членов группы уровня. Так, руины Фрауэнкирхе, зиявшие на протяжении всего существования ГДР в центре Дрездена, аккумулировали память о нацистском прошлом и неотвратимой коллективной расплате за него, одновременно легитимизируя туристический статус отреставрированных исторических зданий. Сразу после объединения Германии в 1989 г. началась кампания по сбору средств на восстановление этой церкви, которая была вновь открыта в 2005 г.

Логика амнезирующей гиперстимуляции аналогична и в индивидуальном поведении. Например, устанавливая на кладбище памятник близкому человеку, мы, с одной стороны, создаем определенное «место памяти», где мы предаемся воспоминаниям об умершем и скорбим по нему, с другой – делаем остальные связанные с ним знаки менее эвокативными.

Заключение

Итак, в современной гуманитарной науке признается, что способность целенаправленно забывать (в первую очередь, обратимо удерживаться от воспроизведения нежелательных воспоминаний) является нормой и приносит психологические выгоды как группе, так и индивиду.

Продуктивной стратегией снятия методологических противоречий в интерпретации механизмов коллективного и индивидуального забывания нам видится рассмотрение первого как опосредствованной эвокативными объектами полиролевой кооперации мотивированных под-

держанием позитивной групповой идентичности индивидов, а второго – как внедрения первично коллективных форм и технологий, обеспечивающих эффекты забывания, в механизмы функционирования индивидуальной мнемической сферы.

С нашей точки зрения, эмпирическое многообразие форм забывания может быть сведено к четырем основным типам, различающимся по активному отношению к опредмечиваемому содержанию памяти эвокативному объекту. Практики игнорирования осуществляются в форме самоустранения из эвокативной среды, исключения воспоминаний из коммуникации и маскировки эвокативных аспектов объекта. Практики деструкции подразумевают уничтожение внешних условий, провоцирующих актуализацию мнемического следа события. Механизм практики функциональной замены заключается в интерференции эвокативного содержания объекта либо за счет его альтернативного использования, либо за счет создания иного объекта со сходным функционалом. И, наконец, практики создания гиперстимулирующих эвокативных объектов направлены на контроль и локализацию мнемических реакций в социально санкционированных рамках.

Предложенная схема анализа позволяет в перспективе упорядочить многообразие феноменологии забывания и может быть полезна для более структурированного сотрудничества психологии с другими гуманитарными дисциплинами.

Список источников

- Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 36–45.
- Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: учебник. 11-е изд. М.: Учпедгиз, 1952.
- Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР. 9-й класс : учеб. пособие / под ред. чл.-кор. АН СССР М.П. Кима. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 1–6.
- Гарагезов Р.Р. Коллективная память. Как создаются, сохраняются и воспроизводятся коллективные представления о прошлом. Баку: Элм, 2013.
- Гофман А.А., Нуркова В.В. Эффект отсроченного снижения узнавания знакомого материала как результат сочетания намерения забыть и приема генерирования ассоциаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Педагогика. Сер. 16. 2019. Т. 9, № 1. С. 57–76.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
- Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019.
- Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.
- Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: МГУ, 1968.
- Медведева Т.А., Бушуева С.В. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 32–41.

- Ницше Ф. Изречения и стрелы. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. М.: Культурная революция, 2009.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 48–72.
- Нуркова В.В., Гофман А.А. Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. Часть 1 // Национальный психологический журнал. 2016а. Т. 23, № 3. С. 64–71.
- Нуркова В.В., Гофман А.А. Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. Часть 2 // Национальный психологический журнал. 2016б. Т. 24, № 4. С. 3–13.
- Нуркова В.В., Гофман А.А. Намеренное забывание: современное состояние и перспективы исследований // Национальный психологический журнал. 2018. Т. 31, № 3. С. 117–128.
- Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Рипол Классик, 2013.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Человек в экстремальных условиях. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 4. С. 66–82.
- Труфанова Е. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 18–22.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006.
- Фрейд З. Вытеснение // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Цицерон Марк Туллий. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000.
- Шектер Д. Семь грехов памяти: Как наш мозг нас обманывает. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021.
- Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016.
- Anderson J.R., Schooler L.J. Reflections of the environment in memory // Psychological science. 1991. № 2. P. 396–408.
- Assmann J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // New German critique. 1995. № 65. P. 125–133.
- Barnier A.J., Sutton J. From individual to collective memory: Theoretical and empirical perspectives // Memory. 2008. № 16 (3). P. 177–182.
- Bartlett F.C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge University Press, 1995.
- Battaglia D. On the bones of the serpent: person, memory, and mortality in Sabarl Island society. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
- Bellelli G., Curci A., Leone G. Social and cognitive determinants of collective memory for public events // Cambridge handbook of sociocultural psychology / eds. by J. Valsiner, A. Rosa. Cambridge University Press, 2007. P. 625–644.
- Bjork R.A. Retrieval inhibition as an adaptive mechanism in human memory // Varieties of memory and consciousness: Essays in honour of Endel Tulving / eds. by H.L. III Roediger, F.I.M. Craik. Lawrence Erlbaum Associates, 1989. P. 309–330.

- Carroll P.M. Memoria and Damnatio Memoriae. Preserving and erasing identities in Roman funerary commemoration // *Living through the Dead: Burial and commemoration in the Classical world. Studies in Funerary Archaeology* / eds. by P.M. Carroll, J. Rempel. Oxford; Oxford, 2011. P. 65–90.
- Carruthers M.J. Ars oblivionalis, ars inveniendi: The Cherub Figure and the Arts of Memory // *Gesta*. 2009. V. 48, № 2. P. 99–117.
- Chance Z., Norton M.I. Decision amnesia: Why taking your time leads to forgetting // *Advances in Consumer Research*. 2008. № 35. P. 55–58.
- Connerton P. Seven types of forgetting // *Memory studies*. 2008. № 1 (1). P. 59–71.
- Fawcett J.M., Hulbert J.C. The Many Faces of Forgetting: Toward a Constructive View of Forgetting in Everyday Life // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2020. № 9 (1). P. 1–18.
- Forty A. Introduction: The art of forgetting // *The art of forgetting* / eds. by A. Forty, S. Küchler. Oxford: Berg, 1999. P. 1–18.
- Funkenstein A. Collective memory and historical consciousness // *History and memory*. 1989. № 1 (1). P. 5–26.
- Gedi N., Elam Y. Collective memory – what is it? // *History and memory*. 1996. № 8 (1). P. 30–50.
- Green A. Individual remembering and ‘collective memory’: Theoretical presuppositions and contemporary debates // *Oral History*. 2004. № 32 (2). P. 35–44.
- Hirst W. Is Collective Forgetting Virtuous? // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2020. № 9 (1). P. 37–41.
- Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective memory from a psychological perspective. *Trends in cognitive sciences*. 2018. № 22 (5). P. 438–451.
- Hirst W., Echterhoff G. Remembering in conversations: The social sharing and reshaping of memories // *Annual review of psychology*. 2012. № 63. P. 55–79.
- Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // *History and theory*. 2002. № 41 (2). P. 179–197.
- Karpicke J.D., Coverdale M.E. The Adaptive Value of Forgetting: A Direction for Future Research // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2020. № 9 (1). P. 33–36.
- Kelleher M. Hunger and history: Monuments to the Great Irish Famine // *Textual Practice*. 2002. № 16 (2). P. 249–276.
- Küchler S. *Malanggan: Art, Memory, and Sacrifice*. London and New York: Routledge, 2002.
- Michaelian K. The epistemology of forgetting // *Erkenntnis*. 2011. № 74 (3). P. 399–424.
- Moliner P., Bovina I.B. On Serge Moscovici’s 95th anniversary: The theory of social representations-history, postulates and dissemination // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2020. № 17 (3). P. 542–553.
- Murayama K., Miyatsu T., Buchli D., Storm B.C. Forgetting as a consequence of retrieval: A meta-analytic review of retrieval-induced forgetting // *Psychological Bulletin*. 2014. № 140 (5). P. 1383–1409.
- Nørby S. Why Forget? On the Adaptive Value of Memory Loss // *Perspectives on Psychological Science*. 2015. № 10 (5). P. 551–578.
- Nørby S. Varieties of graded forgetting // *Consciousness and Cognition*. 2020. № 84 (102983). P. 1–12.
- Nourkova V.V., Gofman A.A., Kozlov M.D. On the very-long-term effect of managing one’s own memory: The intention to forget improves recognition after a year’s delay // *Europe’s Journal of Psychology*. 2018. № 14 (4). P. 776–791.
- Nourkova V.V., Vasilenko D.A. On the advantage of autobiographical memory pliability: implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety // *Memory*. 2018. Vol. 26, № 7. P. 869–881.
- Olick J.K. Collective memory: The two cultures // *Sociological theory*. 1999. № 17 (3). P. 333–348.

- Rieff D. Against Remembrance // Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies / ed. by D. Rieff. New Haven: Yale University Press, 2016. P. 127–145.
- Smith S.M. Blocking Out Blocks: Adaptive Forgetting of Fixation in Memory, Problem Solving, and Creative Ideation // Successful Remembering and Successful Forgetting / ed. by A.S. Benjamin. New York: Psychology Press, 2010. P. 171–192.
- Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. № 333 (6043). P. 776–778.
- Storm B.C. Retrieval-induced forgetting and the resolution of competition // Successful Remembering and Successful Forgetting / ed. by A.S. Benjamin. New York: Psychology Press, 2010. P. 107–124.
- Sutton J. Between individual and collective memory: Coordination, interaction, distribution // Social research. 2008. № 75 (1). P. 23–48.
- Turkle S. What makes an object evocative? // Evocative objects: Things we think with / ed. by S. Turkle. Cambridge: MIT Press, 2011. P. 307–328.
- Vinitzky-Seroussi V., Teeger C. Unpacking the unspoken: Silence in collective memory and forgetting // Social forces. 2010. № 88 (3). P. 1103–1122.
- Wertsch J.V. Collective memory // Memory in mind and culture. 2009. P. 117–137.
- Wertsch J.V., Roediger III H.L. Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches // Memory. 2008. № 16 (3). P. 318–326.
- Wills C.W. White ignorance // Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance / eds. by R.N. Proctor, L. Schiebinger). Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2008. P. 230–249.

References

- Adorno T. (2005) Chto znachit «prorabotka proshlogo» [What does “working through the past” mean?], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2-3, pp. 36–45.
- Bazilevich K.V., Bakhrushin S.V., Pankratova A.M., Fokht A.V. (1952) *Istoria SSSR. Uchebnik*. 11-e izd. Institut istorii Akademii nauk SSSR [History of USSR. Coursebook. 11th edition. Institute of History, USSR Academy of Sciences]. Moscow: Uchpedgiz.
- Berkhin I.B., Fedosov I.A. (1982) *Istoriia SSSR. 9 klass. Uchebnoe posobie*. Pod red. chl.-kor. AN SSSR M.P. Kima. 9-e izd., pererab. i dop. [History of USSR. 9th grade. School book. Ed. by corresponding member of the USSR Academy of Sciences M.P. Kim. 9th edition, revised and expanded]. Moscow: Prosveshchenie.
- Vygotskii L.S. (1982–1984) *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works. In 6 volumes]. Vol. 1 – 6. Moscow: Pedagogika,
- Garagezov R.R. (2013) *Kollektivnaia pamiat'. Kak sozdaiutsia, sokhraniatsia i vosproizvodiat'sia kollektivnye predstavleniia o proshlom* [Collective Memory. How collective representations of the past are created, preserved and reproduced]. Baku: Elm.
- Gofman A.A., Nurkova V.V. (2019) Effekt otsrochennogo snizheniia uznaniia znakomogo materiala kak rezul'tat sochetaniia namereniia zabyt' i priema generirovaniia assotsiatsii [The long-term effect of low recognition of to-be-forgotten items requires an intention to forget in conjunction with a means of doing so], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. Pedagogika. Seriya 16*, Vol. 9, no. 1, pp. 57–76.
- Durkheim E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* / Per. s fr., sostavlenie, posleslovie i primechaniia A.B. Gofmana [Sociology. Its subject, method, purpose / Transl. from French, compilation, afterword and notes by A.B. Gofman]. Moscow: Kanon.
- Emel'ianova T.P. (2019) *Kollektivnaia pamiat' o sobytiakh otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod* [Collective memory of the events of Russian history: a socio-psychological approach]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».
- Kondrashin V.V. (2008) *Golod 1932–1933 godov: tragediia Rossiiskoi derevni* [The Famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPEN.

- Lurii A.R. (1968) *Malen'kaia knizhka o bol'shoi pamiati* [A small book of great memory]. Moscow: MGU.
- Medvedeva T.A., Bushueva S.V. (2016) Rossiiskoe zarubezh'e XX veka: osobennosti formirovaniia, adaptatsii i sokhraneniia natsional'noi identichnosti rossiiskoi emigratsii [The Russian diaspora of the twentieth century: the features of formation, adaptation and preservation of the national identity of the Russian emigration], *Vestnik NNGU*, no. 2, pp. 32–41.
- Nietzsche F. (2009) *Izrecheniia i strely. Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 6: Sumerki idolov. Antikhrist. Ecce homo. Dionisovy diframby. Nietzsche contra Vagner* [Sayings and arrows. Complete works in 13 volumes. Vol. 6: Götzen-Dämmerung. Der Antichrist. Ecce Homo. Dionysos-Dithyramben. Nietzsche contra Wagner]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.
- Nora P. (1998) Pokolenie kak mesto pamiati [Generation as a memory site], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2(30), pp. 48–72.
- Nora P. (1999) Mezhdru pamiat'iu i istoriei. Problematika mest pamiati [Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire]. In: *Frantsiia-pamiat'* [France-Memory] / P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, M. Winock. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17–50.
- Nurkova V.V., Gofman A.A. (2016a) Zabyvanie: problema nalichiia sleda pamiati, ego dostupnosti i namerennogo kontroliia. Chast' 1 [Forgetting: availability, accessibility, and intentional control problem. Part 1], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 23, no. 3, pp. 64–71.
- Nurkova V.V., Gofman A.A. (2016b) Zabyvanie: problema nalichiia sleda pamiati, ego dostupnosti i namerennogo kontroliia. Chast' 2 [Forgetting: availability, accessibility, and intentional control problem. Part 2], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 24, no. 4, pp. 3–13.
- Nurkova V.V., Gofman A.A. (2018) Namerennoe zabyvanie: sovremennoe sostoiianie i perspektivy issledovaniia [Intentional forgetting: current status and future prospects of research], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 31, no. 3, pp. 117–128.
- Propp V.Ia. (2013) *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of a fairy tale]. Moscow: Ripol Klassik.
- Ricœur P. (2004) *Pamiat', istoriia, zabvenie* [La mémoire, l'histoire, l'oubli]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury.
- Soldatova G.U., Shaigerova L.A. (2002) Chelovek v ekstremal'nykh usloviakh. Psikhologicheskaiia adaptatsiia vynuzhdennykh migrantov [Psychological adaptation of forced migrants], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 23, no. 4, pp. 66–82.
- Trufanova E. (2020) Individual'naia i kollektivnaia pamiat': tochki peresecheniia [Individual and collective memory: intersection points], *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 18–22.
- Ufimtseva N.V. (2011) *Iazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Institut iazykoznaniiia RAN.
- Formozov A.A. (2006) Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki. 2-e izd., dop. [Russian archeologists during the period of totalitarianism: Historiographical essays. 2nd ed., revised]. Moscow: Znuk.
- Freud Z. (1998) Vytesnenie [Verdrängung]. In: *Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhologii. Ocherk istorii psikhologii. Sbornik* [Fundamental psychological theories in psychoanalysis. Essay on the history of psychoanalysis]. St. Petersburg: Aleteia.
- Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamiati*. Per s fr. i vstup. stat'ia S.N. Zenkina [Les Cadres sociaux de la mémoire. Translated from French by S.N. Zenkin]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Cicero Marcus Tullius (2000) *O predelakh blaga i zla. Paradoksy stoikov* [On the limits of good and evil. The paradoxes of the Stoics]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

- Schacter D. (2021) *Sem' grekhov pamiati: Kak nash mozg nas obmanyvaet* [The Seven Sins of Memory. How the Mind Forgets and Remembers]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Eco U. (2016) *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniia znaka i interpretatsii* [Dall'albero Al Labirinto. Studi Storici Sul Sengo E L'interpretazione]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Anderson J.R., Schooler L.J. (1991) Reflections of the environment in memory, *Psychological science*, no. 2, pp. 396–408.
- Assmann J., Czaplicka J. (1995) Collective memory and cultural identity, *New German critique*, no. 65, pp. 125–133.
- Barnier A.J., Sutton J. (2008) From individual to collective memory: Theoretical and empirical perspectives, *Memory*, no. 16(3), pp. 177–182.
- Bartlett F.C. (1995) *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge University Press.
- Battaglia D. (1990) *On the bones of the serpent: person, memory, and mortality in Sabarl Island society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bellelli G., Curci A., Leone G. (2007) Social and cognitive determinants of collective memory for public events. In: *Cambridge handbook of sociocultural psychology* / J. Valsiner, A. Rosa (eds.). Cambridge University Press, pp. 625–644.
- Bjork R.A. (1989) Retrieval inhibition as an adaptive mechanism in human memory. In: *Varieties of memory and consciousness: Essays in honour of Endel Tulving* / H.L. III Roediger, F.I.M. Craik (eds.). Lawrence Erlbaum Associates, pp. 309–330.
- Carroll P.M. (2011) Memoria and Damatio Memoriae. Preserving and erasing identities in Roman funerary commemoration. In: *Living through the Dead: Burial and commemoration in the Classical world. Studies in Funerary Archaeology* / P. M. Carroll, J. Rempel (eds.). Oxbow, Oxford, pp. 65–90.
- Carruthers M. J. (2009) Ars oblivionalis, ars inveniendi: The Cherub Figure and the Arts of Memory, *Gesta*, Vol. 48, no. 2, pp. 99–117.
- Chance Z., Norton M. I. (2008) Decision amnesia: Why taking your time leads to forgetting, *Advances in Consumer Research*, no. 35, pp. 55–58.
- Connerton P. (2008) Seven types of forgetting, *Memory studies*, no. 1(1), pp. 59–71.
- Fawcett J.M., Hulbert J.C. (2020) The Many Faces of Forgetting: Toward a Constructive View of Forgetting in Everyday Life, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, no. 9(1), pp. 1–18.
- Forty A. (1999) Introduction: The art of forgetting. In: *The art of forgetting* / A. Forty, S. Küchler (eds.). Oxford: Berg, pp. 1–18.
- Funkenstein A. (1989) Collective memory and historical consciousness, *History and memory*, no. 1(1), pp. 5–26.
- Gedi N., Elam Y. (1996) Collective memory—what is it?, *History and memory*, no. 8(1), pp. 30–50.
- Green A. (2004) Individual remembering and 'collective memory': Theoretical presuppositions and contemporary debates, *Oral History*, no. 32(2), pp. 35–44.
- Hirst W. (2020) Is Collective Forgetting Virtuous?, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, no. 9(1), pp. 37–41.
- Hirst W., Yamashiro J.K., Coman, A. (2018) Collective memory from a psychological perspective, *Trends in cognitive sciences*, no. 22(5), pp. 438–451.
- Hirst W., Echterhoff G. (2012) Remembering in conversations: The social sharing and reshaping of memories, *Annual review of psychology*, no. 63, pp. 55–79.
- Kansteiner W. (2002) Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies, *History and theory*, no. 41(2), pp. 179–197.
- Karpicke J.D., Coverdale M.E. (2020) The Adaptive Value of Forgetting: A Direction for Future Research, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, no. 9(1), pp. 33–36.
- Kelleher M. (2002) Hunger and history: Monuments to the Great Irish Famine, *Textual Practice*, no. 16(2), pp. 249–276.

- Küchler S. (2002) *Malanggan: Art, Memory, and Sacrifice*. London and New York: Routledge.
- Michaelian K. (2011) The epistemology of forgetting, *Erkenntnis*, no. 74(3), pp. 399–424.
- Moliner P., Bovina I.B. (2020) On Serge Moscovici's 95th anniversary: The theory of social representations-history, postulates and dissemination, *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 17(3), pp. 542–553.
- Murayama K., Miyatsu T., Buchli D., Storm B.C. (2014) Forgetting as a consequence of retrieval: A meta-analytic review of retrieval-induced forgetting, *Psychological Bulletin*, no. 140(5), pp. 1383–1409.
- Nørby S. (2015) Why Forget? On the Adaptive Value of Memory Loss, *Perspectives on Psychological Science*, no. 10(5), pp. 551–578.
- Nørby S. (2020) Varieties of graded forgetting, *Consciousness and Cognition*, no. 84 (102983), pp. 1–12.
- Nourkova V.V., Gofman A.A., Kozlov M.D. (2018) On the very-long-term effect of managing one's own memory: The intention to forget improves recognition after a year's delay, *Europe's Journal of Psychology*, no. 14(4), pp. 776–791.
- Nourkova V.V., Vasilenko D.A. (2018) On the advantage of autobiographical memory pliability: implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety, *Memory*, Vol. 26, no. 7, pp. 869–881.
- Olick J.K. (1999) Collective memory: The two cultures, *Sociological theory*, no. 17(3), pp. 333–348.
- Rieff D. (2016) Against Remembrance. In: *Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies* / D. Rieff (ed.). New Haven: Yale University Press, pp. 127–145.
- Smith S.M. (2010) Blocking Out Blocks: Adaptive Forgetting of Fixation in Memory, Problem Solving, and Creative Ideation. In: *Successful Remembering and Successful Forgetting* / A.S. Benjamin (ed.). New York: Psychology Press, pp. 171–192.
- Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. (2011) Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips, *Science*, no. 333(6043), pp. 776–778.
- Storm B.C. (2010) Retrieval-induced forgetting and the resolution of competition. In: *Successful Remembering and Successful Forgetting* / A.S. Benjamin (ed.). New York, Psychology Press, pp. 107–124.
- Sutton J. (2008) Between individual and collective memory: Coordination, interaction, distribution, *Social research*, no. 75(1), pp. 23–48.
- Turkle S. (2011) What makes an object evocative? In: *Evocative objects: Things we think with* / S. Turkle (ed.). Cambridge: the MIT press, pp. 307–328.
- Vinitzky-Seroussi V., Teeger C. (2010) Unpacking the unspoken: Silence in collective memory and forgetting, *Social forces*, no. 88(3), pp. 1103–1122.
- Wertsch J.V. (2009) Collective memory. In: *Memory in mind and culture*. P. Boyer & J.V. Wertsch (Eds.), pp. 117–137.
- Wertsch J.V., Roediger III H.L. (2008) Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches, *Memory*, no. 16(3), pp. 318–326.
- Wills C.W. (2008) White ignorance. In: *Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance* / R.N. Proctor, L. Schiebinger (eds.). Palo Alto, CA: Stanford University Press, pp. 230–249.

Сведения об авторах:

НУРКОВА Вероника Валерьевна – доктор психологических наук, доцент, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник, Институт общественных наук РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: Nourkova@mail.ru

ГОФМАН Алена Алексеевна – научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: gofmanalena@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Veronika V. Nourkova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Institute for Social Sciences RANEPA (Moscow, Russian Federation). E-mail: Nourkova@mail.ru

Alena A. Gofman, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gofmanalena@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16 мая 2022 г.;
принята к публикации 15 июня 2022 г.*

*The article was submitted 16.05.2022;
accepted for publication 15.06.2022.*

Научная статья
УДК 821.133.1
doi: 10.17223/2312461X/36/4

«Я НЕ ХОЧУ ОБ ЭТОМ ЗНАТЬ»: МЕХАНИЗМЫ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ У КОММУНИСТОВ ВО ФРАНЦИИ

Александра Сергеевна Виноградова

Университет Сорбонна, Париж, Франция, vinogradova-as@mail.ru

Аннотация. Многие бывшие французские коммунисты, добровольно или принудительно вышедшие из компартии, занимались литературной практикой самокритики в своих воспоминаниях, автобиографиях и мемуарах. В данной статье на основе их автобиографических сочинений изучается роль темы памяти и забвения в описании их политической биографии. Одним из главных механизмов коллективной и индивидуальной памяти французских коммунистов было «вытеснение». Когда оно переставало выполнять свою терапевтическую функцию, экс-коммунисты использовали в своих мемуарах самокритику как восстанавливающее память средство, с помощью которого можно было осознать или оправдать свое прошлое. Таким образом, самокритика – обвинительная институциональная практика у коммунистов – трансформировалась в освободительную литературную практику для бывших коммунистов, которые возвращали вытесненные воспоминания посредством написания мемуаров.

Ключевые слова: французская литература, автобиографические сочинения, память, забвение, самокритика, коммунизм, экс-коммунисты, Французская коммунистическая партия

Для цитирования: Виноградова А.С. «Я не хочу об этом знать»: механизмы памяти и забвения у коммунистов во Франции // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 59–80. doi: 10.17223/2312461X/36/4

Original article
doi: 10.17223/2312461X/36/4

“I Don’t Want to Know About It”: Mechanisms of Memory and Oblivion Among the Communists in France

Alexandra S. Vinogradova

Sorbonne University (CELLF), Paris, France, vinogradova-as@mail.ru

Abstract. Many former French communists, who had been resigned voluntarily or forcibly from the Communist Party, engaged in the literary practice of self-criticism in their memoirs and autobiographies. In this article, based on their autobiographical writings, the role of the theme of memory and oblivion in the description of their political biography is studied. One of the main mechanisms of the collective and indi-

vidual memory of the French communists was “repression”. When it ceased to fulfill its therapeutic function, the ex-communists used self-criticism in their memoirs as a means of restoring memory to realize or justify their past. Thus, self-criticism, an accusatory institutional practice among communists, was transformed into a liberating literary practice for former communists who brought back the repressed memories by writing them down.

Keywords: French literature, autobiographical writings, memory, oblivion, self-criticism, communism, ex-communists, French Communist Party

For citation: Vinogradova, A.S. (2022) “I Don’t Want to Know About It”: Mechanisms of Memory and Oblivion Among the Communists in France, *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 59–80 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/4

Введение

В данной работе затрагивается тема памяти и забвения применительно к описанию отношения к коммунистической идее и партии в автобиографических текстах бывших членов Французской коммунистической партии (ФКП), исключенных или добровольно вышедших из нее. К этим текстам мы относим не только мемуары и автобиографии, но и художественные произведения, содержащие автобиографические детали. Автобиографические сочинения бывших коммунистов структурируются схожим образом. Авторы описывают обстоятельства вступления в ФКП, период политической приверженности коммунизму, а также причины и историю своего идеологического отдаления или разрыва с коммунизмом. Бывшим коммунистам зачастую приходилось признавать свои прежние ошибки и заниматься самокритикой, к которой они были привычны. Такая литературная самокритика восходит к аналогичной практике, навязываемой коммунистическими партиями по всему миру своим членам или даже руководителям в форме автобиографических вопросников, письменных очерков или устных выступлений.

Замысел начатой Сталиным в первой половине 1928 г. кампании самокритики предполагал не критику отдельным человеком самого себя, а критику им всего рабочего класса. Задача была в том, чтобы развернуть внутреннюю критику того, что происходило в СССР. Речь шла не об индивидуально осуществляемом действии, а о коллективном феномене. К самокритике призывали лозунги на тарелках в советских столовых, стенгазеты и агитационные плакаты. Самокритика велась как в устной, так и в письменной форме. Например, на собраниях от рабочих ждали, чтобы они публично рассказали, что не так на их рабочем месте. Но высказывать свои замечания вслух все же трудно, и, следовательно, такая форма критики оставалась ограниченной. В этот начальный период самокритика разворачивалась в основном на страницах газет. В процессе разворачивания кампании самокритики в 1928–1930 гг. она пре-

вратилась в испытанный метод исправления собственных недостатков, и истинные коммунисты, верные принципам партии, искренне и добровольно занимались самокритикой. Традиционные проблемы во взаимоотношениях между руководителями и подчиненными приобрели необычайный размах на Пленуме ЦК в феврале-марте 1937 г., после которого с новой силой начала разворачиваться самокритика. Она стала одним из видов оружия, которое использовалось в ходе массовых репрессий 1937–1938 гг. В жестокой реальности от красивой идеи не осталось и следа, и самокритика стала одним из многочисленных видов политического контроля в СССР. В 1948–1953 гг. в Восточном блоке имела место целая серия показательных чисток и судебных процессов, в которых использовались методы, ранее оказавшиеся успешными в СССР, в том числе и самокритика. В Болгарии, Румынии, Польше, Албании, Венгрии и Чехословакии неугодных партии коммунистов обвиняли в измене, титоизме, подкупе американскими или израильскими властями, заговоре против партии. Они подвергались допросам, с помощью которых их пытались заставить дать ложные показания и признать свои «преступления». (В ФКП вместо судебных процессов исключали из партии.) После смерти Сталина самокритика практиковалась вплоть до конца 1980-х гг., но уже не так масштабно.

Вопрос институциональной самокритики у коммунистов достаточно хорошо изучен историками и философами, социологами и политологами. Далее будут упомянуты лишь некоторые работы. В книге «Пять процентов правды» (2004) Франсуа-Ксавье Нерап (François-Xavier Nérard) исследует первую кампанию критики и самокритики, развернутую в СССР в 1928 г. (Нерап 2011). В нескольких сборниках (Autobiographies... 2002; Le Sujet communiste... 2014) под редакцией Клода Пеннеттье (Claude Pennetier) и Бернара Пюдаля (Bernard Pudal) изучались такие специфические советские практики, как автобиографии, хранившиеся в отделах кадров, или самокритика в ходе партийных чисток. В своей диссертации «Коллективное и индивидуальное в России: изучение практик» (1999) Олег Хархордин, в свою очередь, обращается к размышлениям Мишеля Фуко о различных типах практик самопознания в раннем христианстве и сравнивает советские техники самовыражения и работы над собой (в том числе и самокритику) с аналогичными практиками в православии (Хархордин 2002). Наконец, Бертольд Унфрид (Berthold Unfried) анализирует практику самокритики в рядах Коминтерна на основе архивных источников 1930-х гг. и проводит параллели между самокритикой и католической исповедью (Unfried 2006).

Во Франции же бывшие коммунисты адаптировали эту институционально навязываемую практику самокритики в свою пользу, извлекли из нее когнитивные и литературные ресурсы для объяснения своего идеологического пути, анализа прошлой политической приверженности

и оправдания своего разрыва с идеалами коммунизма. В данной статье на основе их автобиографических сочинений будет предпринята попытка изучить роль темы памяти и забвения в описании их политической биографии. Как, в частности, следует трактовать роль забвения? Является ли оно способом осознанной коллективной проработки прошлого или неосознанным индивидуальным механизмом защиты, включающимся при вступлении или выходе из ФКП? В одной статье нельзя проанализировать все механизмы забвения, поэтому сконцентрируемся на таком его аспекте, как «вытеснение». На такую постановку проблемы нас наталкивает французская традиция изучения памяти.

Память и забвение во французской традиции *memory studies*

Сегодня во Франции, как и во всем мире, *memory studies* – исследовательское поле или даже самостоятельная дисциплина на стыке различных социальных и гуманитарных наук (Сафронова 2018, 2019). Как считают многие из современных ученых, у ее истоков, еще в начале XX в., стояла французская социологическая школа. В главной работе Мориса Хальбвакса (Maurice Halbwachs) «Социальные рамки памяти» (1925), чьими размышлениями о «коллективной памяти» исследователи продолжают вдохновляться и по сей день, можно найти рецепцию идей Эмиля Дюркгейма (Émile Durkheim), в особенности его статьи 1898 г. «Индивидуальные и коллективные представления». В отличие от Э. Дюркгейма, относившего социальную память к области бессознательного (Дюркгейм 1995), у М. Хальбвакса индивидуальное воспоминание обусловлено социальными рамками (Хальбвакс 2007).

Лишь к 1980-м гг. к понятию «коллективная память» вновь обратился историк Пьер Нора (Pierre Nora), под чьим руководством в 1984–1993 гг. вышло в свет семитомное издание «Места памяти» (Нора и др. 1999). В этом труде группа французских ученых исследовала «места памяти» по всей стране, объединяя в этом понятии как физические, так и нематериальные символы национальной идентичности французов. В те же годы, когда осуществлялся проект П. Нора, историк Жак Ле Гофф (Jacques Le Goff) в книге «История и память» (1988) выделил, по крайней мере, две истории: историю как коллективную память (мифологизированную, искаженную, анахроничную) и историю историков. Согласно Ж. Ле Гоффу, вторая должна прояснять память и помогать исправлять ошибки первой (Ле Гофф 2013: 148). Но еще столетием ранее, в 1882 г., писатель и философ Эрнест Ренан (Ernest Renan) сделал в Сорбонне доклад «Что такое нация?», в котором рассмотрел историю и память в качестве инструмента формирования национальной идентичности (Ренан 1886). Этот текст одним из первых затронул механизмы забвения: Э. Ренан требовал, чтобы французы забыли Варфоломеев-

скую ночь (резню католиками гугенотов в 1572 г.) ради того, чтобы быть одной нацией. В своей самой известной работе «Воображаемые сообщества» (1991), а именно в главе «Память и забвение», политолог и историк Бенедикт Андерсон (Benedict Anderson) представил обширный и глубокий комментарий главного тезиса Э. Ренана об общности индивидов, составляющих нацию: «А сущность нации в том и состоит, что все индивиды, ее составляющие, имеют между собой много общего, и много разъединяющего их они в то же время забыли» (Андерсон 2016: 47).

Историк Анри Руссо (Henry Rousso) анализировал механизмы забвения применительно к «синдрому Виши» – национальной травме, симптомы которой проявляются в политической, социальной и культурной жизни Франции (Rousso 1987). Исследователь выделил этапы эволюции памяти о режиме Виши, два из которых кажутся особенно важными для нашего исследования. Первый этап (1954–1971 гг.) состоял в «вытеснении» из памяти всего того, что не вписывалось в героический миф Сопротивления, сформированный доминирующей коллективной памятью голлистов и коммунистов. Второй этап (1971–1974 гг.), на котором произошло возвращение «вытесненного», Руссо назвал «Разбитым зеркалом». По мнению А. Руссо, ситуация с «синдромом Виши» во Франции изменилась тогда, когда поколение мая 1968 г., не желавшее замалчивать «неудобную» историю, пришло на смену поколению непосредственных свидетелей событий 1940–1944 гг., предпочитавших конфликтной памяти «вытеснение» и молчание. Схожие процессы можно проследить и на примере «мемуарного соревнования», о котором речь пойдет далее.

Первым «вытеснение» как механизм психологической самозащиты описал Зигмунд Фрейд (Sigmund Freud) в одноименной статье 1915 г. Однако его современник французский психиатр Пьер Жане (Pierre Janet) в своей диссертации 1889 г. предложил еще один способ психологической защиты, заключающийся в восприятии личностью происходящего как чего-то, что присуще постороннему человеку. П. Жане назвал такой механизм диссоциацией. Если Фрейд изначально относил к «вытесненному» то, что переносится из сознания в бессознательное (Фрейд 1999: 108–123), то диссоциация Жане подразумевает воспоминание точных и подробных образов, но так, будто они относятся к кому-то постороннему (Жане 2009). Если у Фрейда информация, подверженная вытеснению, сначала была осознана и только потом вытеснена, то у Жане информация, подвергнутая диссоциации, в сознание вообще не допускается – фиксируется, но не осознается в качестве личного опыта.

В книге философа Поля Рикёра (Paul Ricœur) «Память, история, забвение» (2000) анализируется связь истории со свойственными всем людям явлениями памяти и забвения. С точки зрения П. Рикёра, поми-

мо нормальной формы забвения как дефицита работы памяти, у забвения есть еще как минимум две искаженных формы: с одной стороны, забвение неразрывно связано с манипуляциями «разрешенной, навязанной, прославляемой в мемориальных церемониях историей – историей официальной» (Рикёр 2004: 619). С другой стороны, в забвении зачастую «мотивом является смутное желание не получать сведений, не ведать о зле, совершаемом вокруг, короче, стремление не знать» (620). В этом смысле забвение влечет за собой ответственность за «незнание» (56) и «не-действие» (620). Как мы увидим далее по тексту, такая двойственная природа забвения, описанная П. Рикёром, свойственна в том числе и памяти коммунистов во Франции. Начнем же мы наш анализ именно с первой искаженной формы забвения по П. Рикёру: памяти, подвергнутой манипуляциям.

«Мемуарное соревнование» в 1950–1980-х гг.

Как нередко случается с партийной историей, картина прошлого ФКП полна умолчаний и намеренных искажений. Здесь мы сконцентрируемся на одном из аспектов ее формирования – «мемуарно-мемориальном соревновании» между коммунистами и их противниками (Jeannelle 2008: 133–140).

Сразу после окончания Второй мировой войны образ коммунистов как борцов с нацизмом, электоральные успехи и рост членства партии привели к тому, что ФКП превратилась в одну из влиятельнейших политических сил во Франции. Тогда же в партию вступают многие видные историки, что впоследствии создаст дополнительную сложность в дискуссиях о памяти. Послевоенный период стал временем написания и публикации многочисленных мемуаров, в которых коммунисты и их противники по-разному осмысливают историю XX в. Прошлое стало объектом еще одной из многочисленных «войн памяти», на этот раз – между мемуарами коммунистов и их противников.

Начиная с конца 1940-х гг. во Франции публикуются мемуары верных партии коммунистов (Bonte 1949, 1965; Barel 1967; Duclos 1968–1973; Figuères 1971; Midol 1973; Cogniot 1976–1978; Wurmser 1979; Jalée 1981; Lavigne 1981; Marcenac 1982; Jérôme 1983). Среди авторов преобладают партийцы рабочего происхождения, вступившие в ФКП до Второй мировой войны. К ним можно отнести и более раннее сочинение генерального секретаря ФКП в 1930–1964 гг. Мориса Тореза (Maurice Thorez) – «Сын народа» (1937). Им противостояли автобиографические сочинения бывших коммунистов (Lecœur 1955; Hervé 1958; Roy 1969, 1972, 1976; Desanti 1975; Daix 1976; Duvignaud, 1976; Robrieux 1977; Pannequin 1977; Tillon 1977; Rony 1978; Belloin 1979; Le Roy Ladurie 1982; Debray 1988, 1996, 1998; Garaudy 1989; Kriegel 1991),

многие из которых были опубликованы вслед за «Самокритикой» (1959) Эдгара Морена (Edgar Morin), известного французского философа и социолога, которого исключили из партии в 1951 г. Эти два текста (Торез 1950; Morin 2012) представляют собой два противоположных способа литературного осмысления коммунистического опыта: в первом случае пропагандистскую литературу, а во втором – самокритику порвавших с коммунизмом интеллектуалов левого толка.

Заинтересованная в представлении определенной картины прошлого, ФКП поощряла авторов к написанию и помогала опубликовать прошедшие внутреннюю цензуру воспоминания. В таких воспоминаниях члены ФКП пытались укрепить основы своей коммунистической веры, которую их биография должна была подтвердить, например, с помощью предлагаемых ими фактов. Определенную трудность для прокоммунистического нарратива с конца 1950-х гг. создавали факты, оглашенные Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС: действующие коммунисты сталкивались с несоответствием между реальным историческим ходом событий и памятью, предлагаемой им партией.

Против идеологизированных воспоминаний убежденных членов ФКП выступали раскаявшиеся бывшие коммунисты, которым больше не приходилось слепо следовать указаниям партии. Они работали над тем, чтобы стереть в себе следы уже чужой коммунистической идентичности, и сами рисковали поддаться исторической недобросовестности в пылу своего негодования. Особенность автобиографических сочинений бывших французских коммунистов заключается в том, что распрощавшимся со своими прошлыми иллюзиями авторам пришлось документировать искажение истории, а не воспроизводить уже сложившийся героический нарратив (например, истории Сопротивления). Историк Эммануэль Ле Руа Ладюри (Emmanuel Le Roy Ladurie), вспоминая начало 1950-х гг., приводит пример своих прошлых иллюзий: «Громкие процессы (Райка и др.) ознакомили для нас (в частности) конец 1949 г. и начало 1950-х гг. Через несколько лет настала очередь “дела врачей-вредителей” (евреев, ложно обвиненных в покушении на убийство советских лидеров). В тот момент мы обнаружили, не отдавая себе в этом отчета, антисемитизм в СССР. Для нас он не мог быть отвратительным антисемитизмом, сблизившим Сталина и Гитлера, хотя бы отдаленно... речь шла просто о законном и восстанавливающем правду антисиионизме»¹ (Le Roy Ladurie 1982: 67). Ладюри признает, что, будучи коммунистом, он принимал антисемитскую политику в сталинском СССР, не подвергая ее хоть какому-нибудь критическому осмыслению. Сразу же после воспоминаний о сфабрикованных процессах в Восточной Европе и СССР, историк припоминает другое громкое дело, которое проходило в те же годы, но в США: «Мы увидели в этой двойной смерти [супругов Розенбергов] признак официального антисе-

митизма в Соединенных Штатах. Он существовал только в нашем воображении. Мы выступали против их казни, ошибочно думая, что боремся с антисемитизмом, замаскированным под антисиионизм, в котором некоторые тогда обвиняли Советский Союз» (69).

Итак, воскрешая в памяти воспоминания, бывшие коммунисты не могли в полной мере доверять им, они должны были объяснять в них несоответствия и прояснять для самих себя и своих читателей иллюзии, жертвами которых они стали. При этом они ощущали себя людьми, восстанавливающими историческую справедливость, давая объективные оценки происходившим событиям и способствуя «торжеству правды». В книге «Искатели богов: вера и политика» писатель Клод Руа (Claude Roy), которого в 1958 г. исключили из ФКП, пишет: «Полицейские архивы и секретные ящики частных владельцев в Москве, Пекине, Тиране, Афинах, Праге и Сантьяго должны быть заполнены мемуарами. Мы даже начинаем некоторые из них публиковать. Говорят, что правда всегда восторжествует. Но ей на это часто требуется время. А правда, которой оперативно, эффективно и методично сворачивали шею, никогда не восторжествует. История пишется победителями. И официальной памятью заведуют те, кто у власти» (Roy 1981: 177).

Забывание как практика коллективной памяти французских коммунистов

Проблематика памяти и забвения представляется для вышедших из ФКП авторов чрезвычайно болезненной и много определяющей. Для начала попробуем найти в их воспоминаниях ответ на вопрос: почему и для чего они забывали и вспоминали?

В рассматриваемых нами текстах преднамеренное забвение часто ставится в один ряд с нежеланием знать факты, опровергающие героический нарратив коммунистов. В «Самокритике» Э. Морен так отзывается о послевоенных годах, наполненных ликованием и воодушевлением: «В политическом плане я сам находился в эйфорическом неведении о давлении на рабочих, которых призывали “в первую очередь производить”, не подозревал, что мы отслеживаем троцкистов и сообщаем о них полиции. Наконец, я не знал, что партия не только позволила, но и участвовала в преследовании алжирского националистического движения. Кроме того, я совершенно забыл о колониальном вопросе. Победные залпы заглушили в наших ушах резню в Сетифе. Я здесь не доказываю ни свою невиновность, ни вину: я признаю умственную атрофию» (Morin 2012: 85). (Отметим, что во Франции колониальный вопрос, и особенно упомянутый Алжир, настолько же болезненный, как и в Германии – вопрос о Холокосте.) Видно, что Э. Морен в 1959 г. мучительно признается в своей прежней забывчивости. В целом очень

многие коммунисты (см., например (Desanti 1975; Duvignaud 1976; Kriegel 1991)), которые вступили в ряды ФКП до или во время Второй мировой войны, в своих воспоминаниях часто подчеркивают, что именно в послевоенной эйфории они забывали и о Московских процессах 1936–1938 гг., и о других преступлениях советского режима потому, что лишь один Советский Союз смог победить фашизм.

Противоположностью преступному забвению и нежеланию знать правду Э. Морен называет коллективную память как таковую. В автобиографии «Мои демоны» он много говорит о преступлениях как в Советском Союзе, так и в нацистской Германии и о том, почему важно о них помнить. В одной из глав, посвященной коллективной памяти и этике наказания, Морен пишет: «Когда в Советском Союзе появилась ассоциация “Мемориал”^{*}, ее создатели требовали памяти, а не наказания. От того, что Папон (французский коллаборационист. – *А.В.*) в конце концов проведет десять лет в тюрьме, память об Освенциме не окрепнет. Вот почему я согласен с теорией Беккариа: у меня нет этики наказания. И я похож на сотрудников “Мемориала”, ассоциации жертв сталинских репрессий, для которых память о преступлениях тоталитаризма не является синонимом судебных процессов и обвинительных приговоров. “Мемориал” требовал не наказания виновных, а сбора данных и доказательств» (Morin 1994: 122). Итак, Э. Морен считает, что для разрешения дел о по-настоящему масштабных преступлениях, например таких, как Холокост в Германии или сталинские репрессии в СССР, недостаточно современных правовых систем. Похожую мысль высказывает и Алейда Ассман (Aleida Assmann): «Судебное преследование и судебное наказание являются необходимой предпосылкой для ответа на преступление против человечности, но в случае неисчислимых масштабов совершенного убийства сохраняется некий остаток, не охватываемый юридическим механизмом и требующий иных, дополнительных форм проработки. Моральным ответом на подобные... преступления служит установление всеобщей и обязательной коммеморации, носителем которой служит все человечество. Преступлениям против человечности суждено войти в память человечества» (Ассман 2014: 48).

Другой формой забывания у членов ФКП было сознательное замалчивание известных фактов. Пример именно такого забвения (отличного от забвения в эйфории, о котором рассказывает Э. Морен) приводит в своей книге «Я» К. Руа. Один друг-коммунист уверял К. Руа, что их бывший соратник, писатель Андре Жид, который в 1936 г. после поездки в Советский Союз изложил свои честные и горькие впечатления в книге «Возвращение из СССР», сожалеет о содеянном. К. Руа приводит

^{*} В 2014 г. организация «Мемориал» включена Минюстом в реестр НКО, выполняющих функцию иностранного агента.

слова друга: «Он (Жид. – А.В.) созрел, чтобы вернуться к действию. Нужно пойти к нему и поговорить с ним откровенно. Партия забудет о его прошлом (публикации “Возвращения из СССР”. – А.В.). Главное – будущее. Жид всегда на стороне будущего, а будущее – за СССР» (Roy 1969: 443). Итак, члены ФКП были готовы забыть о «неподходящем» прошлом своих знаменитых соратников, ведь партии было выгодно иметь в своих рядах видных деятелей науки и культуры, но для этого Жиду было необходимо признать свои прежние ошибки.

После того как у К. Руа начались первые разногласия с партией в 1951 г., некоторые его бывшие товарищи резко отвернулись от него, но были и исключения. Например, Рене Блех, друг К. Руа, еще со времен Сопротивления, продолжал весьма откровенно обсуждать с ним проблемы и дела партии: «Он (Блех. – А.В.) не боялся говорить мне об *ошибках*, которые были сделаны в прошлом и которые, слава Богу, уже исправили. Но эти ошибки <...> Казалось, он полностью забыл, что сам мог участвовать в них как личность. Он стер из своей памяти воспоминания о бурных дискуссиях, которые он вел со мной, авторитетно отрицая очевидность фактов, с тех пор блестяще доказанных и признанных даже теми, кто отрицал их с наибольшей страстью или праздностью ума. Ведь это Партия, коллективный мыслитель, допустила ошибки в своих расчетах, такие же невинные, как и те, что может сделать сломанный компьютер. Этот коллективный мыслитель, чей имманентный авторитет не подвергался сомнению, освободил Блеха от глупостей, которые он совершил, от чепухи, в которую он поверил, и от софизмов, которые он поддерживал» (Roy 1969: 270). Таким образом, К. Руа обвиняет друзей-коммунистов в осознанном забвении, призванном снять ответственность за личные ошибки. В эссе «Что значит “переработка прошлого”?» (1963) Теодор Адорно описал схожий механизм коллективного забвения: отказ немецкого послевоенного общества от национальной вины. Валерий Подорога приводит резюме данного эссе: «Адорно показывает, как работает национальная память, когда хочет как можно быстрее привести прошлое к забвению: она “грубо” и “наивно” его вытесняет <...> И это понятно – ведь наиболее активная часть тогдашнего высшего чиновничества, управления и бизнеса ФРГ была тесно связана с нацистским режимом. Угроза осуждения исходила не от абстрактной вины всех, а от вполне доказуемой вины каждого. Когда отыскивались новые “аргументы” в пользу забвения, они скорее подыгрывали частичному признанию “вины всех немцев”, и это делалось для того, чтобы устранить из памяти индивидуальную вину. Для Адорно подобная “переработка прошлого” и есть механизм забвения, который он пытается разоблачить» (Подорога 2012).

Однако если и немцы в послевоенной Германии, и коммунисты во Франции «грубо» и «наивно» вытесняли прошлое, то что же делали со сво-

ими воспоминаниями бывшие коммунисты, которые разочаровались в прошлых идеалах? Ведь они отделились от партии, которая для своих членов являлась не просто инструментом строго ограниченной политической деятельности, а семьей, местом всех надежд и гарантом судьбы всего человечества. Ясно, что политический разрыв способствовал тому, что автобиографическая литература становилась более эмоциональной и тенденциозной. Бывшие коммунисты часто кажутся менее справедливыми по отношению к коммунизму, чем те, кто никогда его не исповедовал, ведь для первых он принадлежит прошлому, которое они отвергают с большим трудом.

Если А. Ассман говорила о длинной «тени прошлого, которое по-разному воздействует на настоящее» (Ассман 2014: 99), то в изучаемых нами автобиографических сочинениях бывших коммунистов можно говорить о тени, отбрасываемой их настоящим, в котором они пишут свои воспоминания, уже не будучи коммунистами. Они пытаются преодолеть это искажение и воссоздать прошлое усилием воображаемого самоанализа или самокритики, но получается ли у них?

Похожие вопросы задает себе писатель Режи Дебрэ (Régis Debray), соратник Че Гевары в Боливии, чей разрыв с кубинским режимом произошел в 1989 г. после показательного процесса над его друзьями. Он считает, что нельзя полагаться на политическую память бывших коммунистов, которая еще менее надежна, чем другие виды памяти. Во втором томе («Слава нашим господам») автобиографической трилогии под общим названием «Время учиться жить» автор с иронией отзывается о воспоминаниях бывших коммунистов и в присущем ему метафорическом стиле пишет: «Если наши галеры оставят след в архивах, то никакого кильватера не останется после наших каравелл – кроме усмешки сошедшего на берег экипажа. Их короткий и великолепный ход не *засвидетельствован*. Как отдать должное сказкам, которые подошли к концу, и не поддаться порочному удовольствию от насмешек? Вот почему политическая память еще менее надежна, чем любая другая... В прежнее время отплытие на Киферу казалось нам слишком очевидным, чтобы мы могли найти ему объяснение; двадцать лет спустя оно кажется слишком экстравагантным, чтобы искать ему объяснение. Возвращение к сокровенным мыслям сталкивает двух незнакомцев, которые смотрят друг на друга с подозрением: один, заблуждавшийся до, и другой, разочаровавшийся после. Это тот момент, когда *бывший* (коммунист. – А.В.) обвиняет себя в том, что не сумел держаться подальше от тех прошлых событий» (Debray 1996: 73–74). Итак, Р. Дебрэ признается, что «двадцать лет спустя», когда он пишет свои воспоминания о годах, проведенных на стороне Че Гевары, он не может полагаться на свою память. Описывая в настоящем «сказки», в которые он верил раньше, он не может «не поддаться порочному удовольствию от насмешек». Когда Р. Дебрэ «возвращается к сокровенным мыслям»,

вспоминает, сталкиваются два «я» писателя: коммунист из прошлого и бывший коммунист из настоящего – последний как раз и занимается самокритикой и самообвинением.

Память и забвение в художественных произведениях Л. Арагона

Изучая механизмы памяти и забвения в описаниях политических биографий бывших французских коммунистов, нельзя опустить ключевую фигуру среди интеллектуалов ФКП – писателя Луи Арагона (Louis Aragon). Его случай особенно интересен сразу по нескольким причинам: во-первых, он так и не вышел из ФКП, хотя у Л. Арагона часто возникали разногласия с руководством партии; во-вторых, у него самокритика никогда не бывает прямолинейной или четко сформулированной – писатель постоянно выбирает окольные пути; и наконец, на протяжении всей своей долгой литературной карьеры он постоянно отказывался писать мемуары или автобиографию.

В 1956 г. Л. Арагон не занял никакой позиции по докладу Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и хранил молчание по поводу Венгерского восстания в Будапеште. Однако в своем сборнике «Неоконченный роман» (1956), который часто называют поэтической автобиографией писателя, Л. Арагон, тем не менее, говорит о личных страданиях, вызванных откровениями и политическим разочарованием того ужасного года: «Год пятьдесят шестой – кинжал, что кто-то надо мной занес. / Все, что я вижу и люблю, полно тревог, полно угроз» (Арагон 1960: 235). Постепенно с осуждением преступлений режима в СССР писатель начал критиковать авторитарные методы советского коммунизма. Он открыл свою газету «Les Lettres françaises» для советских диссидентов и осудил процессы против интеллектуалов, в частности против писателей А. Синявского и Ю. Даниэля в 1966 г. В 1968 г., в год ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора, положившего конец реформам Пражской весны, Л. Арагон пишет предисловие к французскому переводу романа чешского писателя Милана Кундеры «Шутка», в котором достаточно резко отзывается о данных событиях: «И вот, в конце ночи, у транзистора мы услышали осуждение наших вечных иллюзий» (Aragon 1980: 10). В случае Л. Арагона, который, в отличие от многих французских экс-коммунистов, так никогда и не написал мемуаров, правильнее было бы сказать, что он писал «мемуары» на полях своего творчества.

В своей жизни писателя-коммуниста Л. Арагон часто совершал ошибки и страдал из-за них. Однако, будучи коммунистом, он сознательно отказывался выступать с самокритикой, которую от него очень ждали, а будучи писателем, Л. Арагон так и не обратился к литературной практике самокритики в виде мемуаров, но все же в некоторых художественных произведениях писатель рефлексировал над своей политической позицией и биографией. Далее речь пойдет о поздней прозе

Л. Арагона – романах «Гибель всерьез» (1965), «Бланш, или Забвение» (1967).

В романе «Бланш, или Забвение» рассказчик, лингвист Геффье, пытается воссоздать в своей памяти образ жены Бланш, с которой он давно расстался. Этот роман, как следует из его названия, о забвении, но также о памяти и самокритике. В докладе на конференции, посвященной роли 1956 г. в жизни и творчестве Л. Арагона, Марис Вассевьер (Maryse Vassevière) показала, как в этом романе посредством осмысления романа «Гиперион, или Отшельник в Греции» (1799) немецкого писателя И.Х. Гёльдерлина Л. Арагон описывает свое состояние в 1956 г., на волне известий о советском вторжении в Венгрию и разоблачении культа личности Н.С. Хрущевым (Vassevière 1992). Действительно, в романе есть ключевой фрагмент, в котором Геффье ведет воображаемый диалог с Гюставом Флобером и спрашивает его: «Вы помните 56 год?» (Aragon 1967: 434). Затем Геффье продолжает: «Это был год, когда я по-настоящему прочитал “Гипериона”» (434), – и цитирует письмо Гипериона женщине, которую он любит (Диотиме). У И.Х. Гёльдерлина Гиперион отправляется освобождать Грецию от турков, но вскоре обнаруживает, что эти «освободители», к которым он присоединился, не кто иные, как бандиты, и в конце концов он разочаровывается в своих иллюзиях. Гипериону, безусловно, удастся освободить оккупированный турками греческий город Мистра, но как только город взят, его разграбляет недисциплинированное войско. В этом письме Гипериона Диотиме, цитируемом Л. Арагоном в романе «Бланш, или Забвение», Гиперион с отчаянием произносит фразу, знаменующую конец утопии: «*Es ist aus, Diotima!*» («Все кончено, Диотима!»). У Л. Арагона сразу после процитированного письма Геффье признает: «Все письмо проникнуто той горечью, которая была моей (нашей) в том году. <...> но Гёльдерлин говорил за меня, я понимал, ах, как я понимал это горе и этот позор!» (434). В этой метафоре варваров, которые освобождают Мистру и хотят осчастливить ее жителей вопреки их собственному желанию, нельзя не увидеть образ советских войск, которые входят в Будапешт и подавляют восстание во имя свободы народов. Л. Арагон признается в том, что все эти годы, прошедшие с 1956 г., «[д]есять лет, в течение которых, чтобы выжить, [ему] приходилось без конца забывать то, что не забывается» (434). После интертекстуального прочтения романа «Бланш, или Забвение» становится ясно, что И.Х. Гёльдерлин позволяет Л. Арагону выразить «это горе и этот позор» 1956 г.

Если вернуться на триста страниц назад, можно лучше понять пятую главу романа, в которой Геффье рассказывает о годах своей молодости. В последнем абзаце этой главы он восклицает: «А вдруг, вдруг я вспомню? Дай Бог человеку не забыть, что он должен забывать! Насту-

пает время в жизни, когда человек живет только забвением. Я тогда до него еще не дошел – не дошел даже до 37 года. Я еще не прочитал “Гипериона”, ужасного письма: *Es ist aus, Diotima*» (Aragon 1967: 95). Эта фраза очень точно обозначает механизм вытеснения, проанализированный Фрейдом как невозможное забывание. Описывая пока только свои ранние годы, Геффье понимает, что ему еще предстоит вспомнить и Большой террор 1937 г., и события 1956 г., пусть он и пытался усердно их забыть. Итак, в автобиографическом романе «Бланш, или Забвение» в образе главного героя предстает сам автор – интеллектуал-коммунист, желающий, но не способный оставить позади и предать забвению травму разочарования в коммунистических идеалах. Почему у него не получалось забыть? На этот вопрос ответ стоит искать уже в другом романе Л. Арагона.

В романе «Гибель всерьез» основной сюжет разворачивается вокруг персонажа Альфреда (альтер-эго автора), влюбленного в Фужер и завидующего Антуану, который в некотором смысле является его двойником. Роман рассказывает об убийстве Антуана Альфредом. В одном отрывке романа Альфред вспоминает Конгресс народов в защиту мира, проходивший в Вене в декабре 1952 г., который он безуспешно пытался забыть. (Именно там, в Вене Л. Арагон узнал о казни одиннадцати видных деятелей компартии Чехословакии на показательном Процессе Сланского, который проходил в Праге в ноябре того же года.) В «Гибели всерьез» можно найти определение забвения, данное Л. Арагоном: «Я что-то убил в себе и стыдливо называю убийство забытьем. Беда невелика, если загубишь что-нибудь пустячное, вроде спички, которую чиркнешь от нечего делать. Но если задета живая плоть души... проиграна ставка всей судьбы? В таком случае забыть – все равно что выбросить цветы из вазы... Вернувшись к жизни, стараешься выстроить весь мир заново, обойдясь без того, что кануло в забвение. На этом месте образуется рубец. А поскольку не знаешь, что именно подверглось ампутации: рука, нога, один мизинец или кошелек, – то ничего и не болит. Но иногда, при резких изменениях погоды, рубец вдруг начинает ныть. Рубец от чего?» (Арагон 1998: 203). Получается, что для Л. Арагона забвение (или, правильнее сказать, «вытеснение»), кажется, что этот термин лучше определяет то, что описывает Л. Арагон, ведь на самом деле у него не получается забыть) перестает выполнять свою восстановительную, терапевтическую функцию, потому что на месте раны остается шрам. Что же делать писателю, когда он, с одной стороны, не может забыть боль, а с другой – даже если и забывает, то все равно чувствует шрам? Вместо того чтобы целенаправленно переносить воспоминания из сознания в бессознательное, остается лишь восстановить память об этих ранах. Но сам факт восстановления памяти не избавляет полностью от боли.

Итак, Л. Арагон критически оглядывается на свое прошлое не для того, чтобы признать свою вину, ошибки или оправдать себя, а для того, чтобы ужиться с воспоминаниями, которые сначала были вытеснены интеллектуалом-коммунистом, а потом вновь найдены писателем в его автобиографических сочинениях. У Л. Арагона самокритика осуществляется посредством написания и больше похожа на «психоанализ через книги» (Vassevière 1992: 283), чем на признание или исповедь. Замаскированная самокритика позволяет Л. Арагону освободить память от травм прошлого. Под данным углом зрения самокритика, которая была обвинительной институциональной практикой для любого коммуниста, становится освободительной литературной практикой для бывшего коммуниста, который оказывается один на один с памятью, сначала вытесненной, а затем восстановленной.

Заключение

Ключом к пониманию эмоционального и интеллектуального содержания «вытеснения» у бывших французских коммунистов является, с нашей точки зрения, автобиография «Париж–Монпелье: ФКП–ОСП (1945–1963)», которую Э. Ле Руа Ладюри опубликовал в 1982 г. Именно оттуда взята фраза, которую мы вынесли в заголовок этой статьи, – «Я не хочу об этом знать». В 1949 г., когда в Китае коммунисты пришли к власти, Э. Ле Руа Ладюри вступил в ФКП, а в 1956 г. сам вышел из нее. Он так вспоминает об этих решениях: «Внезапно я “забыл” ужасы сталинизма, о которых, тем не менее, знал: я с одобрением смотрел “Грязными руками”, одну из лучших пьес Сартра, которую больше не играют; я читал книги Суварина и Троцкого в отцовской библиотеке. Они стали для меня мертвой буквой. Я менял свою жизненную стратегию, поэтому и погрузил в сон определенные элементы своих знаний. Они оставались готовыми, по команде, проснуться. Старшие товарищи мне говорили... что они так же хорошо знали темную сторону политического режима в СССР еще до Второй мировой войны: во всяком случае, до 1941 г. они читали Цилигу и Суварина. Затем, во время немецко-русской войны и Сопротивления, когда ФКП и СССР героически проявили себя², эти товарищи усыпили и сбросили в бессознательное свои прежние знания: они стали отважными борцами Сопротивления и самоотверженно присоединились к коммунистам. После 1953–1956 гг. к ним, как по волшебству, вернулись довоенные воспоминания. Во мне не было героизма Сопротивления, но были явления того же порядка: сперва знания до 1949 г. и захоронение этих знаний в бессознательном во времена моего догматизма (грубо говоря, в 1949–1955 гг.), затем вырывание упомянутых воспоминаний из бессознательного и, наконец, настоящее воскрешение 1953–1956 гг. Концепции фрейдизма в данном

случае не были бы бесполезными. Популярное выражение “я не хочу об этом знать” хорошо отражает то состояние души, которое было в промежуточный период (1941–1953 гг. для участников Сопротивления; 1949–1953 гг. для меня)» (Le Roy Ladurie 1982: 34).

Итак, что же означает фраза «я не хочу об этом знать»? Сам автор признается здесь в особом роде самообмана, сознательного забвения «темной стороны политического режима в СССР», погружении воспоминаний в бессознательное. Здесь мы пользуемся терминами Фрейда, как и сам автор, который на него ссылается. Речь опять идет о вытеснении – одном из механизмов психологической защиты, который заключается в активном устранении чего-либо из сознания и проявляется в виде забывания или игнорирования фактов прошлого. Особое звучание этой интерпретации политического забвения придает использование популярного выражения «я не хочу об этом знать». Во французском языке в самом распространенном употреблении эта фраза имеет несколько иное, чем в русском, значение. Типичный случай: ссорятся дети, один жалуется маме: «Он первый начал». А мама отвечает: «Я не хочу об этом знать, разберитесь сами», т.е. «это не мои проблемы» или «я умываю руки». Произнося «я не хочу об этом знать», человек снимает с себя ответственность за происходившее в прошлом и происходящее сейчас. В случае Э. Ле Руа Ладюри оба смысла объединяются: историк осознает наличие проблем в прошлом и настоящем, но отрицает свою причастность им. Получается, что он притворялся, чтобы его не мучила совесть. Самообман удался – своим читателям Ладюри говорит о том, что забыл ужасы сталинизма, но на самом деле они были вытеснены, а не забыты.

В приведенном выше отрывке Э. Ле Руа Ладюри подробно разъясняет, что и как он забывал и вспоминал, но не говорит, для чего он это делал, для чего «менял свою жизненную стратегию». Тем не менее, далее по тексту автор дает косвенным образом объяснение своих поисков: «По сути, моей проблемой с 1949 г. было... определение идентичности» (Le Roy Ladurie 1982: 103). Это как раз и есть третья из семи форм забвения, которую выделяет Пол Коннертон (Paul Connerton), а именно конструктивное забвение при формировании новой идентичности (Connerton 2008: 62–64). Выросший в среде католиков и консерваторов, молодой Ладюри в двадцать лет приехал в Париж. А принадлежность к коммунистическим кругам была в то время важным фактором продвижения среди интеллектуалов. Писатель признает это лишь косвенно, но всё его повествование раскрывает этот механизм включения в социальную группу, которая в то время была элитой в идеологической борьбе. Из его воспоминаний видно, с каким трудом бывший коммунист осознает последствия прошлых противоречий и самообманов, о которых он пишет. Осознание это дается так тяжело, поскольку, как

писал сам Э. Ле Руа Ладюри, «ненавидеть сталинизм, такой же извращенный и смертоносный, как и нацизм, – это в то же время ненавидеть самого себя, бывшего сталиниста и соучастника, пусть только и в моральном плане, определенных преступлений» (Le Roy Ladurie 1982: 170). Похоже, что мемуары и автобиографии бывших французских коммунистов помогали их авторам вынести «этот неприятный ад памяти» (170), через который им приходилось проходить. В этом смысле они обращались к мемуарам как к терапевтическому инструменту, с помощью которого можно было осознать или оправдать свое прошлое.

В этой статье рассмотрено развитие понятий «самокритика» и «вытеснение» на материале мемуаров бывших французских коммунистов, написанных в 1960–1990-х гг. Как представляется, значительную роль в формировании дискурса этих воспоминаний сыграла практика «самокритики», характерная для коммунистических партий. На рубеже 1920–1930-х гг. такая практика покаяния была скорее коллективной, нежели индивидуальной. Она изобличала поведение и мысли, не соответствующие образу «идеального» (с точки зрения руководства партии) коммуниста/рабочего. Позднее, в 1930–1950-х гг., значительный вклад в развитие «критики и самокритики» внесла практика совершенствования и расширения таких индивидуальных форм работы с коммунистами, как собеседования, отчеты и сообщения о трудовой и общественной деятельности. Будучи перенесенной в воспоминания людей, разочаровавшихся в коммунизме или политике коммунистической партии, «самокритика» также обретала более индивидуальное звучание. При этом она не теряла и коллективистского смысла – критикуя свои прошлые взгляды, бывшие коммунисты критиковали и партию, и социальную общность.

Содержательно их самокритика была направлена на распознавание практик индивидуального и коллективного забвения («вытеснения») и игнорирования «сложных» и «неоднозначных» фактов истории и настоящего коммунистического движения. Эти практики осмысляются как порочная часть коллективного договора, позволяющего поддерживать непротиворечивость идентичности коммунистов. Разрыв с коммунизмом приводит многих авторов к экзистенциальному кризису, который, в свою очередь, нашел отражение в их мемуарных и художественных текстах. Бывшие коммунисты с горечью указывают и на неприглядные стороны политики коммунистических партий, и на собственную идейную поддержку движения, и на свое участие в нем.

Парадоксально, что в осмыслении особенностей коммунистической идеологии и коллективного вытеснения воспоминаний им на помощь приходит одна из составляющих этого дискурса – практика институциональной самокритики.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод автора с французского, если не указано русское издание.

² При всей спорности такого рода сравнений и сопоставлений, данная цитата важна, поскольку позволяет лучше представить специфику восприятия французскими коммунистами, вступившими в ФКП в течение или сразу после окончания Второй мировой войны, важности роли ФКП в Сопротивлении и СССР в «немецко-русской войне» (здесь речь идет о Великой Отечественной войне, которая в западных странах именуется Восточным фронтом).

Список источников

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Арагон Л. Неоконченный роман. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
- Арагон Л. Гибель всерьез. М.: Вагриус, 1998.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Жане П. Психический автоматизм: экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека. СПб.: Наука, 2009.
- Ле Гофф Ж. История и память. М.: РОССПЭН, 2013.
- Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011.
- Нора П., Озуф М., Де Пуимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
- Подорога В.А. Память и забвение (Т.В. Адорно и время «после Освенцима») // НЛЮ. 2012. № 4. С. 109–129.
- Ренан Э. Что такое нация. СПб.: Изд. В. Бермана и С. Войтинского, 1886.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004.
- Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 11–26.
- Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2019.
- Торез М. Сын народа. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.
- Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб.: Алетейя, 1999.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007.
- Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2002.
- Aragon L. Blanche ou l'Oubli [Blanche or Oblivion]. Paris: Gallimard, 1967.
- Aragon L. Préface [Preface] // Kundera M. La Plaisanterie [The Joke]. Paris: Gallimard, 1980. P. 7–11.
- Autobiographies, autocritiques, aveux dans le monde communiste [Autobiographies, self-criticisms, confessions in the communist world] / C. Penner, B. Pudal (dir.). Paris: Belin, 2002.
- Barel V. Cinquante années de luttes [Fifty years of struggles]. Paris: Éditions sociales, 1967.
- Belloin G. Nos rêves, camarades [Our dreams, comrades]. Paris: Seuil, 1979.
- Bonte F. Chemin de l'honneur [Honor Path]. Paris: Éditions Hier et aujourd'hui, 1949.
- Bonte F. De l'ombre à la lumière [From the shadow to the light]. Paris: Éditions sociales, 1965.
- Cogniot G. Parti pris [Bias]: 2 vol. Paris: Éditions sociales, 1976–1978.

- Connerton P. Seven types of forgetting // *Memory Studies*. 2008. № 1. P. 59–71.
- Daix P. J'ai cru au matin [I believed in the morning]. Paris: Robert Laffont, 1976.
- Debray R. Les Masques: une éducation amoureuse [The Masks: a love education]. Paris: Gallimard, 1988.
- Debray R. Loués soient nos seigneurs: une éducation politique [Praised be our lords: a political education]. Paris: Gallimard, 1996.
- Debray R. Par amour de l'art: une éducation intellectuelle [For the love of art: an intellectual education]. Paris: Gallimard, 1998.
- Desanti D. Les Staliniens: une expérience politique 1944/1956 [The Stalinists: a political experience 1944/1956]. Paris: Fayard, 1975.
- Duclos J. Mémoires [Memoirs]: 7 vol. Paris: Fayard, 1968–1973.
- Duvignaud J. Le ça perché [A perched]. Paris: Éditions Stock, 1976.
- Figuères L. Jeunesse militante [Mobilizing youth]. Paris: Éditions sociales, 1971.
- Garaudy R. Mon tour du siècle en solitaire [My solo turn of the century]. Paris: Robert Laffont, 1989.
- Hervé P. Ce que je crois [What I believe]. Paris: B. Grasset, 1958.
- Jalée P. L'Ancre dans l'avenir [Anchor in the future]. Paris: Éditions Karthala, 1981.
- Jeannelle J.-L. Écrire ses mémoires au XXe siècle: déclin et renouveau [Writing memoris in the 20th century: decline and renewal]. Paris: Gallimard, 2008.
- Jérôme J. La Part des hommes: souvenirs d'un témoin [The Men's Share: memories of a witness]. Paris: Acropole, 1983.
- Kriegel A. Ce que j'ai cru comprendre [What I thought I understood]. Paris: Robert Laffont, 1991.
- Lavigne R. Je suis un communiste heureux [I am a happy communist]. Paris: La Table ronde, 1981.
- Le Roy Ladurie E. Paris-Montpellier: P.C.-P.S.U., 1945–1963 [Paris-Montpellier: C.P.-U.S.P., 1945–1963]. Paris: Gallimard, 1982.
- Le Sujet communiste: identités militantes et laboratoires du « moi » [The communist subject: militant identities and laboratories of the “self”] / B. Pudal, C. Pennetier (dir.). Rennes: PU Rennes, 2014.
- Lecœur A. L'Autocritique attendue [The expected self-criticism]. Paris: Girault, 1955.
- Marcenac J. Je n'ai pas perdu mon temps [I didn't waste my time]. Paris: Temps actuels, 1982.
- Midol L. La voie que j'ai suivie [The path that I have followed]. Paris: Éditions sociales, 1973.
- Morin E. Mes démons [My demons]. Paris: Éditions Stock, 1994.
- Morin E. Autocritique [Self-criticism]. Paris: Seuil, 2012.
- Pannequin R. Adieu, camarades [Farewell, comrades]: 2 vol. Paris: Le Sagittaire, 1977.
- Robrieux P. Notre génération communiste: 1953–1968 [Our communist generation: 1953–1968]. Paris: Robert Laffont, 1977.
- Rony J. Trente ans de parti [Thirty years of the party]. Paris: C. Bourgois, 1978.
- Rousso H. Le Syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours [Vichy syndrome: from 1944 to the present day]. Paris: Seuil, 1987.
- Roy C. Moi je [Me]. Paris: Gallimard, 1969.
- Roy C. Nous [We]. Paris: Gallimard, 1972.
- Roy C. Somme toute [All in all]. Paris: Gallimard, 1976.
- Roy C. Les Chercheurs de dieux. Croyance et politique [Seekers of gods. Belief and politics]. Paris: Gallimard, 1981.
- Tillon C. On chantait rouge [We sang red]. Paris: Robert Laffont, 1977.
- Unfried B. «Ich bekenne». Katholische Beichte und sowjetische Selbstkritik [“I confess”. Catholic confession and Soviet self-criticism]. Frankfurt/Main-New York: Campus Verlag, 2006.
- Vassevière M. La place de 1956 dans *Blanche ou l'Oubli*: construction romanesque d'une autocritique [The place of 1956 in “Blanche or Oblivion”: a novel construction of a self-

criticism] // Aragon 1956 : Actes du colloque d'Aix-en-Provence, septembre 1991 [Aragon 1956: Proceedings of the Aix-en-Provence conference, September 1991] / S. Ravis (éd.). Aix-en-Provence: PU Provence, 1992. P. 283–297.
Wurmser A. Fidèlement vôtre [Yours faithfully]. Paris: B. Grasset, 1979.

References

- Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Aragon L. (1960) *Neokonchennyi roman* [Unfinished novel]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
- Aragon L. (1967) *Blanche ou l'Oubli* [Blanche or Oblivion]. Paris: Gallimard.
- Aragon L. (1980) Préface [Preface]. In: *La Plaisanterie* [The Joke] / Kundera M. Paris: Gallimard, pp. 7–11.
- Aragon L. (1998) *Gibel' vser'ez* [Death Blow]. Moscow: Vagrius.
- Assman A. (2014) *Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaiа politika* [Long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: NLO.
- Autobiographies, autocritiques, aveux dans le monde communiste* [Autobiographies, self-criticisms, confessions in the communist world] / Edited by C. Pannetier and B. Pudal. Paris: Belin, 2002.
- Barel V. (1967) *Cinquante années de luttés* [Fifty years of struggles]. Paris: Éditions sociales.
- Belloin G. (1979) *Nos rêves, camarades* [Our dreams, comrades]. Paris: Seuil.
- Bonte F. (1949) *Chemin de l'honneur* [Honor Path]. Paris: Éditions Hier et aujourd'hui.
- Bonte F. (1965) *De l'ombre à la lumière* [From the shadow to the light]. Paris: Éditions sociales.
- Cogniot G. (1976–1978) *Parti pris* [Bias]: 2 vol. Paris: Éditions sociales.
- Connerton P. (2008) Seven types of forgetting, *Memory Studies*, no 1, pp. 59–71.
- Daix P. (1976) *J'ai cru au matin* [I believed in the morning]. Paris: Robert Laffont.
- Debray R. (1988) *Les Masques: une éducation amoureuse* [The masks: a love education]. Paris: Gallimard.
- Debray R. (1996) *Loués soient nos seigneurs: une éducation politique* [Praised be our lords: a political education]. Paris: Gallimard.
- Debray R. (1998) *Par amour de l'art: une éducation intellectuelle* [For the love of art: an intellectual education]. Paris: Gallimard.
- Desanti D. (1975) *Les Staliniens: une expérience politique 1944/1956* [The Stalinists: a political experience 1944/1956]. Paris: Fayard.
- Duclos J. (1968–1973) *Mémoires* [Memoirs]: 7 vol. Paris: Fayard.
- Durkheim E. (1995) *Sotsiologiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon.
- Duvignaud J. (1976) *Le ça perché* [A perched]. Paris: Éditions Stock.
- Figuères L. (1971) *Jeunesse militante* [Mobilizing youth]. Paris: Éditions sociales.
- Freud S. (1999) *Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza* [Basic psychological theories in psychoanalysis. Essay on the history of psychoanalysis]. St. Petersburg: Aleteia.
- Garaudy R. (1989) *Mon tour du siècle en solitaire* [My solo turn of the century]. Paris: Robert Laffont.
- Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamiati* [Social framework of memory]. Moscow: Novoe izd-vo.
- Hervé P. (1958) *Ce que je crois* [What I believe]. Paris: B. Grasset.
- Jalée P. (1981) *L'Ancre dans l'avenir* [Anchor in the future]. Paris: Éditions Karthala.
- Janet P. (2009) *Psikhicheskii avtomatizm: eksperimental'noe issledovanie nizshikh form psikhicheskoi deiatel'nosti cheloveka* [Psychic automatism: experimental study of the lower forms of human psychic activity]. St. Petersburg: Nauka.

- Jeannelle J.-L. (2008) *Écrire ses mémoires au XXe siècle: déclin et renouveau* [Writing memoris in the 20th century: decline and renewal]. Paris: Gallimard.
- Jérôme J. (1983) *La Part des hommes: souvenirs d'un témoin* [The Men's Share: memories of a witness]. Paris: Acropole.
- Kharkhordin O.V. (2002) *Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Reveal and dissimulate: a genealogy of the Russian personality]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb.
- Kriegel A. (1991) *Ce que j'ai cru comprendre* [What I thought I understood]. Paris: Robert Laffont.
- Lavigne R. (1981) *Je suis un communiste heureux* [I am a happy communist]. Paris: La Table ronde.
- Le Goff J. (2013) *Istoriia i pamiat'* [History and memory]. Moscow: ROSSPEN.
- Le Roy Ladurie E. (1982) *Paris-Montpellier: P.C.-P.S.U., 1945-1963* [Paris-Montpellier: C.P.-U.S.P., 1945-1963]. Paris: Gallimard.
- Le Sujet communiste: identités militantes et laboratoires du « moi »* [The communist subject: militant identities and laboratories of the "self"] / Edited by B. Pudal and C. Pennetier. Rennes: PU Rennes, 2014.
- Lecœur A. (1955) *L'Autocritique attendue* [The expected self-criticism]. Paris: Girault.
- Marcenac J. (1982) *Je n'ai pas perdu mon temps* [I didn't waste my time]. Paris: Temps actuels.
- Midol L. (1973) *La voie que j'ai suivie* [The path that I have followed]. Paris: Éditions sociales.
- Morin E. (1994) *Mes démons* [My demons]. Paris: Éditions Stock.
- Morin E. (2012) *Autocritique* [Self-criticism]. Paris: Seuil.
- Nérard F.-X. (2011) *Piat' protsentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928-1941)* [Five percent of truth. Exposure and denunciation in Stalin's USSR (1928-1941)]. Moscow: ROSSPEN.
- Nora P., Ozouf M., Puymège G. de, Winock M. (1999) *Frantsiia-pamiat'* [France-memory]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta.
- Pannequin R. (1977) *Adieu, camarades* [Farewell, comrades]: 2 vol. Paris: Le Sagittaire.
- Podoroga V.A. (2012) *Pamiat' i zabvenie (T.V. Adorno i vremia «posle Osventsima»)* [Memory and oblivion (T.V. Adorno and the time "after Auschwitz")], *NLO*, no 4, pp. 109-129.
- Renan E. (1886) *Chto takoe natsiia* [What is a nation]. St. Petersburg: Izd. V. Bermiana i S. Voitinskogo.
- Ricœur P. (2004) *Pamiat', istoriia, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow: Izd-vo gumanit. Lit.
- Robrieux P. (1977) *Notre génération communiste: 1953-1968* [Our communist generation: 1953-1968]. Paris: Robert Laffont.
- Rony J. (1978) *Trente ans de parti* [Thirty years of the party]. Paris: C. Bourgois.
- Rousso H. (1987) *Le Syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours* [Vichy syndrome: from 1944 to the present day]. Paris: Seuil.
- Roy C. (1969) *Moi je* [Me]. Paris: Gallimard.
- Roy C. (1972) *Nous* [We]. Paris: Gallimard.
- Roy C. (1976) *Somme toute* [All in all]. Paris: Gallimard.
- Roy C. (1981) *Les Chercheurs de dieux. Croyance et politique* [Seekers of gods. Belief and politics]. Paris: Gallimard.
- Safronova Iu.A. (2018) *Memory studies: evoliutsiia, problematika i institutsional'noe razvitie* [Memory studies: evolution, problems and institutional development]. In: *Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiat'i: Sb. nauchn. tr.* Edited by A.I. Miller and D.V. Efremenko. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 11-26.
- Safronova Iu.A. (2019) *Istoricheskaia pamiat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical memory: introduction: schoolbook]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb.
- Thorez M. (1950) *Syn naroda* [Son of the people]. Moscow: Izd-vo inostr. Lit.

- Tillon C. (1977) *On chantait rouge* [We sang red]. Paris: Robert Laffont.
- Unfried B. (2006) «*Ich bekenne*». *Katholische Beichte und sowjetische Selbstkritik* ["I confess". Catholic confession and Soviet self-criticism]. Frankfurt/Main-New York: Campus Verlag.
- Vassevière M. (1992) La place de 1956 dans *Blanche ou l'Oubli*: construction romanesque d'une autocritique [The place of 1956 in "Blanche or Oblivion": a novel construction of a self-criticism]. In: *Aragon 1956 : Actes du colloque d'Aix-en-Provence, septembre 1991* [Aragon 1956: Proceedings of the Aix-en-Provence conference, September 1991]. Edited by S. Ravis. Aix-en-Provence: PU Provence, pp. 283-297.
- Wurmser A. (1979) *Fidèlement vôtre* [Yours faithfully]. Paris: B. Grasset.

Сведения об авторе:

ВИНОГРАДОВА Александра Сергеевна – кандидат физико-математических наук, аспирантка факультета гуманитарных наук Университета Сорбонна (Центр изучения французского языка и литературы) (Париж, Франция). E-mail: vinogradova-as@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alexandra S. Vinogradova, Sorbonne University (CELLF) (Paris, France). E-mail: vinogradova-as@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 4 мая 2022 г.;
принята к публикации 15 июня 2022 г.*

*The article was submitted 04.05.2022;
accepted for publication 15.06.2022.*

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/2312461X/36/5

ОТ ВОЙНЫ ГРАЖДАНСКОЙ К ВОЙНЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ: ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПАМЯТИ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СЕВЕРЕ РОССИИ (1918–1920 гг.)

Владислав Сергеевич Стаф

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, stafvlad@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается эволюция памяти о Гражданской войне и интервенции Антанты на Севере России после 1920 г. На примере истории памятников и музеев в Архангельске, Мурманске, Йоканьге (ЗАТО г. Островной) и на острове Мудьюг показывается, как в этих местах выстраивался советский взгляд на эти события. Гражданская война на Севере 1918–1920 гг. в советской памяти стала скорее войной освободительной, где главным врагом было не правительство Северной области во главе с Е.К. Миллером, а интервенты Антанты, воевавшие на стороне белых. И хотя интервенты не сыграли ключевой роли на фронте, а их эвакуация с Севера завершилась еще осенью 1919 г., местные памятники на Севере были посвящены именно жертвам интервенции. Так, главным местом памяти стал остров Мудьюг в Белом море, где в 1918–1919 гг. располагался концентрационный лагерь, а потом каторжно-ссылная тюрьма, созданная британцами и французами. В 1930-е гг. здесь открыли музей, в который возили жителей советского Севера. С перерывом из-за Второй мировой войны, процесс мемориализации продолжался вплоть до распада СССР, когда большинство памятных мероприятий и проектов были прекращены, а многие мемориальные объекты заброшены.

Ключевые слова: Гражданская война, интервенция, Русский Север, остров Мудьюг, красный террор, белый террор, Архангельск, Мурманск, Йоканьга

Для цитирования: Стаф В.С. От войны Гражданской к войне освободительной: формирование советской памяти об интервенции на Севере России (1918–1920 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 81–95.
doi: 10.17223/2312461X/36/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/5

From the Civil War to a War of Liberation: The Formation of Soviet Memory of the Intervention in the Russian North (1918-1920)

Vladislav S. Staf

*National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia,
stafvlad@gmail.com*

Abstract. The article examines the evolution of the memory of the Civil War and the Entente intervention in the Russian North after 1920. Using the example of the history of monuments and museums in Arkhangelsk, Murmansk, Yokanga (ЗАТО Островная) and Mudyug Island, it is shown how the Soviet view of these events was built in these places. The Civil War in the North of 1918-1920 in Soviet memory became rather a war of liberation, where the main enemy was not the government of the Northern Region headed by E.K. Miller, but the Entente interventionists who fought on the side of the Whites. Moreover, although the interventionists did not play a key role at the front, and their evacuation from the North was completed in the autumn of 1919; local monuments in the North were dedicated specifically to the victims of the intervention. Therefore, the main place of memory was Mudyug Island in the White Sea, where a concentration camp was located in 1918-1919, and then the British and the French created a prison for convicts and exiles, where a museum was opened in the 1930s, to which residents of the Soviet North were taken. With a break due to the Second World War, the memorialization process continued until the collapse of the USSR, when most commemorative events and projects were discontinued, and many memorial facilities were abandoned.

Keywords: Civil war, intervention, Russian North, Mudyug Island, red terror, white terror, Arkhangelsk, Murmansk, Yokanga

For citation: Staf, V.S. (2022) From the Civil War to a War of Liberation: The Formation of Soviet Memory of the Intervention in the Russian North (1918-1920), *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 81–95 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/5

...Пустынный остров в Белом море,
Глухой прибой да ветра вой,
Да башня черная в дозоре
Стоит над черною водой...

*Г. Суфтин «Помним!» (1950: 91),
о Мудьюгском концентрационном лагере*

В 2018 г. у компании BBC вышел документальный фильм «Как Британия вторглась в Россию»¹ о путешествии британской журналистки Люси Эш по местам сражений Гражданской войны на Русском Севере. Пожалуй, этот фильм можно считать одной из первых попыток объективно рассказать об истории конфликта, память о котором значимо трансформировалась в советское время и почти исчезла после развала СССР.

С началом Гражданской войны на Севере России сформировался отдельный фронт, который пусть и не сыграл такой решающей роли в исходе войны, как южный или восточный, однако имел свои особенности. Как и на остальных фронтах, помимо красных и белых армий на Севере России сражались и солдаты Антанты, посланные туда в 1918 г. для того, чтобы остановить продвижение немцев на восток, а также помогать белым армиям сражаться против большевиков, которые заключили Брестский мир. Интерес союзников на Севере был обусловлен еще и тем, что во время Первой мировой войны на склады в порты Архангельска и Мурманска было доставлено большое количество вооружения и продовольствия, которое должно было помочь русским солдатам воевать против немцев на Восточном фронте. После Октябрьской революции и подписания Брестского мира в России началась Гражданская война, в которой Антанта поддерживала белых, воевавших против армии большевиков. Интервенция была частью общего плана Антанты по свержению советской власти в России, а Север – удобным плацдармом по продвижению в глубь страны (Интервенция 2017: 5). Первый английский крейсер «Глория» вошел в порт Мурманска 6 марта 1918 г., а 3 июня того же года в Париже было принято решение о расширении интервенции. С конца июля во всех основных населенных пунктах на Белом море была свергнута советская власть, и 2 августа 1918 г. союзники высадились в Архангельске. В порты Мурманска и Архангельска прибыло несколько десятков тысяч солдат из Британии, США, Канады, Австралии и Франции, которые воевали вместе с белыми против большевиков. Одновременно с захватом Архангельска, крупнейшего города на Русском Севере, здесь произошел контрреволюционный переворот и было образовано новое правительство во главе с Н.В. Чайковским – «Верховное управление Северной области» (Интервенция 2017: 5).

Интервенты оставались на Севере до осени 1919 г., помогая белым сражаться против Красной армии. Изначально планировалось объединение армии союзников на Севере с армиями Колчака, однако этого не произошло – Колчак был вынужден отступать в Сибирь, а армии белых и интервентов на Севере стали постепенно сдавать позиции красным. Стоит отметить, что из-за непоследовательности руководства далеко не все интервенты понимали, зачем они отправлялись на Север: изначально они полагали, что едут на очередной фронт Первой мировой войны, однако после подписания Компьенского перемирия в ноябре 1918 г. главнокомандующий войсками Антанты на Севере Эдмунд Уильям Айронсайд (как правительства Антанты) перестал понимать, что он делает на Севере России² (Новикова 2011: 133); не понимали этого и многие солдаты. Это непонимание привело к разложению армии к весне 1919 г. Так, 12 октября 1919 г. последние иностранные солдаты были вывезены с Русского Севера. После ухода интервентов Северная об-

ласть во главе с Е.К. Миллером продержалась еще несколько месяцев, однако в конце зимы она пала – 21 февраля 1920 г. части Красной армии вошли в Архангельск, а 13 марта большевиками был занят Мурманск. Именно эту дату принято считать окончанием Гражданской войны на европейском Севере России.

С приходом к власти большевиков параллельно с советизацией бывшей полупризнанной Северной области начинается масштабный террор: местные монастыри превращают в концентрационные лагеря для пленных белых солдат и офицеров, а по всей области проходят массовые расстрелы. Точное число жертв до сих пор вызывает споры из-за отсутствия достоверных данных; есть предположение, что так как на Север в 1920–1921 гг. привозили пленных кронштадтских матросов и белогвардейцев с Юга России, Сибири и Украины, общее число погибших на Севере за 1920–1922 гг. могло доходить до ста тысяч человек (Leggett 1981: 464). С установлением советской власти с 1920-х гг. на Севере начинается конструирование памяти о Гражданской войне и интервенции: советский взгляд на события 1918–1920 гг. стал формироваться через литературу, памятники и музеи. На сегодняшний день история Гражданской войны и интервенции на Севере изучена достаточно подробно (Голдин 1993; Голдин, Журавлев, Соколова 2005; Новикова 2011; Прайсман 2019), в то время как исследования памяти об этих событиях практически отсутствуют или представляют собой лишь журналистские или краеведческие очерки (Войтко 2016, Памятнику «Жертвам интервенции»... 2014).

В этой статье я рассмотрю формирование советской мемориальной культуры на примере мемориалов и музеев в Архангельске, Мурманске, Йоканьге (современное закрытое административно-территориальное образование г. Островной) и на острове Мудьюг – основных (но не единственных) мест памяти о войне 1918–1920 гг. на Севере. Основными источниками являются материалы Государственного архива Архангельской области (ГААО) и Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, в которой собраны книги, брошюры, газеты, программы конференций по данной теме. Большинство упоминаемых в статье памятных мест о Гражданской войне автору удалось посетить лично, чтобы своими глазами увидеть следы той, во многом забытой сегодня войны.

Памятные места, связанные с интервенцией в Архангельской и Мурманской областях

Начиная с 1920-х гг. в СССР происходит формирование новой мемориальной культуры, появляются новые музеи и музейные концепции (Авангардная музеология 2015). Помимо авангардных идей обретают

популярность и новые способы подчеркнуть освобождение советских людей в 1917 г. Одним из них стал открытый в 1924 г. музей тюрьмы Трубецкого бастиона в Ленинграде – символ освобождения советских людей от царского режима. Новая мемориальная политика распространилась и на Русский Север. Так, в первой половине 1920-х гг. были выделены основные места для монументов жертвам Гражданской войны и интервенции: на набережной Северной Двины и на Мхах (месте массовых расстрелов за городом, где сначала белые расстреливали красных, а после 1920 г. – наоборот³) в Архангельске, в центре Мурманска, Кандалакше, на острове Мудьюг и в Йоканьге. Были выделены места для установки менее крупных памятников и мемориальных табличек на местах террора интервентов, а также на домах, где жили известные революционеры: в Кандалакше, на Кегострове в Архангельске, в Холмогорах, Шенкурске и некоторых селах Архангельской области. В 1926 г. в Мурманске был открыт краеведческий музей, где один из залов получил название «Интервенция на Мурмане»; в нем представлены не только личные вещи большевиков, но и макет Йоканьгской тюрьмы.

Празднования юбилея Революции в 1927 г. стали толчком к созданию множества новых монументов. Тогда же, как следует из предложений истпарта в губкомиссию по проведению празднования десятилетия Октябрьской Революции, предполагалось поставить памятники в первую очередь:

- «а) на Мхах – месте расстрела белогвардейцами политзаключенных;
- б) на Исакогорке – месте убийства белыми комиссара Занковича;
- в) на Мудьюге и Йоканьге – ссыльнокаторжные тюрьмы при белых;
- г) на Мхах на месте расстрела белогвардейцами полит. заключенных разбить парк⁴» (ГААО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. С. 9).

В Архангельске был закончен памятник жертвам интервенции на берегу Северной Двины (Данилов 1924: 79). В Мурманске 7 ноября 1927 г. открыт созданный А.В. Савченко памятник жертвам интервенции. Он был выполнен в виде конструктивистского капитанского мостика, который должен был служить трибуной во время проведения мероприятий, а под памятником были похоронены тела двадцати четырех человек – бывших узников тюрьмы на Йоканьге, умерших после освобождения по дороге в Мурманск. В самой Йоканьге был установлен монумент по проекту художника И.А. Давыдова: монумент сложен из валунов и чем-то напоминает пирамиду, с решетчатыми окнами на стенах, а со всех сторон скалу опоясывают цепи. В нижней части памятника, около окон, находятся останки всех погибших в Йоканьгской тюрьме, могилы которых удалось отыскать, а по внутреннему периметру стен уложено около двухсот человеческих черепов (Йоканьгская тюрьма 2009: 198).

Перед Второй мировой войной в Архангельске появилось еще одно, хронологически наиболее позднее, место памяти об интервенции: в

центре города установили британский танк Mark V как символ победы над иностранной интервенцией. Сам танк никогда не воевал на Севере: его доставили в Архангельск из-под Харькова, где он был захвачен у белой Добровольческой армии. В 1930 г. танк был списан и хранился на складе, но в 1938 г. было принято решение поставить в ряде советских городов, в том числе и в Архангельске, четырнадцать трофейных танков как памятники Гражданской войны. Так в Архангельске появилось еще одно место, отсылающее к победе в битве с интервентами за советский Север (Интервенция 2017: 98).

Остров Мудьюг

Самым масштабным местом памяти об интервенции стал музеефицированный лагерь на острове Мудьюг, который в 1918–1919 гг. получил недобрую славу как «остров смерти». Концентрационный лагерь на острове Мудьюг в Белом море, в сорока километрах от Архангельска, был открыт 23 августа 1918 г.; в нем содержались военнопленные и люди, арестованные за принадлежность к коммунистической партии. Мудьюг называли «первым концентрационным лагерем для военнопленных» (Интервенция 2017: 88), по составу заключенных и режиму он представлял собой каторжную тюрьму с крайне суровыми условиями содержания, с трехметровой колючей проволокой по периметру и карцерами-землянками, куда заключенные могли попасть за любую провинность (Интервенция 2017: 88). 15 сентября 1919 г. на Мудьюге произошло восстание и побег заключенных: тридцать человек были расстреляны, однако нескольким десяткам узников удалось бежать и добраться до красных. Из-за этого побега в сентябре 1919 г. каторжная тюрьма была открыта в новом месте – в Йоканьге, находящейся в восточной части Кольского полуострова, на берегу Баренцева моря. Йоканьгская тюрьма просуществовала до февраля 1920 г.

Значение Мудьюга для мемориальной политики советской власти связано не только с относительной близостью к Архангельску и сохранностью лагерной инфраструктуры 1918–1919 гг. (бараки, вышки, колючая проволока и карцер). В отличие от архангельских тюрем, где в годы Гражданской войны работали в основном белые, лагерь был построен именно интервентами. Несмотря на то что в 1919 г. он был передан в распоряжение правительства Северной области, а комендантами стали уже местные (Голуб 2006: 186–187), заключенные Мудьюга страдали в первую очередь от действий интервентов, а не белых.

Первый этап мемориализации лагеря совпадает с всплеском монументальной активности в регионе к десятилетию Революции и Гражданской войны. 12 августа 1928 г. на острове был открыт памятник жертвам интервенции, представляющий собой обелиск высотой 17,5 м;

на его открытии присутствовали около пяти тысяч человек (Памятнику «Жертвам интервенции»... 2014). Место было выбрано не случайно – памятник должен был быть виден морякам с проходящих мимо кораблей, по дороге в Архангельск или из него. Тогда же вышли и первые книги о Мудьюге: «Записки заключенного» П. Рассказова и рассказ П. Уржумского «Мудьюг» – тексты, призванные познакомить жителей советского Севера с террором интервентов против местных жителей и страданиями заключенных на острове смерти (Рассказов 1928; Уржумский 1932). В 1934 г. на острове был создан отдел Музея Революции Северной области. Строения бывшего лагеря были превращены в экспозицию, сюда начали возить экскурсии из Архангельска. В 1938 г. Музей Революции был объединен с Архангельским областным краеведческим музеем и получил название «музей каторги». В 1940 г. отдел музея на Мудьюге был закрыт, так как на острове разместилась воинская часть ПВО (Памятнику «Жертвам интервенции»... 2014).

Хотя тема интервенции не потеряла актуальности и в послевоенный период (так, в 1951 г. Сталинской премии удостоился исторический роман Н.Н. Никитина «Северная Аврора» (Никитин 1951) о борьбе советских людей с англо-американскими захватчиками), сам музей оставался закрытым долгое время. В 1958 г. (к 40-летию начала интервенции) на Мудьюге был установлен новый обелиск (по проекту Н.В. Чеснокова) высотой 24,5 м с надписью «Славным патриотам, замученным интервентами на острове Мудьюг 1918–1920 г.» (Боровой 1977: 8). 23 июня 1967 г. (к 50-летию Революции) около нового Памятника жертвам интервенции дали клятву верности Революции участники второго областного молодежного слета победителей похода «Дорогами отцов-героев» (Боровой 1977: 9). Тогда же в памятник была заложена капсула с письмом потомкам XXI в., которую предполагалось открыть в 2017 г. к 55-летию начала интервенции (15 июня 1973 г.) музей на Мудьюге вновь был открыт для посещений. На острове было построено отдельное здание с экспозицией прямо среди остатков тюремного лагеря. Зимой того же года состоялся лыжный поход архангельских туристов маршрутом героев Гражданской войны бежавших в 1919 г. с острова смерти Мудьюга на Пинегу (Лернер 1973: 2–3). В 1982 г. в музее на Мудьюге были проведены восстановительные работы – отремонтированы барак, карцер, вышка с забором с колючей проволокой 1918–1919 гг.

После распада СССР мемориалы жертв интервенции на Севере перестали быть популярной точкой для местного туризма. Несмотря на то, что в 1980-е гг. остров Мудьюг с лагерным музеем занимал второе место в путеводителях по Архангельской области после Соловецких островов (Памятнику «Жертвам интервенции»... 2014), с 1993 г. экскурсии туда прекратились. В настоящее время официально музей счи-

тается законсервированным⁵, однако точнее будет сказать, что он заброшен. С 1998 г. закрыт и теплоходный маршрут на остров; сегодня туда можно попасть либо на собственной лодке, либо зимой по льду Северной Двины. Уникальность заброшенного музея на Мудьюге состоит еще в том, что на сегодняшний день это единственные в мире сохранившиеся постройки концентрационного лагеря времен Первой мировой войны (он был открыт в 1918 г., когда война еще не закончилась).

Йоканьга и в советское время не стала главным местом памяти из-за своей удаленности, а сегодня это закрытое административно-территориальное образование, которое после нескольких переименований называется г. Островной (рис. 1). Этот закрытый город насчитывает около полутора тысяч жителей и не имеет автомобильного или железнодорожного сообщения – попасть туда можно лишь на теплоходе или на вертолете из Мурманска.

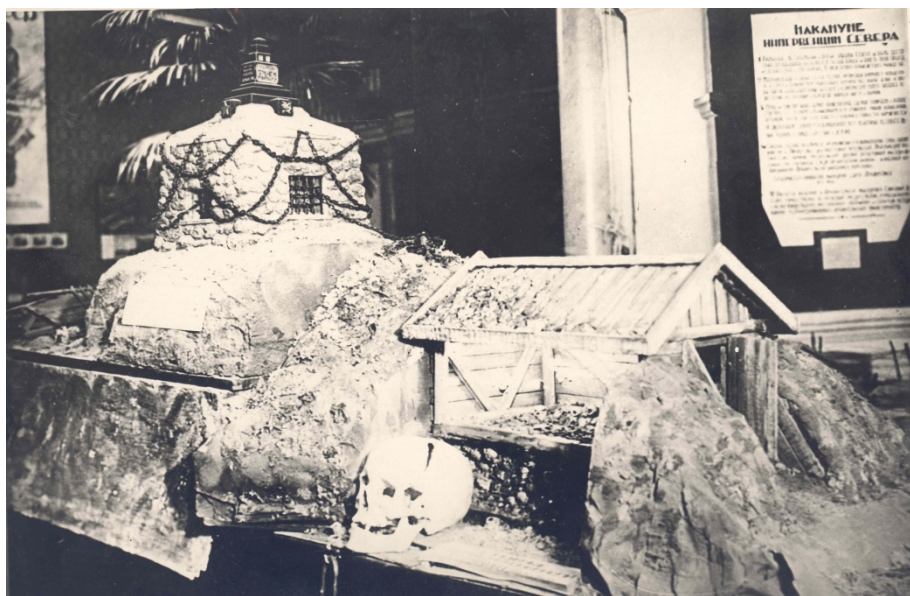

Рис. 1. Памятник жертвам интервенции на острове Йоканьга
(ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 89)

В постсоветские годы в Архангельске появилось лишь два новых места памяти, связанных с событиями 1918–1920-х гг. – храм в честь Новомучеников и исповедников земли Русской и Ратный музей. Храм в честь Новомучеников был открыт в 2015 г. напротив выхода из архангельского железнодорожного вокзала, на месте бывших Мхов. В конце 2015 г. в Архангельске появился частный Ратный музей: его автор, ар-

хеолог-любитель Алексей Сухановский, создал с друзьями небольшой музей на окраине города, состоящий из двух залов, посвященных Великой Отечественной войне и интервенции 1918–1919 гг. (Нечай 2016). Помимо найденных за тридцать лет артефактов в музее выставлены макеты самолетов, пулеметов и даже самодельный макет передней части британского танка Mark V (такого же, что стоит в центре Архангельска с 1940 г.), однако перспективы его развития неизвестны. В 2016 г. открытый в 1927 г. памятник жертвам интервенции и территория вокруг него в Архангельске на берегу Северной Двины были облагорожены, однако это было связано не с грядущей столетней годовщиной Революции или высадки союзников Антанты на Севере России, а с визитом в город принцессы Великобритании Анны, дочери королевы Елизаветы II (Принцесса Великобритании Анна... 2016), которая посещала могилы британских солдат на Вологодском кладбище и другие места, связанные с британскими солдатами на Севере во время Первой и Второй мировых войн.

Интервенция союзников сыграла неоднозначную роль в Гражданской войне на Севере – увеличив своим контингентом антибольшевистские силы, интервенты старались не вступать в прямые столкновения с Красной армией, лишь «обороняясь» от нее. В то же время советская пропаганда использовала факт интервенции для поднятия патриотических настроений (Новикова 2011: 151–152). В итоге интервенты были эвакуированы с Севера, не сыграв решающей роли в Гражданской войне. Однако в мемориальной политике советской власти с 1920-х гг. *гражданская* война (т.е. между красными и белыми) представлялась скорее войной *освободительной*, войной с интервенцией империалистических держав – Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки. Памятники жертвам интервенции, появившиеся во многих местах Русского Севера, в основном к десятилетию Революции в 1927 г., имеют одну общую деталь: посвятельные надписи на монументах в Мурманске, Кандалаксе, Йоканьге (Островном), Архангельске и Мудьюге содержат даты «1918–1920». Это расширяет период интервенции (продолжавшейся до 1919 г.) до хронологических рамок Гражданской войны, помогает сформулировать советский нарратив о войне на Севере как о войне против иностранных захватчиков. При этом именно интервенты стали главным врагом советской власти, именно они оказались ответственны за все ужасы белого террора, а белые во главе сначала с Н.В. Чайковским, а позднее с Е.К. Миллером превратились скорее в пособников интервентов, нежели в главных противников большевиков.

Некоторая ирония этой ситуации заключается в том, что и многие белые эмигранты в своих воспоминаниях также крайне критически оценивали роль интервентов в войне на Севере. Так, уже в Париже в

1924 г. по инициативе Е.К. Миллера было создано Общество Северян – ветеранов гражданской войны на Севере в эмиграции. Общество Северян собирало воспоминания участников войны на Севере, часто сами ветераны делали доклады. Одной из главных тем была интервенция союзников Антанты и их роль в поражении белых: белые эмигранты нередко считали, что именно неправильное обращение англичан, американцев и французов с местными жителями привело к поражению в борьбе с большевиками и краху Северной области. Отчасти это и правда так: для большинства простых жителей Русского Севера интервенты так и остались чужими, в то время как большевики были свои, родные (Прайсман 2019: 350). Так, подполковник В.А. Жилинский писал, что политика англичан на Севере «была колониальной, т.е. той, которую они применяют в отношении цветных народов» (Марушевский 1927: 3). Конечно, подобное отношение к англичанам можно объяснить и попыткой белых объяснить собственное поражение на Севере, перекладывая вину с себя на интервентов.

История мемориализации событий Гражданской войны и террора в северных регионах России (в Мурманской и Архангельской областях, республике Карелии) – пример целенаправленного забвения существенных характеристик исторических явлений и событий в советской мемориальной политике с 1920-х гг. (рис. 2, 3).

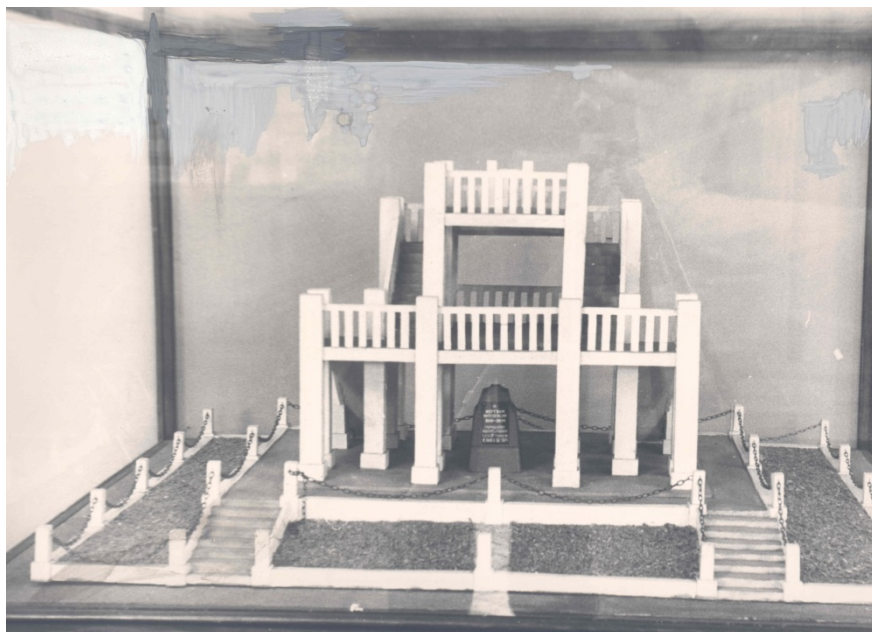

Рис. 2. Макет памятника жертвам интервенции в Мурманске
(ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 89)

Рис. 3. Памятник жертвам интервенции в Архангельске. Фото автора. 2018 г.

Гражданская война приравнивается к интервенции, а затем и вовсе заменяется ей. Для этого используются передовые формы мемориализации. Так, опережая свое время, большевики музеефицировали концентрационный лагерь для пленных красноармейцев на острове Мудьюг (рис. 4).

Рис. 4. Остатки Мудьюгского концентрационного лагеря. Фото автора. 2018 г.

Эта линия памяти была поддержана монументами в крупных и малых городах, изданием воспоминаний жертв интервенции. Противостояние красных и белых, Гражданская война заменяются в официальном дискурсе борьбой с иностранной оккупацией. За содержательной подменой следует хронологическая – закончившаяся в 1919 г. интервенция в памятниках и музеях хронологически расширена до границ всей Гражданской войны (1918–1920 гг.). Почему именно север был избран для сохранения памяти о вмешательстве внешних сил в Гражданскую войну, хотя оно имело место по всей стране? Этот вопрос требует дополнительных исследований.

Важным обстоятельством формирования официальной памяти об интервенции стало то, что она складывалась одновременно с возникновением других, уже советских лагерей на Русском Севере – Холмогорского (1920), Пертоминского (1921), а с 1923 г. – печально известного Соловецкого (С.Л.О.Н.), который стал прообразом возникшей в 1929 г. системы ГУЛАГа. Памятники сотням и тысячам жертв белого террора и интервенции открывались через несколько лет после более масштабного на севере красного террора и одновременно с появлением и расширением системы ГУЛАГа. Активная работа по сохранению памяти об интервенции сочеталась с умалчиванием о советских политических репрессиях, что, вероятно, и стало причиной впоследствии ее девальвации. В постсоветские годы изучение советских лагерей на Севере и мемориализация мест советского террора – установки мемориалов на местах захоронений в Архангельске, Холмогорах, под Северодвинском (жертвам ЯгринЛага), в Карелии, на Соловках и Мурманской области – практически полностью вытеснили интерес к памятникам об интервенции.

Примечания

¹ Фильм «Как Британия вторглась в Россию» доступен по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=3Ru5z9PeX70>

² Тем не менее для самого Айронсайда служба на Севере окажется одним из решающих эпизодов его жизни – уже во время Второй мировой войны, 29 января 1941 г., он получит баронский титул, став первым «бароном Айронсайдом из Архангела и Айронсайдом в графстве Абердин» (1st Baron Ironside of Archangel and of Ironside in the County of Aberdeen) – название столицы Северной области отразится даже в его баронском титуле.

³ Сегодня Мхи вошли в состав города и застроены жилыми домами. Около железнодорожного вокзала, тоже построенного на Мхах, сегодня находится открытый в 2015 г. собор Новомучеников в память о белом, а позднее и красном и советском терроре.

⁴ Парк планировалось разбить только на Мхах, поэтому это вынесено в документе в отдельный пункт.

⁵ До сих пор остается спорным вопрос, кто отвечает за территорию музея. Так, Архангельский краеведческий музей на запросы отвечает, что музей принадлежит Министерству обороны РФ, а Министерство – что музею (см.: (Войтко 2016)).

Список источников

Авангардная музеология / под ред. А. Желяева. М.: V-A-C press, 2015.

Боровой В.Я. Остров Мудьюг. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1977.

- Войтко Д. Мудьюг: забытое наследие // *Правда Северо-Запада*. 17 февраля 2016. № 6. С. 6.
- ГАО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. С. 9. «Предложения ист.парта в губ.комиссию по проведению празднования десятилетия Октябрьской Революции»
- Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 89. Памятник жертвам интервенции на острове Йоканьга.
- ГАМО Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 89. Макет памятника жертвам интервенции в Мурманске.
- Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Архангельск: Солти, 2005.
- Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Голуб П.А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М.: Патриот, 2006.
- Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // *Архив русской революции* / ред. И.В. Гессен. Берлин: Слово, 1924. Т. 14. С. 39–131.
- Интервенция на Русском Севере (1918–1920 гг.): как это было: взгляд сквозь годы. Архангельск, 2017.
- Йоканьгская тюрьма // *Кольская энциклопедия*: в 5 т. Т. 2: Е–К / гл. ред. А.Н. Виноградов. СПб.: ИС ; Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 198.
- Лернер Л. Побег. Из дневников участников лыжного похода Архангельских туристов маршрутом героев Гражданской войны [бежавших с острова смерти Мудьюга на Пинегу]. Архангельск: Турист, 1973. № 11. С. 2–3.
- Марушевский В.В. «Год на Севере» // Белое дело. 1927. Т. 2. С. 3.
- Нечай А. В Архангельске появился первый в области частный музей // *МК.RU* Архангельск. 17.03.2016. URL: <https://arh.mk.ru/articles/2016/03/17/v-arkhangel'ske-royuavilsya-pervyy-v-oblasti-ratnyy-muzey.html>
- Никитин Н.Н. Северная Аврора. М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1953.
- Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Памятнику «Жертвам интервенции» на острове Мудьюг 86 лет // *Двина информ*, 12.08.2014. URL: <http://www.dvinainform.ru/society/2014/08/12/26947.html>
- Помним!: поэма / Г. Суфтин // Север: литературно-художественный и общественно-политический альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. Альманах, 1950. Вып. 12. С. 83–109.
- Прайсман Л.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Принцесса Великобритании Анна почтила память соотечественников // *DvinaNews*. 31.08.2016. URL: <http://dvinanews.ru/-62evkmg7>
- Рассказов П. Записки заключенного. Архангельск, 1928.
- Уржумский П. Мудьюг: [рассказ]. Архангельск, 1932.
- Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Police: The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage (December 1917 to February 1922). Oxford: Clarendon Press, 1981.

References

- Avangardnaia muzeologiya* [Avant-garde museology]. Ed. by A. Zheliazova. Moscow: V-A-C press, 2015.
- Borovoi, V.Ia. (1977) *Ostrov Mud'jug* [Mudyug Island]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Voitko, D. (2016) *Mud'jug: zabytoe nasledie* [Mudyug: forgotten heritage], *PravDa Severo-Zapada*, 17 fevralia 2016 (№ 6), pp. 6.
- State Archive of Arkhangel'sk Region (GAAO). F. 240, Op. 1, D. 35, P. 9. «Predlozheniia ist.parta v gub.komissiiu po provedeniiu prazdnovaniia desiatiletiia Oktiabr'skoi Revoli-

- utsii» [Proposals of the Istpart to the Provincial Commission for the celebration of the decade of the October Revolution]
- State Archive of Murmansk Region (GAMO). F. P-2393, Op. 2, D. 89. Pamiatnik zhertvam interventsii na ostrove Iokan'ga [Monument to the victims of the intervention on Yokanga Island]
- GAMO. F. P-2393, Op. 2, D. 89. Maket pamiatnika zhertvam interventsii v Murmanske [Model of the monument to the victims of the intervention in Murmansk]
- Goldin V.I. (1993) *Interventsiia i antibol'shevistskoe dvizhenie na Russkom Severe, 1918–1920* [Intervention and the Anti-Bolshevik Movement in the Russian North, 1918–1920]. Moscow, Izd-vo MGU.
- Goldin V.I. et al. (2005) *Russkii Sever v istoricheskom prostranstve rossiiskoi Grazhdanskoi voiny* [The Russian North in the historical space of the Russian Civil War]. Arkhangel'sk: Solti.
- Golub P.A. (2006) *Belyi terror v Rossii (1918–1920 gg.)* [White terror in Russia (1918–1920)]. Moscow: Patriot.
- Danilov I. (1924) Vospominaniia o moei podnevol'noi sluzhbe u bol'shevikov [Memories of my servitude with the Bolsheviks]. In: *Arkhiv russkoi revoliutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Ed. by I.V. Gessen. Berlin: Slovo, Vol. 14, pp. 39–131.
- Interventsiia na Russkom Severe (1918–1920 gg.): kak eto bylo: vzgliad skvoz' gody* [Intervention in the Russian North (1918–1920), how it was: a look through the years]. Arkhangel'sk, 2017.
- Iokan'gskaia tiur'ma [Yokanga Prison]. In: *Kol'skaia entsiklopediia. V 5 t. T. 2. E–K* [Kola Encyclopedia. In 5 volumes. Vol. 2, E–K]. Chief editor A.N. Vinogradov. St. Petersburg: IS; Apatity: KNTs RAN, 2009, pp. 198.
- Lerner L. (1973) Pobeg. Iz dnevnikov uchastnikov lyzhnogo pokhoda Arkhangel'skikh turistov marshrutom geroev grazhdanskoi voiny (bezhavshikh s ostrova smerti Mud'iuga na Pinegu) [The escape. From the diaries of the participants of the ski trip of the Arkhangel'sk tourists along the route of the heroes of the Civil War (who fled from the island of death Mudyug to Pinega)]. Arkhangel'sk: Turist, no. 11, pp. 2–3.
- Marushevskii V.V. (1927) «God na Severe» [A year in the North], *Beloe delo*, Vol. 2, pp. 3.
- Nechai A. (2016) V Arkhangel'ske poiavilsia pervyi v oblasti chastnyi muzei [The first private museum in the region has opened in Arkhangel'sk], *MK.RU Arkhangel'sk*, 17.03.2016. Available at: <https://arh.mk.ru/articles/2016/03/17/v-arkhangel'ske-poyavilsya-pervyy-v-oblasti-ratnyy-muзей.html>
- Nikitin N.N. (1953) *Severnaia Aurora* [North Aurora]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Voenno-go ministerstva Soiuzu SSR.
- Novikova L.G. (2011) *Provintsial'naia «kontrevoliutsiia»: Beloe dvizhenie i Grazhdanskaia voina na russkom Severe, 1917–1920* [Provincial “counter-revolution”: the White movement and the Civil War in the Russian North, 1917–1920]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pamiatniku «Zhertvam interventsii» na ostrove Mud'iug 86 let [The monument to the “Victims of Intervention” on Mudyug Island is 86 years old], *Dvina inform*, 12.08.2014 Available at: <http://www.dvinainform.ru/society/2014/08/12/26947.html>
- Suftin G. (1950) Pomnim! : poema [We remember! A poem]. In: *Sever : lit.-khudozhestv. i obshchestv.-polit. al'manakh Arkhangel'skogo otdeleniia Soiuzu sovetskikh pisatelei* [The North: Almanac of the Arkhangel'sk Branch of the Union of Soviet Writers]. Vol. 12, pp. 83–109.
- Praisman L.G. (2019) *1917–1920. Ognennye gody Russkogo Severa* [1917–1920. Fiery years of the Russian North]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Printsessa Velikobritanii Anna pochtila pamiat' sootchestvennikov [Princess Anne of Great Britain honored the memory of her compatriots], *DvinaNews*, 31.08.2016. Available at: <http://dvinanews.ru/-62evkmg7>
- Rasskazov P. (1928) *Zapiski zakliuchennogo* [Notes of a prisoner]. Arkhangel'sk.
- Urzhumskii P. (1932) *Mud'iug: (rasskaz)* [Mudyug: a story]. Arkhangel'sk.

Leggett G. (1981) *The Cheka: Lenin's Political Police: The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage (December 1917 to February 1922)*. Oxford: Clarendon Press.

Сведения об авторе:

СТАФ Владислав Сергеевич – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: stafvlad@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vladislav S. Staf, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation). E-mail: stafvlad@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 мая 2022 г.;
принята к публикации 15 июня 2022 г.*

*The article was submitted 07.05.2022;
accepted for publication 15.06.2022.*

Научная статья
УДК 94(47+57).084.9
doi: 10.17223/2312461X/36/6

(НЕ)ПОТЕРЯННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ: ГЛУБИНА ПАМЯТИ МОЛОДЫХ НЕФТЯНЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Вера Павловна Ключева

*Институт проблем освоения Севера, Тюменский научный центр СО РАН,
Тюмень, Россия, vormpk@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается сохранение памяти в северных городах Тюменской области, появившихся в период освоения нефтегазового комплекса. Анализ проведен на примере г. Когалыма – «столицы» нефтяной компании «ЛУКОЙЛ». Рассматривается проблема коммеморации начального этапа истории населенного пункта (до получения статуса города). В центре внимания – варианты и возможность репрезентации памяти о первопроходцах-строителях в городе с преобладающим населением, занятым в нефтяных отраслях. Акторами памяти, занимающимися конструированием и репрезентацией «до-городской» памяти, являются общественная организация «Первопроходцы Когалыма» и городской музей. Показано, что сложность в передаче и сохранении памяти связана с постоянной миграцией населения. По этой причине не происходит передача памяти на индивидуальном и семейном уровнях. Сделан вывод, что хотя история первопроходцев включена в общегородской исторический нарратив, образ Когалыма как города ЛУКОЙЛа оставляет в тени предшествующий этап развития этого места, вытесняет предыдущий этап развития, а личная память большинства горожан не содержит воспоминаний о первых строителях.

Ключевые слова: Тюменский Север, территория освоения, первопроходцы, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, историческая память

Благодарности: Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

Для цитирования: Ключева В.П. (Не)потерянное десятилетие первопроходцев: глубина памяти молодых нефтяных городов Западной Сибири // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 96–120. doi: 10.17223/2312461X/36/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/6

The (Un)Lost Decade of Pioneers: Preservation of Memory in Young Oil Cities of Western Siberia

Vera P. Kliueva

*Institute of the problems of Northern development, Tyumen Scientific Centre SB RAS,
Tyumen, Russia, vormpk@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of ideas about urban memory in the northern cities of the Tyumen region, which appeared during the development of the Western Siberian oil and gas complex. The analysis is carried out on the example of Kogalym, the base city of the oil company LUKOIL. The problem of commemoration of the initial stage of the history of a settlement (until it receives the status of a city) is posed. The focus is on options and the possibility of representing the memory of the pioneers in a modern city with a predominantly oil-based population. The public organization “Pioneers of Kogalym” and the city museum are the memory actors involved in the construction and representation of “pre-urban” memory. The difficulty in transferring and preserving memory is associated with the constant migration of the population; accordingly, memory transfer does not occur at the individual and family levels. The conclusion is made that although the history of the pioneers is included in the citywide historical narrative, the image of the city as a city of LUKOIL displaces the previous stage of the city’s development. Moreover, the personal memory of most of the townspeople does not contain memories of the first builders.

Keywords: Tyumen North, the territory of the Development, pioneers, Western-Siberian oil and gas complex, historical memory

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a State Assignment research project ‘Western Siberia in the context of Eurasian relations: man, nature, society’ (Grant № 121041600045-8).

For citation: Kliueva, V.P. (2022) The (Un)Lost Decade of Pioneers: Preservation of Memory in Young Oil Cities of Western Siberia, *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 96–120 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/6

Как и многим северным городам,
жизнь Когалыму подарила нефть.
Ей он обязан своим рождением.
На гербе города рядом с золотым медведем
черная капля нефти как символ благосостояния.
Преодолевая все трудности
экономического развития России
в непростую эпоху перемен,
Когалым стал поистине городом-шедевром,
воплощением мечты и устремлений многих людей.
Сценарий празднования 15-летия Когалыма... 2000

Среди географов и урбанистов давно сложился консенсус о том, что наиболее высокий уровень европейской урбанизации характерен для

северных широт. Об этом говорит Н.Ю. Замятина в одном из интервью: «Города ворвались в Арктику на волне индустриализации и потребности в природных ресурсах. Эта волна строительства городов в районе добычи природных ресурсов на Западе закончилась где-то в 60-е, а в России продолжалась вплоть до конца советской эпохи» (Будущее российской арктической урбанизации... 2021). Развитие российского севера значительно ускорилось в советский период (Стась 2016: 19–64; Калеменева 2019). С 1930-х гг. десятки населенных пунктов были построены практически с нуля. В 1926 г. на Крайнем Севере существовали 10 городов и один рабочий поселок, к 1933 г. их стало уже 14 и 27 соответственно (Крайний Север 1934: 8). А к 1960-м уже насчитывалось более 600 различных индустриальных поселений¹. Активная урбанизация Тюменской области и исключительно ее северной части (Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов) начинается только в 1960-е гг. К моменту промышленной эксплуатации нефтегазовых месторождений (1965 г.) в Тюменской области было всего лишь четыре города, возникших в досоветский период: Тюмень (1586 г.), Тобольск (1587 г.), Ишим (1782 г.), Ялуторовск (1782 г.), и три, получившие городской статус в советское время: Салехард (бывший Обдорск, статус города получил в 1938 г.), Ханты-Мансийск (1950 г.), Заводоуковск (1960 г.). Возникновение городов и поселков в районах промышленного освоения обуславливалось вводом в разработку нефтегазовых месторождений. К 1989 г. на этой территории появилось 14 городов и 50 рабочих поселков (см. подробнее: Колева 2007; Колева, Стась, Шорохова 2013: 130, 135; Дашинамжилов 2018)).

Интенсивное ресурсное освоение советского Севера изначально моделировало жизненный цикл новых городов. Большинство из них должны были стать центрами предприятий горной промышленности и металлургии (в Мурманской области, Республике Коми и Красноярском крае) или освоения нефтяных и газовых месторождений (в Тюменской области). Жизнь преобладающего числа горожан должна была также выстраиваться вокруг профильных предприятий. Таким образом, северная урбанизация шла по пути формирования монопрофильных поселений.

Формирование структуры населения в новообразованных городах и поселках повторяло логику заселения городов, возникших в период раннесоветской индустриализации (рубеж 1920–1930-х гг.). В обоих случаях населенным пунктам присуща миграционная активность жителей, текучесть рабочих кадров и преобладание жителей молодого и среднего возраста (до 50–55 лет). Но если в 1920–1930-е гг. государство справлялось с этой ситуацией принудительными мерами – через «самозакрепление» и введение института прописки для добровольных переселенцев или принудительным переселением «спецпоселенцев» и репрессированных (Меерович, Конышева, Хмельницкий 2011: 74–99),

то в позднем СССР использовалось экономическое, материальное и социальное стимулирование – повышенная зарплата, льготный отпуск, ранний выход на пенсию (Куцев 1989: 34, 94). И до сих пор особенностью городского населения новых северных городов является незначительное число старожилов и многопоколенных семей. Поэтому решающее влияние на формирование локальной памяти (а через нее и городской идентичности) оказывает градообразующее или монопрофильное производство.

Специфика городской идентичности жителей моногородов, в том числе северных, становится предметом исследования и теоретических споров. На это указывает М.Г. Агапов, выступающий против использования термина «моногорожанин». Он вводит понятие «градообразующая профессионально-отраслевая группа» (Агапов 2021: 145). Статья М.Г. Агапова строится на анализе имиджинрига² современного нефтяного города на примере Когалыма (Ханты-Мансийский округ), являющегося штаб-квартирой или холдинговой столицей (так предлагает обозначать города, в которых находятся головные компании нефтяных холдингов, О.Г. Колосова (2011: 215)) нефтяной компании «ЛУКОЙЛ». На мой взгляд, автор, рассматривая оппозицию «нефтяников-производственников» и «жителей города», упускает важный момент, касающийся *до-городской истории*³ и ее включенности или исключенности при конструировании образа нефтяного города. В истории моногородов то, что происходило до промышленного освоения территории, нередко остается «за кадром» или, в лучшем случае, попадает в экспозицию городского музея. Поэтому для городской идентичности естественным становится фокус на доминирующей группе: «главное там нефть, а уже остальные люди – вспомогательные профессии» (Инт. 1). Соответственно, и точка отсчета жизни города начинается с момента открытия и промышленной разработки месторождений. Как это происходило, можно увидеть на примере городов Западной Сибири. В 1985 г. в Тюменской области появилось три новых города: Лангепас, Радужный и Нягань, ставших базами освоения Локосовского, Варьеганского и Краснотинской группы месторождений нефти (Стась 2016: 151). Но эти города возникли не на пустом месте, до своего преобразования они были рабочими поселками, основанными в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Однако в публичной риторике возраст молодых нефтяных городов отсчитывается с момента присвоения им городского статуса и, соответственно, отличается от фактического возраста населенного пункта в меньшую сторону⁴.

В этой статье я предлагаю сосредоточиться на конструировании догородской истории и воспроизводстве исторической памяти в нефтяных городах Западной Сибири. Кейсом для анализа выбран г. Когалым, который является типичным позднесоветским монопрофильным городом, основанным для нужд ресурсного производства. Датой основания насе-

ленного пункта считается 1976 г., когда появляется железнодорожная станция Когалымская на линии Сургут – Коротчаево (Уренгой). В 1985 г. поселок при станции получает статус города и становится центром освоения Повховского, Ватьёганского, Тевлинско-Русскинского нефтяных месторождений. В 1978 г. здесь начинает работу НГДУ «Повхнефть», а в 1988 г. – «Когалымнефтегаз». В 1991 г. зарегистрирован государственный концерн «ЛУКОЙЛ», название которого состоит из первых букв городов, в которых расположены нефтедобывающие предприятия: Лангепас, Урай и Когалым⁵.

В основу анализа положены мои полевые материалы, собранные в 2017 и 2018 гг.⁶, дополненные рядом интервью с бывшими когалымчанами, которые жили в городе в 1980 – начале 2000-х гг., а сейчас живут в Санкт-Петербурге и Тюмени. Ключевой вопрос, который предлагается к обсуждению – в каком виде присутствует «до-нефтяная» (догородская) история в публичной памяти Когалыма, кто является ее основными акторами и насколько успешны их действия по включению этого нарратива в культурную память города?

Теория коллективной памяти Я. Ассманна является наиболее продуктивной при анализе материальных следов и воспоминаний. Особенно важно различие между «миметической памятью», «памятью объектов», т.е. материальным окружением социального мира, «коммуникативной памятью», передаваемой через три-четыре поколения при помощи прямого и непосредственного общения, и наконец, «культурной памятью», формирующейся посредством ритуальных практик и «твердых» объектов репрезентации, таких как мемориалы, памятники, культурные ценности и пр. (Ассманн 2004; Assmann 2008: 109–118).

Как соотносятся эти разновидности памяти в случае Когалыма – города с нестабильным населением и явной «нефтяной» идентичностью? Есть ли здесь место для межпоколенной коммуникативной памяти или полностью доминирует культурная? И каким образом в местный мемориальный ландшафт вписывается до-городское прошлое?

Первые годы: от поселка к городу, от строителей к нефтяникам

История Когалыма начинается со строительства железнодорожной ветки между Сургутом и Уренгоем в 1976 г. Первые строители-железнодорожники установили палаточный лагерь, а потом построили временный поселок СМП-524. В августе 1976 г. поселок получает постоянный статус и название Когалымский⁷: «Вновь возникшему населенному пункту управления “Тюменьстройпуть” присвоить наименование – поселок СМП № 524 – Когалымский Тром-Аганского сельсовета» (Из решения исполнительного комитета...). Нефтяники приходят сюда немного позже. Для разработки нефтяного месторождения, от-

крытого еще в 1972 г., в 1978 г. создается нефтегазодобывающее управление «Повхнефть». Строительство города начинается в 1980 г., и связано с изменениями в концепции градостроительного освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Нефтяные ведомства выступали за появление такой системы расселения, которая смогла бы приблизить жилье к месторождениям или к объектам межпромыслового обслуживания (Стась 2016: 143–148). Для поселка Когалымский это означало расширение жилищного строительства и увеличение населения:

Изначально, вероятно, предполагалось, что город будет расти на базе поселка, потому что после этих палаток постепенно стали строиться дома, а потом появлялись эти финские сборные домики и так далее. Потом приезжали строители, которые жили тоже там в своих поселках отдельно. <...> И, собственно говоря, как бы это вот был центр жизни и потом, когда город стали строить на некотором отдалении – это вызывало удивление, почему он далеко, почему он не на базе поселка (Инт. 5).

Строительство будущего города началось в семи километрах от поселка на правом берегу р. Ингу-Ягун (рис 1)⁸.

Рис 1. План-схема Когалыма. 1983 г.
(ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6860. Л. 65)

До сих пор в речи жителей Когалыма при обращении к прошлому

встречается противопоставление *города* и *поселка*:

А он постоянно был поселок, это поселковая часть и городская часть, левобережье и правобережье. Это все с момента начала строительства города. <...> А когда заселились-то мы – понятно, что все. Есть левобережная часть – это поселок. И есть правобережная часть – это город. Вот две части (Инт. 2).

Мы, естественно, в поселке жили. У нас делится город на поселок и на город, в городе всего два дома стояло. Две пятиэтажки. И магазин «Уралочка». И все (Инт. 3).

Для горожан поселком могло маркироваться и все левобережье, и поселок рядом с железнодорожной станцией («где начинался город»), и поселок с капитальным строительством, построенный спустя несколько лет в нескольких километрах от станции:

Поселком мы называем эту левобережную часть. <...> Там начинался город, был поселок, и все его так и зовут в простонародье «поселок». И там было ветхое жилье. Постоянный поселок – там сразу построили каменное [жилье]. И он уже был «постоянный поселок» (Инт. 4).

В 1980-е гг. рядом, также на левом берегу Ингу-Ягуна, появились еще два поселка: Прибалтийских строителей (ДСУ-12)⁹ и Фестивальный. Новый город начал быстро заселяться, хотя и не пользовался популярностью в первое время:

Вот первые дома, когда строили... Наши знакомые, они не хотели переезжать [из поселка]. Они как-то не очень хотели ехать. Потому что там был [только] один дом, потом второй дом. А потом, конечно, город – это уже хорошо считалось, это уже все хотели (Инт. 5).

На нежелание переезжать из поселка влияло отсутствие благоустройства. Незрелость социальной инфраструктуры была заметной проблемой в северных городах. Об этом писали еще советские социологи (Куцев 1989: 42–57). За развитие и благоустройство Когалыма как ведомственного «нефтяного» города отвечал один заказчик – управление «Повхнефть», а генеральным застройщиком выступал трест «Когалымнефтегазстрой» (Петрушин 2015: 103). Исключительное присутствие нефтяников в городе, с одной стороны, позволило застраивать его по единому генплану, что создало архитектурный образ, но с другой – оказало влияние на формирование социально-профессиональной стратификации горожан, на их группность (согласно М.Г. Агапову). Смена профессиональной специализации была заметна и на вербальном уровне: «Появились новые организации, звучали слова “нефть”, “нефтяник”, “буровик”, “нефтедобыча”, “КС”, “ДНС”, “куст”, “СМУ”, “ПУБР”, “СУМР”...» (Воспоминания Т.Г. Гавриловой).

Слова информантки, переехавшей в Когалым в 1985 г. по предложе-

нию отца-геофизика, работавшего в нефтяном производстве, дают возможность понять, как выстраивалось разделение:

Ну, мы поселков-то и не видели, собственно <...>. Вы знаете, наверное, о том, что он строился, и это была принципиальная позиция о том, что в самом городе не строить этих временных балков, временных каких-то поселений для строителей. Все это было вынесено на левобережную часть, и, соответственно, там это происходило. Я долго называла левобережную часть деревней, потому что вообще не знала, что есть такое слово «поселок». Огромное количество всевозможных аббревиатур, которые мне ни о чем, естественно, не говорили. ДСУ, СМП – что это вообще? <...>А у меня понятия «посёлок» вообще не было. Была деревня. Но это вот был поселок, да (Инт. 6).

К середине 1980-х гг. город уже во многом воспринимался как город нефтяников. Об этом было сказано на первой сессии городского совета народных депутатов (30 августа 1985 г.): «Ведущей отраслью Когалыма является нефтегазодобывающая промышленность. На его территории дислоцируются более 60 предприятий и организаций» (Когалыму – 35 2020). Спустя год тюменские социологи подтверждают нефтяную принадлежность Когалыма – это «монофункциональный город нефтедобывающего профиля, существующий на основе базовых предприятий, с тенденцией к быстрому качественному росту населения исключительно за счет миграции» (ГБУТО ГАТО. Ф. 2124. Оп. 1-1. Д. 285).

В настоящее время для жителей Когалыма, социализация которых пришлась на конец 1990-х – начало 2000-х гг., история города – это история «ЛУКОЙЛа»: «Этот город же был под началом ЛУКОЙЛа, и все считают, что когда он начал действительно быть, это день становления именно вот этой компании. Потому что даже ЛУК – это Лангепас, Урай, Когалым, все на этом завязывалось у нас» (Инт. 10).

Нефтяной расцвет города оказывается более значимым и заметным для рассказа о прошлом, даже дату получения городского статуса относят к началу 1990-х гг.: «Дата основания, по-моему, год 90-й или 91-й и там сначала была станция железнодорожная. А потом уже начал расти [город], видимо» (Инт. 8).

Материальные следы памяти: нефть и(или) первопроходцы

Первый и бессменный председатель общества «Первопроходцы Когалыма» Т.Г. Гаврилова любое свое выступление начинает с утверждения первенства «десанта строителей железнодорожной трассы»: «Стало уже привычным отсчитывать возраст Когалыма с августа 1985 года, когда ему был присвоен статус города. Но его история началась с марта 1976 года, когда на крошечную площадку бескрайнего белого безмолвия древней хантыйской земли приземлился вертолет, прилетевший с целью “привязки станции Коголымской к местности” <...> С вертолёт-

чиками прилетели и первые работники строительно-монтажного поезда № 524 треста “Тюменьстройпуть”. То есть то, что история нашего города началась 40 лет тому назад, является непререкаемым историческим фактом» (подчеркнуто мною. – В.К.) (Гаврилова 2018: 3).

Но уже в середине 1980-х и особенно с начала 1990-х гг. со стороны «Когалымнефтегаза» и «ЛУКОЙЛа» как его преемника складывается патерналистское отношение к городскому пространству и самим когалымчанам. Подобное отношение градообразующего ведомства к горожанам было характерно для позднесоветского времени, о чем пишет применительно к пермским нефтяным городам Д. Роджерс (2021: 114–120).

Девяностые годы были сложным периодом для горожан, работавших вне нефтяной сферы. Именно тогда разделение на нефтяников и не-нефтяников стало наиболее заметным. Это проявлялось в «социальном неравенстве между бюджетниками и нефтяниками» (Инт. 7): разница в зарплате («я вот работала директором вечерней школы. <...> Мои ученики получали 500–600 рублей, а у меня 102 рубля» (Инт. 2)), в снабжении («у нефтяников все равно были какие-то свои каналы по получению продуктов и так далее» (Инт. 7)) и др.

В начале 1990-х гг. городскую администрацию возглавил выходец из «Когалымнефтегаза» А. Гаврин. «Над Когалымом раскрылся “социальный зонтик” Когалымнефтегаза. В основу нового постсоветского “общественного договора” когалымчан был положен принцип: социальные программы “нефтяников” в обмен на лояльность “горожан” (“бюджетников”))» (Агапов 2021: 156). Действительно, по воспоминаниям жителей о том периоде, «вся эта кампания 90-х, она пролетела мимо нас. Мы строили город, мы были в таком кайфе, мы в таком развитии были. Тут были такие деньжищи, которые позволяли реализовывать любые мечты» (Инт. 6).

Неудивительно, что городское пространство постепенно маркировалось нефтяной (а часто и Лукойловской) тематикой. Это заметно в топонимике Когалыма. «Инт.: В Когалыме нет улицы Ленина. Инф.: Да. У нас больше про нефть» (Инт. 8). В городе только две улицы названы в честь известных персон, и это нефтяники. Самая первая городская улица была названа именем Степана Повха (одного из первооткрывателей самотлорской нефти, в честь которого было названо месторождение, разрабатываемое НГДУ «Повхнефть»). Рядом проходит проспект Шмидта (в честь В.Г. Шмидта, генерального директора «Когалымнефтегаза» в 1990–1993 гг.). Память о первопроходцах в городской топонимике считается не так прямо. Можно утверждать, что в честь строителей города были названы центральные улицы: Дружбы народов, Ленинградская, Прибалтийская, Градостроителей. Следы первопроходцев остались в названиях – Пионерная, Новоселов, Романтиков, Комсомольская – на территории поселка Пионерный (бывший Когалымский).

Свое присутствие в городе нефтяники закрепляли не только в городской топонимике, но и в информационном пространстве, создав газету «Нефтяник Когалыма» (первый номер вышел в мае 1990 г.). До этого в городе издавалась общегородская газета «Когалымский рабочий», (1986–1998 гг.). В 1998 г. «Нефтяник Когалыма» и «Когалымский рабочий» были объединены в единое издание – «Когалымские вести»:

Несколько газет у нас было в городе. Сейчас «Когалымский вестник», а сначала был «Когалымский рабочий», потом «Когалымские вести», потом «Когалымский вестник». Ну, и «Нефтяник Когалыма» был – это уже нефтяники. Его в «Нефтяники Западной Сибири» потом переименовали. То есть вот как бы газета городская – «Когалымский рабочий» и так далее. А это – нефтяники. <...> Сначала он был «Нефтяник Когалыма», а сейчас «Нефтяник Западной Сибири»¹⁰. <...> Сейчас изменили, там [информация про] три города, все эти три – Урай, Лангепас и Когалым. <...> Раньше только Когалым, там вся информация была» (Инт. 5).

Из материальных следов наиболее заметными являются городские памятники, среди которых выполненные в стиле нефтэстетики¹¹ заметно преобладают над прочими монументальными группами. Среди них только один обращен ко всем «первооткрывателям когалымской нефти, первопроходцам Тюменского Севера» – «Слава труду» (рис. 2). Большинство других: «Капля жизни» (чаще называемая «Капля нефти») (рис. 3); стела Пламя; «После вахты»; памятник героям-нефтяникам, участникам освоения Западной Сибири (рис. 4); Архитектурная форма, посвященная 25-летию «ЛУКОЙЛа» – имеют однозначно считываемую коннотацию (Достопримечательности Когалыма...):

Вот наша Капля знаменитая. <...> Вот это для меня клевый памятник. При том что это нефтяники, и капля нефти, но там же совмещены и народы северные – ханты, и семьи, и нефть. Вот это то, к чему нужно стремиться городу. Нефть нефтью, а помимо нефти есть еще что-то (Инт. 8).

Первопроходцы сумели добиться установки памятного камня на месте высадки десанта (рис. 5). В камень заложена капсула с обращением к потомкам и списком первопроходцев, начинавших строить город:

Мы планируем, конечно, стелу поставить, уже камню хватит стоять – он пять лет простоял, с 12-го года стоит <...> Долго мучились и долго искали, как это сделать. Потом в 12-м году началась проектная деятельность, и наш первый проект был – памятный знак. И все, и нам его поставили. <...> Звонит ХХ из администрации. «NN, вот мы такой-то камень нашли, вот, пойдет ли он вам?» Я говорю: «Ну, вы какой нашли – такой нашли, не закливайте на этом, какой он из себя. Табличку мне сделает мой ученик. А камень ставьте. А какой будет камень, такой и ставьте, потому что он не вечный. Это закладной камень. Нам самое главное – обозначить место, где стояли палатки, чтоб никто не забывал, что начался город с палаток. Вот это важно для нас» (Инт. 2).

Рис. 2. Памятник «Слава труду». Фото В. Ключевой. 2017 г.

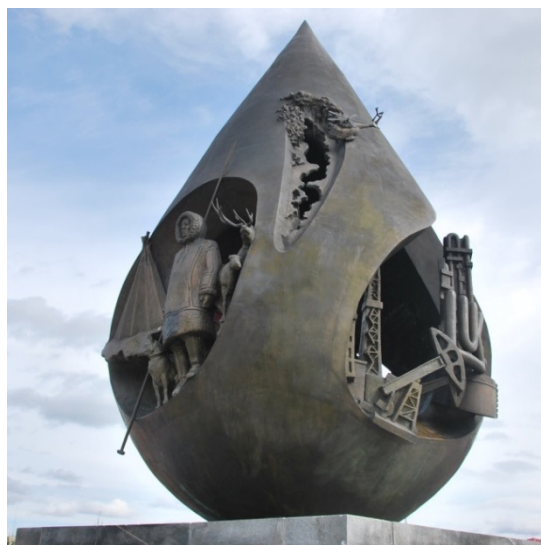

Рис. 3. Памятник «Капля жизни». Фото В.Ключевой. 2017 г.

Рис. 4. Памятник героям-нефтяникам, участникам освоения Западной Сибири.
Фото В. Ключевой. 2018 г.

Рис. 5. Памятный камень первопроходцев после открытия Дня города.
Фото В. Ключевой, 2017 г.

Однако из-за того, что сам камень был подобран и установлен при поддержке городской администрации, активистами-первопроходцами он воспринимается как нечто навязанное «сверху», то, что им приходится принимать за неимением ничего лучшего:

Все-таки мы с Т.Г. [хотели бы] там не только камень поставить, а все-таки какую-то стелу, чтобы она все-таки была... Знаете, может, если б мы вложились в камень... А это просто нам привезли, подарили, поставили. Да, мы любим, мы ухаживаем. Но такого, сказать, чтобы к душе лег – нет (Инт. 4).

В 2014 г. почти напротив камня был установлен памятник героям-нефтяникам, участникам освоения Западной Сибири (см. рис. 4). Горожане, участники коммеморативных практик, восприняли установку этого памятника как очередное подтверждение «нефтяной» доминанты города:

Инф.: Традиционно у нас, значит, у нас есть памятное место именно первопроходцев <...> мы разбивали палатку там, чаи, они приходили, рассказывали, с чего всё начиналось, и мы погружались в эту атмосферу праздника, начала этого всего. Потом вот Алекперов поставил другое место свое – вот этот наш, который факел горит. Такой, спорный политический момент... Инт.: А в чем спорный момент? Инф.: Ну, вот они захотели увековечить, наверно, больше работу нефтяникам своим, и они этот памятник поставили, как именно символ людей, которые добывали нефть. А там (т.е. у закладного камня. – В.К.) – это когда прибыл первый поезд» (Инт. 9).

М.Г. Агапов, подробно разобравший визуальную оппозицию присутствия нефтяников и не-нефтяников в Когалыме, считает, что в этом случае нет прямого противостояния памятных знаков. В одном случае присутствует привязка к историческому месту (памятный камень), в другом – к ландшафту (памятник героям-нефтяникам). Одновременно с этим он делает вывод, что «противопоставление памятных знаков первопроходцев и нефтяников символизирует конфликт первопроходческого и нефтяного нарративов, выражающих разный жизненный опыт» (Агапов 2021: 164–165).

Конфликт коммеморативных практик продолжается. В 2021 г. в рамках муниципальной программы «Формирование комфортной городской среды в городе Когалыме» предполагалось заложить сквер им. В. Грайфера (в честь председателя совета директоров «ЛУКОЙЛа») и выполнить проект «Создание исторического сквера на месте посадки первого десанта строителей ж/д Сургут–Уренгой». В сентябре 2021 г. сквер был торжественно открыт губернатором области Н. Комаровой и президентом ПАО «ЛУКОЙЛ» В. Аликперовым. Одновременно с этим создание исторического сквера было отложено из-за отсутствия финансирования. Сквер им. В. Грайфера в СМИ представлен как сквер нефтяников и предполагает сохранение памяти только о представите-

лях нефтяной отрасли. Первопроходцы воспринимают сложившуюся ситуацию как очередное подтверждение противопоставления представителей градообразующей отрасли и остальных жителей города.

Где хранится память: акторы и акции

Сохранение до-городской памяти – это, прежде всего, низовая инициатива, реализуемая обществом «Первопроходцы Когалыма»¹². Возникновение организации в 2001 г. связано с желанием работников, работавших в СМП-524, отметить юбилей своего появления на «хантыйской земле». К этому времени СМП уже перестал существовать, поэтому инициаторы решили зарегистрировать общественную организацию:

А когда мы-то создавали организацию, это 25 лет прошло уже, уже статус город получили. Поэтому музей уже здесь был, и мы в музее-то и собирались распланировать, как мы будем праздновать это 25-летие, потому что если раньше эти годовщины высадки праздновало СМП-524 (строительно-монтажный поезд 524) – это основное, головное предприятие, которое, собственно, и строило, и которое начинало все, если разобраться (Инт. 2).

Тогда же первопроходцы стали активно продвигать дату 15 марта как знаковый день для города – «день высадки первого десанта»:

Инф.: Это наш праздник. Город его отмечает по нашей просьбе. Инт.: То есть он, если бы не Вы и не организация, то его, скорее всего, не было? Инф.: Никто бы и не знал бы, и никто бы и не думал про это (Инт. 2).

К настоящему времени «Первопроходцы Когалыма» уже включены в публичную повестку. Председатель организации является непрямым участником большинства городских мероприятий. Открытие Дня города (в первое воскресенье сентября) начинается около памятного знака с речей представителя администрации Когалыма. Однако около камня собираются, в основном, сами первопроходцы и члены их семей:

Инт.: Он действительно собирает только первопроходцев, потомков первопроходцев? Инф.: Да, там нефтяники не присутствуют. Нефтяники относятся к этому довольно презрительно – я даже так скажу. Был такой момент, когда она (председатель организации Т.Г. Гаврилова. – В.К.), по-моему, даже не выигрывала гранты свои, потому что они там совершенно четко смотрят на это все, будто она вообще мешается им под ногами, будто она мешает им строить [город] (Инт. 6).

При этом первопроходцы не отрицают «нефтяного» основания города:

Из-за чего город появился? Из-за чего железная дорога появилась, прежде всего? Из-за того, что нужно было нефтяникам везти оборудование. <...> И благодаря этой железной дороге вот приехали прибалты, начали строить город. Все – город появился, это город нефтяников, город строителей, естественно. <...> еще города-то не было, а нефть уже шла (Инт. 2).

Если для первопроходцев сохранение памяти – это попытка сохранить личную историю и сделать ее частью своеобразного так называемого «городского кода», то для городского краеведческого музея – это одно из традиционных направлений работы.

Музей в городе начал создаваться на рубеже 1980–1990-х гг. Инициатором его создания выступил «Когалымнефтегаз»:

Инф.: А вообще история музея городского краеведческого в Когалыме, она начинается с восемьдесят девятого года. Там возникла идея сделать музей, который отражал бы деятельность «Когалымнефтегаза». Это градообразующее [предприятие]. <...> Инт.: То есть [создать] ведомственный музей? Инф.: Нет, <...> но чтобы в музее отражалась история «Когалымнефтегаза» и нефтяников. <...> Вот в «Когалымнефтегазе» тогда был небольшой какой-то свой музейчик, там внутри, небольшая такая комната славы. Вот и они выступили с инициативой «Когалымнефтегаз», партийная организация Когалыма городская, выступили с инициативой организовать [городской] музей (Инт. 7).

Можно говорить о преемственности покровительства градообразующего предприятия, так как современный музейно-выставочный центр существует под патронажем «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь». В пресс-релизе на официальном сайте музея прямо указывается: «Музейно-выставочный центр является подарком городу и горожанам от ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь»» (Пресс-релиз). Хотя из текста не очень понятно, что именно является подарком горожанам – здание или его внутреннее наполнение. Но судя по тому, что куратором проекта являлась руководитель центра по информационному обеспечению и связям с общественностью ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь Виктория Некрасова (Пресс-релиз), речь идет не только о здании.

Одним из направлений деятельности музея с самого начала его существования становится коммеморация до-городской истории. Это было легко осуществимо, поскольку в момент открытия музея большинство первостроителей жили в Когалыме. Комплектование включало в себя не только сбор устных историй, но и фотографий, предметов быта и пр.:

Второе направление было у нас связано с историей Когалыма как населенного пункта и с историей людей, которые участвовали, вложили свой труд в появление Когалыма и всей инфраструктуры, которая вокруг него есть. Ну и, соответственно, первой задачей было выявить имена тех, кто строил ещё железную дорогу и, собственно говоря, являлся основателем поселка, который возле Когалыма, где они первоначально проживали. Естественно, что тогда в восемьдесят девятом году фамилии этих людей хорошо помнили, но нам называли, к кому лучше обратиться. <...> Да, они жили еще там и с большой охотой делились впечатлениями, которые у них были. Это были самые первые строители железной дороги и строители поселка (Инт. 7).

Сейчас часть собранной коллекции представлена в музейной экспозиции (рис. 6):

[Мы] формировали коллекции, то есть договаривались, чтобы нам отдали какие-то предметы, которые были связаны с первым десантом, с самыми первыми поселенцами. И нам помню, тогда отдали предметы, которые были в столовой, то есть черпаки, ложки, еще что-то. И, по-моему, теперь в музее этот быт строителей железной дороги [представлен]. <...> Вот часть предметов вошла в эту экспозицию» (Инт. 7).

Рис. 6. Экспозиция в музейно-выставочном центре Когалыма «Палатка первопроходцев». Фото В. Ключевой. 2017 г.

В начале 2000-х гг. к сбору воспоминаний активно подключаются «Первопроходцы Когалыма». Именно по их инициативе начинают выпускаться памятные буклеты и хронографы, сборники воспоминаний. В 2021 г. музей на своем сайте объявил конкурс личных историй «Мой Когалым». Целью конкурса заявлено создание информационной базы данных по истории и культуре Когалыма, основанной на личных историях проживающих в нем людей (Положение о проведении конкурса...).

Кроме «Первопроходцев Когалыма» и городского музея, которые напрямую работают с сохранением и репрезентацией памяти, необходимо упомянуть «косвенных игроков» – акторов, которые, казалось бы, напрямую этим не занимаются, но также вносят свой вклад в коммеморацию. Прежде всего, это городские СМИ (газеты «Когалымский вестник» и «Нефтяник Западной Сибири») и архивный отдел администрации города Когалыма, в котором собраны коллекции документов, посвященных начальному этапу развития города. Для них поводом для обращения к до-городской истории становятся юбилейные даты или празднования Дня города. В марте 2016 г. архивный отдел организовал выставку «И город, и судьбы...», посвященную 40-летию высадки первого десанта на когалымскую землю. В этом же году «Нефтяник Западной Сибири» опубликовал статью на первой полосе: «Задержка на станции Когалымская» (Автономова 2016: 1, 5). В 2019 г. репортаж со

Дня города включал сюжет о встрече первопроходцев у Камня Памяти. При этом в статье одновременно сосуществуют даты получения городского статуса города и высадки трудового десанта. «В этом году Когалыму исполнилось 34 года. <...> Стоит отметить, что весной 2019 года исполнилось 43 года со дня высадки первого трудового десанта на когалымскую землю» (Миронова, Калугина 2019: 3).

Своеобразной популяризацией начального этапа жизни города являются праздничные мероприятия, такие как, к примеру, «концерт, посвященный 45-летию высадки десанта первостроителей железной дороги “Сургут – Уренгой”» (Планида 2021: 3). По рассказам участников подобных праздничных мероприятий, в них регулярно включались музыкально-танцевальные композиции, связанные с историей города и нефтяной тематикой:

Где-то есть эти люди, вот этот десант трудовой, который мы вечно изображаем в своих прекрасных постановках. Которые жили в палатках. У нас эту тему очень любят показывать, как пришли сюда первопроходцы. Поэтому эту тему я знаю исключительно по постановкам (Инт. 3).

Инф.: Мы выступали [в начале 2000-х], нам шили специальную форму лужковскую. Мы выступали на этих днях нефтяников. Инт.: Вы изображали маленьких нефтяников? Инф. И качалки эти танцевали. Что мы только не танцевали. И нефть из черной ткани [делали]... (Инт. 10).

Вероятно, информанты вспоминают о театрализованных мероприятиях «Семидесятым гимн слагаю я годам!», посвященного 30-летию Повховской нефти (2008–2009 гг.), и «Дорога, которой нет...», посвященного 35-летию первостроителей железной дороги Сургут–Уренгой (2011 г.).

Ретро-тема как романтическое прошлое активно эксплуатируется на городских праздниках:

Нам немножечко уже дурно от этого, но чем дальше, тем больше к этому возвращаемся, почему? Потому, что юбилеи вот эти празднуются, и все возвращается к воспоминаниям этого ретро. И вот, получается, что мы, значит, мюзикл уже поставили свой здесь, то есть, и с палаткой, такой, как мы приезжали, как мы покоряли, как мы вот осваивали... (Инт. 9).

Как видим, постепенно первые годы Когалыма включаются в общегородской исторический нарратив, и более того – происходит их мифологизация с обязательными элементами романтизации, героизации трудового подвига и преодоления трудностей.

Заключение

Для локаций с постоянной ротацией населения из-за невозможности формирования устойчивой коммуникативной памяти основной формой

передачи знания о прошлом становится культурная память. Важную роль в этом играют акторы памяти и их возможность/потребность включать воспоминания в городское публичное пространство и городской текст. Для наиболее активных акторов коммеморация до-городской истории осуществляется с разной степенью интенсивности. Если для участников общества «Первопроходцы Когалыма» рассказ о 1970–1980-х гг. становится основным пунктом деятельности, то для городского музея – это одно из исследовательских направлений, которое может быть выигрышно представлено в экспозиции, наряду с этнографической составляющей. Главным актором памяти остается организация «Первопроходцы Когалыма», но ее деятельность во многом зависит от активности председателя:

Только по каким-то причинам выедет Гаврилова из города, это вообще все будет потеряно, погибнет, абсолютно точно, потому что нет ни во властных структурах, ни в администрации города [заинтересованности]. Те люди, которые обязаны хранить эту культуру, эту память историческую <...> в основном, заняты досуговыми мероприятиями» (Инт. 6).

Память о до-городской истории Когалыма в настоящее время сочетает коммуникативную и материальную память. Есть памятники, которые маркируют территорию, существует музейная экспозиция, проводятся разнообразные мероприятия. Такие следы памяти требуют активного участия от горожан: необходимости прийти в музей или к закладному камню. Следов такой активности в собранных интервью не обнаруживается. Информантка, живущая сейчас в Санкт-Петербурге, признавалась:

Вот если обо мне сказать – да, я не интересовалась историей. Просто вот... я не знаю, как на ладони [все видно]. Приехали, поставили вагончики, отсыпали дороги, это все видно <...> Вот про Сургут можно многое узнать. Потому что там 400 лет и больше. А тут, ну сколько? <...> 30 с хвостиком. Какая история может быть? Она еще только начинается. Если успеет продолжиться – успеет, если нефть будет (Инт. 1).

Как видим, для нее история возникает только на длительном хронологическом периоде.

Более того, знания отрывочны не только о городе, но и самом крае (Ханты-Мансийском округе или Сибири), где он находится. Работница культурной сферы Когалыма констатировала:

К моему стыду, я ничего не знаю о крае. <...> Ханты – да, у нас есть прекрасные, вот Вера Кондратьева из Югры, которая представляет Югру везде и повсюду. Потому что она коренной житель. Она сама по национальности хантычка. А мы – нет. И я поняла, что я не знаю ничего о том месте, где я выросла. Я там не родилась, но я там выросла. И реально как о месте, как о крае, помимо нефтяной сферы, я ничего не знаю практически (Инт. 3).

Часть моих несостоявшихся информантов, особенно родившихся в начале 1990-х гг., обосновывали отказ от интервью тем, что они не воспринимали Когалым как место, где может случиться что-то интересное. Именно так объяснила свое нежелание участвовать в интервью бывшая когалымчанка: «И задала себе вопрос: что бы я могла рассказать? Про то, как была под крылом у родителей, т.к. в школе училась и они меня опекали? Городом я не интересовалась. Зачем мне он? Главное, чтобы были родители, близкие и друзья» (Из личной переписки с автором). Другая информантка, искренне желая помочь с интервью, объясняла:

Я подозреваю, кто может знать про этот момент. Я не такой источник, который тебе хочется... Это взрослое поколение. Они точно знают про вот этих строителей. Это факт. <...> В моем [рассказе истории города] – нет, а папа бы тебе много рассказал (Инт. 10).

В семейной памяти история места (как городская история) почти отсутствует. Хотя события своей/родительской истории, связанные с приездом в Когалым, часто известны информантам. Они могут рассказать, по каким причинам и когда их родители или они сами приехали в город. Но эти знания не вписаны в исторический контекст и не воспринимаются как часть городского прошлого. Прочитированная выше информантка на просьбу рассказать, что она знает о первых годах Когалыма, начала с отсылки к градообразующему предприятию: «этот город же был под началом ЛУКОЙЛ, и все считают, что когда он начал действительно быть, это день становления именно этой компании», затем констатировала: «В школе нам, я не скажу, что рассказывали про город». А на мою просьбу рассказать о родителях, которые жили в городе с конца 1980-х гг., смогла вспомнить отрывочные сведения никак не пересекающиеся с темой города: «Он где-то в конце 80-х как раз туда и приехал (в Когалым. – В.К.). Он работал на вездеходе, они прокладывали дороги. <...> Не в нефтяной компании он работал. По болотам ездил, всех местных знал, все эти места. И рассказывал мне, как они у хантов рыбу сырую ели, на катамаранах катались» (Инт. 10).

Этапы до-городской и городской истории иллюстрируют разные периоды в жизни Когалыма: какими мы были (с палаточным городком и неустроенным бытом строителей железной дороги) и какими мы стали (успешный город – «жемчужина Сибири»). Несмотря на существующий образ противостояния нефтяников и остальных жителей, острого конфликта в локальной памяти между сторонами нет. «ЛУКОЙЛ» признает первенство строителей как первых жителей поселка/будущего города. «ТПП [Когалымнефтегаз] располагается в городе Когалым (ХМАО-Югра), история которого началась 9 марта 1976 года с высадки на когалымскую землю десанта строителей, для прокладки железнодорожной магистрали, которые и поставили на берегу реки Ингу-Ягун

первые палатки» (Описание ТПП «Когалымнефтегаз»...). В коммеморативных практиках находится место юбилеям и чествованиям участников десанта 1976 г. Между тем начальные страницы истории Когалыма как будто остаются в тени последующей истории процветания. Это видно по интервью, в которых когалымчане весьма сдержанно говорят на эту тему. С чем это связано? Что мешает первому этапу локального прошлого занять более заметное место в коллективной памяти горожан, притом, что никаких видимых препятствий со стороны «ЛУКОЙЛа» нет? Можно предположить, что это обусловлено спецификой города, заключающейся в постоянной миграционной активности и преобладающей «нефтяной» специализации жителей. В городе не сформировано ядро постоянных жителей, которые могли бы репрезентировать эту историю не только в публичной риторике, но и на бытовом уровне в разговорах и воспоминаниях. Поэтому горожане, представляя событийный ряд развития Когалыма (через героическую работу первого десанта и прокладку первых дорог к комфортной современности), прежде всего, рассказывают о «нефтяном» периоде, который разворачивается здесь и сейчас.

Примечания

¹ Подробности урбанизационного освоения советского севера до 1960-х гг. подробно рассмотрены в диссертации Е. Калеменовой (2019: 40–83).

² Имиджиниринг (imageering) – избирательная манипуляция символическими ресурсами со стороны городских властей (Трубина 2013: 346–347, 508).

³ Под понятием «до-городская история» понимается период существования населенного пункта до получения им официального статуса города.

⁴ Добавим, что такая ситуация не всеми горожанами воспринимается как единственно верная. См.: например, дискуссию о возрасте Надыма (Гриценко 2016).

⁵ Приватизация в нефтяной сфере началась в 1992 г. В 1993 г. нефтяной концерн меняет форму собственности и становится акционерным обществом открытого типа «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»».

⁶ Собранные материалы этих экспедиций частично были использованы (Клюева, Чепайтене 2019; Агапов 2021; Šepaitienė, Kliueva 2021)

⁷ Сейчас этот поселок называется Пионерный.

⁸ Заказчиком по строительству было определено НГДУ «Повхнефть», а генеральным подрядчиком выступал трест «Самотлорнефтепромстрой».

⁹ Об истории этого поселка см. подробнее (Клюева, Чепайтене 2019).

¹⁰ Здесь моя информантка ошибается, так как региональная отраслевая газета «Нефтяник Западной Сибири» начала издаваться только в 2004 г. Однако ее ошибка достаточно символична, и свидетельствует о преобладании «нефтяных» газет в представлении когалымчан.

¹¹ Под нефтеэстетикой понимается культурный концепт, базирующийся на переосмыслении нефти как основы для творчества. Тема нефтеэстетики уже давно включена в исследовательское поле. См., например, апрельский номер за 2019 г. журнала «Неприкосновенный Запас», посвященный феноменологии нефти, а также (Орлова 2012; Kalinin 2015; Эткинд 2020; Клозе, Штайнингер 2021) и др.

¹² Подробнее о деятельности общества см. (Агапов 2021: 164–166).

Список сокращений

ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
СМП – строительно-монтажный поезд
НГДУ – нефтегазодобывающее управление
ДСУ – дорожно-строительное управление
ТПП – территориальное производственное предприятие

Список интервью

Инт. 1 – жен., пенсионерка, жила в Когалыме в 1990–2000-е гг.
Инт. 2 – жен., пенсионерка, живет в Когалыме с 1976 г.
Инт. 3 – групповое интервью, жительницы Когалыма в 1980–2000-е гг.
Инт. 4 – жен., экономист, живет в Когалыме с 1977 г.
Инт. 5 – жен., пенсионерка, живет в Когалыме с 1980-х гг.
Инт. 6 – жен., социальный работник, живет в Когалыме с 1985 г.
Инт. 7 – жен., научный сотрудник, жила в Когалыме в 1989–1991 гг.
Инт. 8 – жен., медик, жила в Когалыме в 1991–2008 гг.
Инт. 9 – жен., живет в Когалыме с 1986 г.
Инт. 10 – жен., дизайнер, жила в Когалыме в 1990–2008 гг.

Список источников

- Автономова Е. Задержка на станции Когалымская // Нефтяник Западной Сибири. 2016. 28 марта. С. 1, 5.
- Агапов М. «Здесь все нефтяники»: дискурсивно-символическое производство и оспаривание неравенства в северном моногороде // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 144–178.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Будущее российской арктической урбанизации. Интервью с Надеждой Замятиной. URL: <https://ion.ranepa.ru/news/budushchee-rossiyskoy-arkticheskoy-urbanizatsii-intervyu-s-nadezhdoy-zamyatinoiy/>
- Воспоминания Гавриловой Т.Г. // Официальный сайт музейно-выставочного центра. URL: <http://museumkogalym.ru/my-kogalym/memories/1769>
- Гаврилова Т.Г. От станции Когалымская до Жемчужины Западной Сибири // Хронограф продолжает действовать... 40 памятных лет города Когалыма. Когалым, 2018.
- ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6860. Л. 65. План-схема Когалыма. 1983.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО ГАТО). Ф. 2124. Оп. 1-1. Д. 285. Социальный паспорт Когалыма. 1987.
- Гриценко В.Н. К вопросу о реальном возрасте города Надьма // Научный вестник ЯНАО. Обдорья: история, культура, современность. 2016. № 3 (92). С. 77–82.
- Дашинажилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018.
- Достопримечательности Когалыма // Официальный сайт органов местного самоуправления г. Когалым. URL: <http://admkogalym.ru/city/dostoprimechatelnosti-kogalyma>
- Из решения исполнительного комитета Сургутского районного совета депутатов трудящихся от 31.08.1976. № 122, № 123 // Календарь памятных дат города Когалыма на 2021 год. URL: http://admkogalym.ru/upload/medialibrary/226/12_vn_2_21.pdf
- Калеменева Е.А. «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950–1960-е годы : дис. ... канд. ист. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Клозе А., Штайнинггер Б. Нефть. Атлас петромодерна. М.: Логос, 2021.

- Клюева В., Чапайтене Р. «Малая Литва» посреди больших тюменских болот: репрезентации, память, наследие // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 3 (46). С. 34–48.
- Когалыму – 35: Как развивался наш город // Когалымский вестник. 2020. 25 сент. № 75. С. 5.
- Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2007. № 1. С. 237–243.
- Колева Г.Ю., Стась И.Н., Шорохова И.И. Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.
- Колосова О.Г. Особенности регулирования трудовых отношений на Севере // Проблемы современной экономики. 2011. № 3. С. 214–218.
- Крайний Север к 1934 г.: Сборник материалов по хозяйственному и культурному строительству. М.: Власть советов, 1934 (тип. ВЦИК).
- Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989.
- Меерович М.Г., Коньшова Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОСПЭН, 2011.
- Миронова Е. Калугина Е. Когалым отметил день рождения // Когалымский вестник. 2019. 30 авг. № 69. С. 3.
- Описание ТПП «Когалымнефтегаз» // Сайт ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь». URL: <https://zs.lukoil.ru/ru/About/Structure/Kogalymneftegaz>
- Орлова О.В. Нефть: дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта. Томск: ТомСувенир, 2012.
- Петрушин А.А. Пароль «Когалым». Тюмень: ОЛМА-ПРЕСС, 2015.
- Планида А. Юбилей высадки десанта первостроителей // Когалымский вестник. 2021. 28 мая. С. 3.
- Положение о проведении конкурса «Мой Когалым» // Официальный сайт музейно-выставочного центра. URL: <http://museumkogalym.ru/my-kogalym>
- Пресс-релиз // Официальный сайт музейно-выставочного центра. URL: <http://museumkogalym.ru/content/2>
- Роджерс Д. Недра России. Власть, нефть и культура после социализма. СПб.: Academic Studies Press/БиблиоРоссика, 2021.
- Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 – начало 1990-х гг.). Сургут: Дефис, 2016.
- Сценарий празднования 15-летия Когалыма, машинопись, 2000 // Из личного архива автора.
- Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства М.: НЛЮ, 2013.
- Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: НЛЮ, 2020.
- Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook / Astrid Erll, Ansgar Nünning (Hg.). Berlin; New York, 2008. P. 109–118.
- Čepaitienė R., Kliueva V. Baltic labour migration to the North of West Siberia in the late Soviet period // Journal of Baltic Studies. 2021. Vol. 52. DOI: 10.1080/01629778.2021.1918734
- Kalinin I. Petropoetics: The Oil Text in Post-Soviet Russia. Russian Literature since 1991. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

References

- Agapov M. (2021) “Zdes' vse neftjaniki”: diskursivno-simvolicheskoe proizvodstvo i ospari-vanie neravenstva v severnom monogorode [“Everybody Is an Oil-industry Worker Here”: Discursive-Symbolic Production and Contestation of Intra-city Inequality in a Northern Single-industry Town], *Antropologicheskij forum*, no 48, pp. 144–178.

- Assmann J. (2004) *Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen,]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Assmann J. (2008) Communicative and Cultural Memory. In: *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*, Astrid Erll, Ansgar Nünning (Hg.). Berlin, New York, pp. 109-118.
- Avtonomova E. (2016) Zaderzhka na stantsii Kogalymskaja [Delay at the station Kogalymskaya], *Neftianik Zapadnoi Sibiri*, 28 March, pp. 1, 5.
- Budushchee rossiiskoi arkticheskoi urbanizatsii. Interv'iu s Nadezhdoi Zamiatinoy [The future of the Russian Arctic urbanization. Interview with Nadezhda Zamiatina]. Available at: <https://ion.ranepa.ru/news/budushchee-rossiyskoy-arkticheskoy-urbanizatsii-intervyu-s-nadezhdoi-zamiatinoy/>
- Čepaitienė R., Kliueva V. (2021) Baltic labour migration to the North of West Siberia in the late Soviet period, *Journal of Baltic Studies*, no 52. DOI: 10.1080/01629778.2021.1918734
- Dashinamzhilov O.B. (2018) *Gorodskoe naselenie Zapadnoj Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The urban population of Western Siberia in the 1960s – 1980s: Historical and demographic research]. Novosibirsk: Nauka, Izd-vo SO RAN.
- Dostoprimechatel'nosti Kogalyma [Attractions of Kogalym]. *Official website of local authorities of Kogalym*. Available at: <http://admkogalym.ru/city/dostoprimechatel'nosti-kogalyma>
- Etkind A. (2020) *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The Nature of evil. Raw materials and the state]. Moscow: NLO.
- Gavrilova T.G. (2018) Ot stantsii Kogalymskaja do Zhemchuzhiny Zapadnoi Sibiri [From the station Kogalymskaya to the Pearl of Western Siberia]. In: *Khronograf prodolzhaet deistvovat'... 40 pamiatnykh let goroda Kogalyma* [The chronograph continues to operate ... 40 memorable years of the city of Kogalym]. Kogalym.
- GBUTO GATO. F. 814. Op. 1. D. 6860. L.65. Plan-skema Kogalyma [Plan-scheme of Kogalym]. 1983.
- Gricenko V.N. (2016) K voprosu o real'nom vozraste goroda Nadyma [On the question of the real age of the city of Nadym], *Nauchnyj vestnik YaNAO. Obdoriya: istorija, kul'tura, sovremennost'*, no. 3(92), pp. 77–82.
- Iz resheniia ispolnitel'nogo komiteta Surgutskogo raionnogo soveta deputatov trudiashchikhsia ot 31.08.1976 №122, №123 [From the decision of the Executive Committee of the Surgut District Council of Workers' Deputies, 31 August 1976, no. 122, 123]. In: *Kalendar' pamiatnykh dat goroda Kogalyma na 2021 god* [Calendar of memorable dates of the city of Kogalym for 2021]. Available at: http://admkogalym.ru/upload/medialibrary/226/12_vn_2_21.pdf
- Kalmeneva E.F. (2019) *“Povorot k cheloveku” v proektah i praktike urbanizatsii Krajnego Severa SSSR v 1950–1960-e gody* [The “Turn to a Human” in projects and practices of urbanization of the Soviet Far North in the 1950–1960s], PhD Dissertation. Moscow.
- Kalinin I. (2015) *Petropoetics: The Oil Text in Post-Soviet Russia. Russian Literature since 1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kliueva V., Čepaitienė R. (2019) “Malaya Litva” posredi bolshikh tiumenskikh bolot: reprezentatsii, pamyat, nasledie [“Little Lithuania” in the Middle of the Large Tyumen Swamps: Representations, Memory, Heritage], *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 3, pp. 34–48.
- Kloze A., Shtaininger B. (2021) *Neft'. Atlas petromoderna* [Oil. Atlas of Petromodern]. Moscow; Logos.
- Kogalymu - 35: Kak razvivalsia nash gorod [Kogalym – 35. How our city developed], *Kogalymskii vestnik*, 2020, 25 September, no. 75, pp. 5.
- Koleva G. Ju. (2007) Stroitel'stvo gorodov v rajonah novogo promyshlennogo osvoenija v 1960–1980-e gody [Construction of cities in areas of new industrial development in the

- 1960s–1980s], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities*, no. 1, pp. 237–243.
- Koleva G.Ju., Stas' I.N., Shorohova I.I. (2013) *Stanovlenie industrial'no-urbanisticheskogo obshchestva na territorii Tyumenskoj oblasti* [Formation of an industrial-urbanistic society in the Tyumen region]. Tyumen: TyumGNGU.
- Kolosova O.G. (2011) “Osobennosti regulirovaniya trudovykh otnosheniy na Severe” [Specific Features of Industrial Regulation in the North], *Problemy sovremennoy ekonomiki*, no. 3, pp. 214–218.
- Krainii sever k 1934 g.: *Sbornik materialov po khoz. i kul'turnomu stroitel'stvu* [The Far North by 1934: Collection of materials on economic and cultural development]. Moscow: Vlast' sovetov, 1934.
- Kutsev G.F. (1989) *Chelovek na Severe* [Man in the North]. Moscow: Politizdat.
- Meerovich M.G., Konysheva E.V., Khmel'nitskii D.S. (2011) *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naia politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [The Cemetery of sotsgorod: Urban Planning policy in the USSR (1928–1932)]. Moscow: ROSPEN.
- Mironova E., Kalugina E. (2019) Kogalym otmetil den' rozhdeniia [Kogalym celebrated its birthday], *Kogalymskii vestnik*, 30 August, no. 69, pp. 3.
- Opisanie TPP «Kogalymneftegaz» [Description of the territorial production enterprise “Kogalymneftegaz”]. LLC “LUKOIL-Western Siberia” website. Available at: <https://zs.lukoil.ru/ru/About/Structure/Kogalymneftegaz>
- Orlova O.V. (2012) *Neft': diskursivno-stilisticheskaia evoliutsiia mediakontsepta* [Oil: Discursive and stylistic evolution of the media concept.]. Tomsk: TomSuvenir.
- Petrushin A.A. (2015) *Parol' “Kogalym”* [Password “Kogalym”]. Tyumen: OLMAPRESS.
- Planida A. (2021) Iubilei vysadki desanta pervostroitelei [Anniversary of the landing of the pioneer builders], *Kogalymskii vestnik*, 28 May, pp. 3.
- Polozhenie o provedenii konkursa «Moi Kogalym» [Terms of the contest “My Kogalym”], *Official website of the museum and exhibition center of Kogalym*. Available at: <http://museumkogalym.ru/my-kogalym>
- Press-release. *Official website of the museum and exhibition center of Kogalym*. Available at: <http://museumkogalym.ru/content/2>
- Rogers D. (2021) *Nedra Rossii. Vlast', neft' i kul'tura posle socializma* [Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism]. St. Petersburg: Academic Studies Press/ BiblioRossika.
- Stas' I.N. (2016) *Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitel'noy politiki v Khanty-Mansiiskom okruge (1960-e – nachalo 1990-kh gg.)* [From Settlement to City and Back: The History of the Town-planning Policy in Khanty-Mansi Okrug (1960s – early 1990s)]. Surgut: Defis.
- State budgetary institution of the Tyumen region “State archive of the Tyumen region” (GBUTO GATO). F. 2124. Op. 1-1. D. 285. Sotsial'nyi pasport Kogalyma [Social passport of Kogalym]. 1987.
- Stsenarii prazdnovaniia 15-letii Kogalyma, mashinopis', 2000 [Script for celebrating the 15th anniversary of Kogalym, typescript, 2000], *From the author's personal archive*.
- Trubina E.G. (2013) *Gorod v teorii: opyty osmysleniia prostranstva* [The city in theory: experiences of understanding the space]. Moscow: NLO.
- Vospominaniia Gavrilovoi T.G. [Memories of T.G. Gavrilova]. *Official website of the museum and exhibition center of Kogalym*. Available at: <http://museumkogalym.ru/my-kogalym/memories/1769>

Сведения об авторе:

КЛЮЕВА Вера Павловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера, Тюменский научный центр СО РАН (Тюмень, Россия). E-mail: vormpk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vera P. Kliueva, Institute of the problems of Northern development, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vormpk@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 5 мая 2022 г.;
принята к публикации 15 июня 2022 г.*

*The article was submitted 05.05.2022;
accepted for publication 15.06.2022.*

ПАНДЕМИЯ И ОБЩЕСТВО

Original article

UDC 327

doi: 10.17223/2312461X/36/7

The Impact of the Coronavirus Crisis on the European Union: A Spatial Autocorrelation Analysis

Igor Y. Okunev¹,
Ekaterina Y. Arapova²,
Yulia A. Nikitina³

^{1, 2, 3} MGIMO-University, Moscow, Russian Federation
² e.arapova@my.mgimo.ru

Abstract. The authors approach COVID-19 as a perfect stress test for revealing integration connectivity within the European Union. The current crisis has challenged the resilience of regional integration, and reveals the economic connectivity within the integration blocks and their consolidating power. The goal of the research paper is to analyze the collective behaviour of the integrating countries during the external epidemiological crisis and their capability to respond to the manifestations of the crisis as ‘an organic whole’. The authors develop the existing academic discourse on the de-facto effects of integration and the relationship between the national and collective interests of the integrating countries, which has become the subject of fierce controversy during the pandemic. The research is based on the original concept of the stability of regional integration during the period of external crises associations proposed by the authors. To achieve the research goal of determining the degree of spatial correlation, the authors calculated Moran’s Spatial Autocorrelation Index and the multi-factor Geary’s Index. The spatial and econometric analysis of the EU countries in times of COVID-19 made the authors conclude that the initial EU’s response to the pandemic reflected nationalist self-help strategies rather than joint European approach during the earlier stages of the pandemic. Nevertheless, the EU demonstrated relatively strong intraregional trade resistance and ability to mitigate the negative consequences of the COVID-19 pandemic.

Keywords: spatial analysis, regional integration, Europe, COVID-19

Acknowledgements: This work was supported by MGIMO University under Grant [number 1921-01-01].

For citation: Okunev, I.Y., Arapova, E.Y. & Nikitina, Yu.A. (2022). The Impact of the Coronavirus Crisis on the European Union: Spatial Autocorrelation Analysis. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 121–131
doi: 10.17223/2312461X/36/7

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/2312461X/36/7

Влияние пандемии на Европейский Союз: пространственный корреляционный анализ

Игорь Юрьевич Окунев¹, Екатерина Яковлевна Арапова²,
Юлия Александровна Никитина³

^{1, 2, 3} МГИМО МИД России, Москва, Россия

² e.arapova@my.mgimo.ru

Аннотация. Авторы рассматривают пандемию COVID-19 в качестве стресс-теста для выявления интеграционных связей внутри Европейского Союза. Текущий кризис бросает вызов устойчивости региональной интеграции, раскрывает степень экономической связанности внутри интеграционных блоков и их консолидирующую силу. Цель исследования – анализ коллективного поведения интегрирующихся стран в условиях внешнего эпидемиологического кризиса и их способности реагировать на проявления кризиса как «единого целого». В работе авторы развивают существующий академический дискурс о реальных эффектах интеграции и соотношении национальных и коллективных интересов стран – членов интеграционных объединений, ставший предметом ожесточенных споров в период пандемии. Авторы отталкиваются от оригинальной, предложенной ими концепции устойчивости региональных интеграционных объединений в период внешних кризисов. Для достижения цели исследования по определению степени пространственной корреляции рассчитывался индекс пространственной автокорреляции Морана и многофакторный индекс Гири. Пространственный и эконометрический анализ стран ЕС во время COVID-19 позволил им прийти к выводу, что первоначальная реакция ЕС на пандемию отражала националистические стратегии самопомощи, а не совместный европейский подход на более ранних стадиях пандемии. Тем не менее ЕС продемонстрировал относительно более высокий уровень устойчивости внутрирегиональной торговли на фоне негативных последствий пандемии COVID-19.

Ключевые слова: пространственный анализ, региональная интеграция, Европа, COVID-19

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного МГИМО МИД России (соглашение № 1921-01-01).

Для цитирования: Okunev, I.Y., Arapova, E.Y. & Nikitina, Yu.A. The Impact of the Coronavirus Crisis on the European Union: Spatial Autocorrelation Analysis // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 121–131. doi: 10.17223/2312461X/36/7

Introduction

The COVID-19 has affected the global environment and posed a challenge to the regional integration. The initial EU's response to the pandemic looked uncoordinated, thus, undermining trust in the EU and questioning

European cohesion. Although the EU obviously represents a successful Western-type integration bloc, unique by its model and level of development, the nationalist reactions of the governments of EU members to the COVID-19 crisis lacked the obvious political will to keep regional integration a priority in times of a global crisis with states preferring self-interest and self-isolation to joint action. Regional integration is impossible without different forms of connectivity subverted by the governments' isolationist policies during the time of the pandemics

The nature of pandemics implies a spatial logic of dissemination with inevitable consequent economic slowdown resulting from the break of supply chains. The spatial dimension of the pandemics makes international regions and regional integration blocks an interesting object for hypothesis-testing. COVID-19 has brought a new wave of geography studies into International Relations studies, adding up to geopolitics, regional integration and migration studies (Bailey et al., 2020). Most COVID-19 studies use, however, spatial analysis at the sub-national level to explore different social vulnerabilities (Dodds et al., 2020), with very few exploring the global (Zhou et al., 2020) or regional scale, mostly in relation to international tourist flows.

Contrary to most events in the social sphere, the COVID-19 pandemic is quite an objective and measurable shock. Although COVID-19 has had different epidemiological outcomes across the world, an objectively observable consequence is the closure of national borders and interruption of cross-border flows.

The authors approach COVID-19 as a perfect stress test for integration blocks. It reveals, first, the economic connectivity within the integration blocks and their consolidating power (the ability to consolidate) to prevent or reduce the spread of the virus, on the one hand, and contribute to quick recovery of the most affected economies, on the other. The reaction of regional integration blocs to the COVID-19 pandemic may depend on preconditions of regional integration effects in two spheres: geography and politics.

Academic debates often concentrate on the geography factor as a prerequisite for successful regional integration. It is a specific expression of Waldo Tobler's first law of geography, according to which 'everything is related to everything else, but near things are more related than distant things' (1970). In other words, the proximity between countries creates greater interdependence between them, and therefore contributes to greater interaction, which can ultimately lead to the formation of a trade and economic association. The numerous empirical studies and gravity equations prove the negative correlation between distance and the scale of trade cooperation.

The same principle underlies the convergence theory, in which even initially different countries begin to converge due to geographical proximity and, experiencing common risks, tend to form similar economic responses to them. The EU integration experience proves the positive correlation between

real economic convergence and integration success (Ben-David 1993; Neven, Gouyette 1995; Yin, Zestos, Michelis 2003). However, the relationship between economic convergence and regional integration success is widely debated within the concept of ‘new regionalism’ (Schadler et al. 2006; Halmai, Vásáry 2010; Cuestas, Mercedes, Ordonez 2012; Arapova 2015; Recher, Kurnoga 2017). Experts have opposite views on whether economic convergence is a precondition for integration.

As for the political factor, mainstream international relations theories do not provide a toolkit of specific measurements to quantify the efficiency of regional organizations and their resistance to shocks.

Geographical proximity is a precondition for promoting integration: it turns out that it is easier for neighboring countries to agree on cooperation than it is for more distant ones to do so. This may be due to common history, cultural proximity, and closer established trade contacts (due to the lower logistics costs), but in our opinion, the key factor is the similar economic indicators of states, which prompts them to look for common answers to similar challenges.

According to our hypothesis, geographically close countries experiencing similar challenges will be more prone to economic integration and more resilient to crises. In the language of spatial statistics, this hypothesis would mean that countries experiencing similar economic challenges should form a localized cluster of high (or positive) spatial autocorrelation.

An epidemic is a classic example of a phenomenon spreading in accordance with Waldo Tobler’s ‘first law of geography’: the closer you are to the source of the contagion, the higher the risk of contracting the disease (Munasinghe and Morris, 1996). In our study we apply spatial analysis to discover the trends in pandemic spreads in the EU. Thereby, our approach is to analyze the collective behaviour of the integrating countries during the external epidemiological crisis and their capability to respond to the manifestations of the crisis as ‘an organic whole’.

Materials and Methods

In a perfect case, an epidemic spreads spatially from neighbour to neighbour (in a pandemic, from neighbouring state to neighbouring state); in other words, it has an absolute spatial autocorrelation (which equals 1) (Marshall 1991). In today’s world, however, there are also social spatial structures (state borders, roads, agglomerations, etc.) that are superimposed on the physical space; those structures reduce the degree of spatial autocorrelation in the spread of a disease.

There are several indexes and methods for determining spatial autocorrelation, but the most popular are those put forward by Moran and Geary. To assess the research goal in order to determine the degree of spatial correla-

tion, we calculated Moran's Spatial Autocorrelation Index. The following formula was used:

$$I = \frac{N}{W} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2}$$

where i, j are units, x_i and x_j are the values of units i and j , $\bar{x}$ is the sampling average for all units, w_{ij} is the weight of spatial ties between units i and j , N is the number of units, W is the sum of spatial weights (Cliff, Ord 1973). Simply put, Moran's I assesses the correlation between a phenomenon's level in the country under analysis compared to neighbouring states.

Our analysis is based on data from worldometers.info (URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (accessed on July 06, 2020)), an independent statistics agency; it has data on 213 states and territories as of July 5 2020, when the epidemic had already penetrated deeply across almost the entire world. Mid-summer 2020 can be considered as the end of the first wave COVID-19 in Europe. It was the first wave of the pandemic that became a perfect stress test for connectivity within regional integration blocks.

For our analysis, we selected data on the cumulative number of deaths per 1,000,000 persons; other figures may not be used for comparison owing to differences between countries in total population numbers and in the numbers of recorded COVID cases.

At the next stage of verifying our hypothesis, we used the method of calculating Local Indicators of Spatial Autocorrelation (LISA). Moran's I assesses spatial autocorrelation for the total data; however, for the purposes of our research, we needed to weigh the spatial autocorrelation between adjacent units. For that purpose, we calculated LISA. This method identified four local clusters:

- *high-high* – spatial autocorrelation cluster with high phenomenon indicators,

- *low-low* – spatial autocorrelation cluster with low phenomenon indicators,

- *high-low* – cells where statistically one would expect spatial autocorrelation with high phenomenon indicators, while in fact they are not observed,

- *low-high* – cells where statistically one would expect spatial autocorrelation with low phenomenon indicators, while in fact they are not observed (Ord, Getis 1995).

Accordingly, if our hypothesis is true, regional integration groups with a denser network of social interactions should have shown up on the spatial autocorrelation plot as high-high clusters, i.e., they would show a spatial cluster of high mortality rates per 1,000,000 of the population relative to their neighbours.

The following formula was used for the calculations:

$$L = \frac{N}{\sum_j \sum_j w_{ij}} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (z_i - \bar{z})(z_j - \bar{z})}{\sum_i (z_i - \bar{z})^2}$$

where N is the number of cells, z_i is the calculated indicator for cell i , while w_{ij} is the assessment of spatial weights reflecting whether i and j are neighbours; if they are not, it equals 0, and if they are, it equals $\frac{1}{|\delta_i|}$, where $|\delta_i|$ is the number of neighbours of cell i (Anselin 1995). LISA values were mapped for countries with p-value significance less than 0.05

In addition to the analysis of the established spatial social structures, we have also set ourselves the task of analyzing states' reactions to the pandemic. Did neighbours within regional integration unions act together? If the virus spread in a chain reaction within a region, then high-efficiency integration instruments should have resulted in a coordinated joint response. For our indicator, we selected the cumulative number of tests per 1,000,000 persons (based on data from worldometers.info as of 5 July 2020)

As we can see from the formula, the Moran's I (Moran 1948) method does not allow us to estimate spatial autocorrelation from a set of parameters at once, so the Geary spatial autocorrelation index was used for this study, which is due to the possibility of conducting a multi-factor analysis in it. In modern science, less attention is paid to the method of determining the spatial autocorrelation by the Geary's I than to the method of determining the spatial autocorrelation of Moran's I. At the same time, the Geary method is an interesting alternative, since it has a different mathematical essence. The Geary index is not limited to linear relationships, but is based on the square of differences and is therefore suitable for determining multidimensional spatial autocorrelation. (Sawada). Let us see what the Geary index looks like in the form of a mathematical formula:

$$LC_i = \sum_j w_{ij} (x_i - x_j)^2$$

where w_{ij} is a matrix of spatial weights, x_i and x_j are the selected metrics for different objects in space.

While multi-factor Geary's Index is calculated according to the following formula:

$$LC = \sum_{h=1}^m \sum_j w_{ij} (x_{hi} - x_{hj})^2$$

where m is the analyzed variables, and h is the summation index. Values are analyzed for country i and its neighbors j using the matrix w_{ij} (Anselin 2019).

Since we assume that neighboring countries should be similar in terms of the range of economic challenges they face, we decided to use the multi-factor Geary index. The following key economic variables were selected as

parameters: GDP by PPP per capita; public debt; labor productivity; poverty rate; Gini index; and unemployment rate. Data was analyzed for UN member states.

To perform autocorrelation analysis, we had to set neighborhood parameters for countries (the neighborhood weights matrix). There are two basic models for defining a neighborhood: by adjacency and by metric. Both models were used for better verification.

Adjacency was determined by the “queen's rule,” whereby any contact of countries is counted as a neighborhood. The disadvantage of this method is that island states that do not share land borders will be ignored in determining their neighborhood.

An alternative method is neighborhood by metric, when you set a conditional value for the distance from the centroid, and neighboring countries are considered states whose centroids fall within this radius. However, with this method, a large statistical error will apply to large and extended states that have distorted data about their neighbors. For the purposes of this study, due to the complexity of the political map of the world, the k -nearest neighbor method was used as an alternative. It sets a fixed number of neighbors for each country, which by default are selected based on proximity to the centroid of the state. If the median number of neighbors of the world's countries by contiguity is the three, then it is customary to calculate the neighborhood for $k = 6$ to take all states into account.

Using the multi-factor Geary's Index, we identified the presence or absence of spatial autocorrelation between the variables described above, reflecting the degree of similar economic challenges. When testing the hypothesis, only data with a p -value score higher than 0.05 was accepted, i.e., for which the probability of statistical error is less than 5%.

Results

Moran's I assesses the correlation between a phenomenon's level in the country under analysis compared to neighbouring states. For the coronavirus epidemic Moran's I was 0.436. This means that the world's spatial social structures curtail the natural principle of spread of disease by about 56%. Indeed, the epidemic emerged in China, spread first to neighbouring states (Japan, South Korea), then jumped a continent to Italy, which became the source of contagion in Western Europe, and thence it jumped to the US and its neighbouring states, and from there to Brazil and its neighbouring states. The latter observation shows that the coronavirus spread in outbreaks, not from state to state, but from region to region; however, once one country was infected, the disease immediately jumped to its regional neighbours.

The latter conclusion led us to our assumption that regional integration groups (EU, EAEU, ASEAN, etc.) had a higher internal network of social

interactions, which increases spatial autocorrelation in the spread of the coronavirus. The disease became something of a perfect stress test for regional integration groups: if they are effective, they should have created a dense network of social interactions and trade ties that would fall victim to the coronavirus.

These results show that the states of Western Europe, North and South Americas formed spatial clusters of sorts with high epidemic levels. Simultaneously, the post-communist states of Eastern Europe are not part of the Western cluster. At the next stage of verifying our hypothesis, we used the method of calculating Local Indicators of Spatial Autocorrelation (LISA). The calculation results were mapped on Fig. 1.

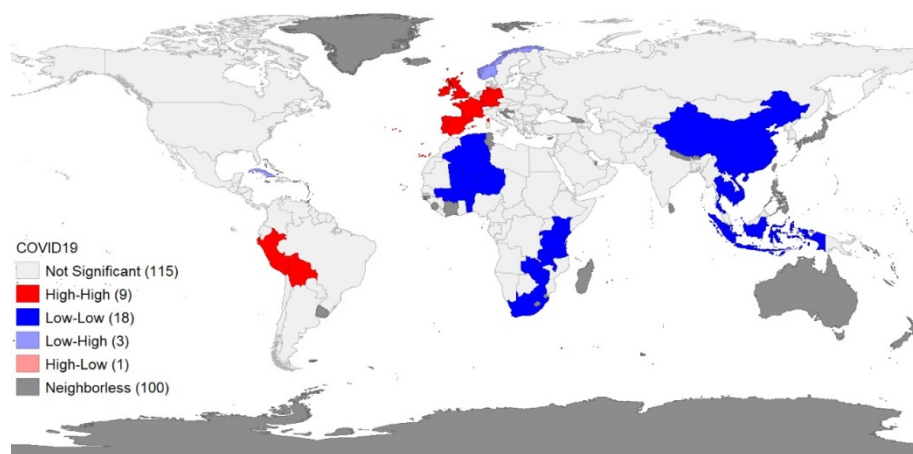

Fig. 1. LISA cartogram by number of coronavirus deaths per 1,000,000 of the population

This method confirmed the data received by the range cartogram. The highest LISA indicators and, consequently, the densest network of social communications between neighbours were exhibited by states of Western Europe.

Now let us calculate LISA to show whether members of regional integration unions acted together. The world demonstrates (Moran's I of 0.382) a spatial autocorrelation between the number of tests. It means that neighbouring states did tend to do the same number of tests per 1,000,000 of the population. For our visualisation, we once again used LISA (Fig. 2).

We can see here that the situation is radically different from our previous calculations. Neither Western European states, nor the states of North or South America demonstrated a common response to the coronavirus challenge despite having a dense network of social interactions. Rare exceptions are constituted by the three Baltic states.

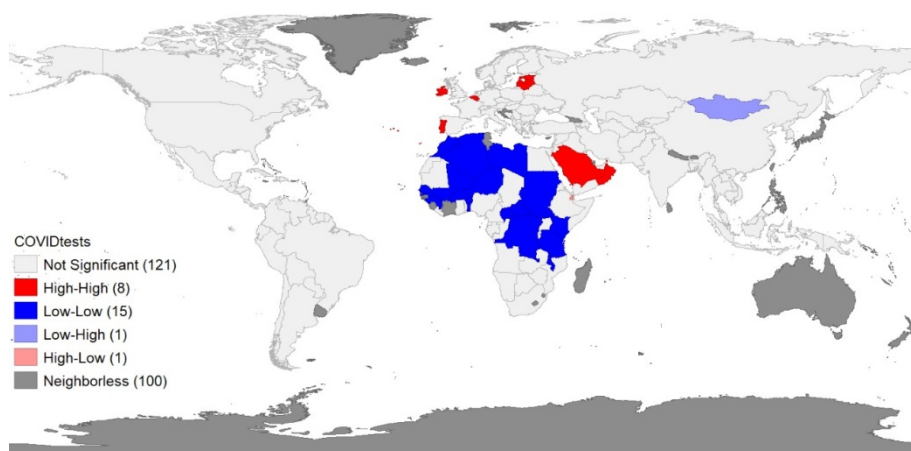

Fig. 2. LISA cartogram by number of coronavirus tests by 1,000,000 of the population

According to the multi-factor Geary Index with both neighborhood models into account, spatial autocorrelation is observed within the following regional groupings: in the EU in Europe (with a stronger core in Eastern Europe); the SAARC in South Asia; SADC in South Africa (with a stronger core in SACU); the ALADI (with a stronger core in the MERCOSUR countries) in South America; and the SICA in Central America. Accordingly, if the hypothesis is correct, then it is precisely in these conditions that geographical homogeneity between neighbors should have increased the resilience of regional blocs against the background of the crisis. However, as a comparison of these results with the previous analysis of empirical data on trade shows, there are no grounds to suggest that there is a correlation of the results obtained. So, in the EU this similarity was only stronger in the Eastern European countries, which had only joined the bloc relatively recently. From this, it can be concluded that geography, as a prerequisite for regional integration, nevertheless cannot be considered an explanatory factor for the resilience of the existing integration blocs.

Concluding Remarks

The overall conclusion is that the spatial analysis produced disappointing results for regional integration throughout the world. Even if individual regions did have dense social interactions networks, the coronavirus used them to spread around the globe, but the states did not use them to produce, together with their neighbours, a common response to the challenge. The low spatial autocorrelation in the EU confirms that the initial EU's response to the pandemic reflected nationalist self-help strategies rather than joint European approach.

On the other hand, the results obtained in this study clearly show, that self-regulation and intraregional adaptation of integration blocs during the crisis depends significantly on the type of regionalism. Intraregional trade in most of the integration blocs contracted at a faster rate during the initial months of the crisis and plummeted further during the second wave. The European Union was the only exception, as it demonstrated relatively strong intraregional trade resistance and ability to mitigate the negative consequences of the COVID-19 pandemic through the intraregional component.

The socioeconomic rapprochement of neighboring countries within the EU (the Western type of regionalism), supported by a high level of institutionalization and political consolidation, led to increasingly stable intraregional trade relations in response to the negative influence of the external crisis.

Nevertheless, since the COVID-19 pandemic is currently an unfinished crisis, these are preliminary results. The conclusions can be further tested on other integration blocs and with the involvement of other groups of indicators describing the socioeconomic similarity of the countries of the region. Besides, it is important to track the long-term regional integration resilience and the long-term adaptive capacity of the integration blocs as soon as the results are available.

References

- Anselin, L. (1995) Local Indicators of Spatial Association — LISA. *Geographical Analysis*, no. 27, pp. 93–115.
- Anselin, L. (2019) A local indicator of multivariate spatial association: extending Geary's C. *Geographical Analysis*, no. 51(2), pp. 133–150.
- Arapova, E. (2015) Measuring "Integration Potential" of the Free Trade Area of the Asia Pacific. *Malaysian Journal of Economic Studies*, no. 2, pp. 157–185.
- Bailey, D., Clark J., Colombelli A., Corradini C., Proprijs L., Derudder D., Fratesi U., Fritsch M., Harrison J., Hatfield M., Kemeny T., Kogler D.F., Lagendijk A., Lawton Ph., Ortega-Argilés R., Otero C.I., and Usai S. (2020) Regions in a time of pandemic. *Regional Studies*, Vol. 54, no. 9 pp. 1163–1174, doi: 10.1080/00343404.2020.1798611.
- Ben-David, D. (1993) Equilizing Exchange: Trade Liberalization and Income Convergence. *The Quarterly Journal of Economics*, no. 108, pp. 653–680.
- Cliff, A., and Ord J.K. (1973) *Spatial Autocorrelation*. London: Pion.
- Cuevas, J.C., Mercedes M., and Ordonez M. (2012) *Real Convergence in Europe; A Cluster Analysis*. Sheffield Economic Research Paper Series 2012023. Sheffield: University of Sheffield.
- Dodds, K., Castan Broto V., Detterbeck K., Jones M., Mamadouh V., Ramutsindela M., Varsanyi M., Wachsmuth D., and Woon Ch.Y. (2020) The COVID-19 pandemic: territorial, political and governance dimensions of the crisis. *Territory, Politics, Governance*, Vol. 8, no. 3, pp. 289–298. doi: 10.1080/21622671.2020.1771022.
- Halmi, P., and Vásáry V. (2010) Real convergence in the new Member States of the European Union (Shorter and longer term prospects). *The European Journal of Comparative Economics*, no. 7, pp. 229–253.
- Moran, P.A.P. (1948) The Interpretation of Statistical Maps. *Journal of the Royal Statistical Society. Series B (Methodological)*, Vol. 10, no. 35, pp. 255–260.

- Marshall, R.J. (1991) Mapping Disease and Mortality Rates Using Empirical Bayes Estimators. *Applied Statistics*, Vol. 40, no. 2, pp. 283–294.
- Munasinghe, R. L., and Morris R.D. (1996) Localization of Disease Clusters Using Regional Measures of Spatial Autocorrelation. *Statistics in Medicine*, Vol. 15, no. 7-9, pp. 893–905.
- Neven, D., and Gouymte C. (1995) Regional Convergence in the European Community. *Journal of Common Market Studies*, no. 33(1), pp. 47–65.
- Ord, J. K., and Getis A. (1995) Local Spatial Autocorrelation Statistics: Distributional Issues and an Application. *Geographical Analysis*, Vol. 27, no. 4, pp. 286–306.
- Recher, V., and Kurnoga N. (2017) European integration perspectives: From cohesion to divergence? *Acta Oeconomica*, no. 67, pp. 195–214.
- Sawada, M. Global Spatial Autocorrelation Indices – Moran's I, Geary's C and the General Cross-Product Statistic. University of Ottawa: Laboratory of Paleoclimatology and Climatology, Dept. Geography. Available at: <http://www.lpc.uottawa.ca/publications/moran-si/moran.htm>
- Schadler, S., Mody A., Abiad A., and Leigh D. (2006) *Growth in the Central and Eastern European Countries of the European Union*. International Monetary Fund, Washington, DC.
- Tobler, W.R. (1970). A Computer Movie Simulating Urban Growth in the Detroit Region. *Economic Geography* 46, Supplement: Proceedings. International Geographical Union. Commission on Quantitative Methods, pp. 234-240.
- Yin, L., Zestos, G. and L. Michelis. (2003) Economic Convergence in the European Union. *Journal of Economic Integration*, no. 18(1), pp. 188–213.
- Zhou, Ch., Suace F., Tao Pei, An Zhanga, Yunyan Du, Bin Luo, Zhidong Cao, Juanle Wang, Wen Yuan, Yunqiang Zhu, Ci Song, Jie Chen, Jun Xu, Fujia Li, Ting Ma, Lili Jiang, Fengqin Yan, Jiawei Yi, Yunfeng Hu, Yilan Liao, and Han Xiao (2020) COVID-19: Challenges to GIS with Big Data. *Geography and Sustainability*, Vol. 1, no. 1, pp. 77–87.

Information about the authors:

Igor Y. Okunev, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation).

Ekaterina Y. Arapova, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.arapova@my.mgimo.ru

Yulia A. Nikitina, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation).

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

ОКУНЕВ Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, директор, ведущий научный сотрудник МГИМО МИД России (Москва, Россия).

АРАПОВА Екатерина Яковлевна – кандидат экономических наук, директор центра, ведущий научный сотрудник МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: e.arapova@my.mgimo.ru

НИКИТИНА Юлия Александровна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 11.01.2022;
accepted for publication 01.06.2022.*

*Статья поступила в редакцию 11 января 2022 г.;
принята к публикации 1 июня 2022 г.*

Научная статья
УДК 394.9, 613.87
doi: 10.17223/2312461X/36/8

ТРЕВОЖНОСТЬ И АГРЕССИЯ ВО ВРЕМЯ COVID-19: НА ПРИМЕРЕ ЧЕТЫРЕХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Валентина Николаевна Буркова¹,
Марина Львовна Бутовская²,
Юлия Николаевна Феденок³,
Алексей Михайлович Ермаков⁴,
Владимир Александрович Колодкин⁵,
Виктория Ивановна Сподина⁶,
Раушания Ильшатовна Зинурова⁷

^{1, 2, 3} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

^{4, 5} *Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия*

⁶ *Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок ХМАО–Югры,
Ханты-Мансийск, Россия*

⁷ *Казанский национальный исследовательский технологический университет*

¹ *burkovav@gmail.com*

² *marina.butovskaya@gmail.com*

³ *fedenok.julia@gmail.com*

⁴ *amermakov@ya.ru*

⁵ *vkolodkin@donstu.ru*

⁶ *vspodina@mail.ru*

⁷ *rushazi@rambler.ru*

Аннотация. Социальная изоляция, карантин и одиночество как следствие вводимых ограничений во время COVID-19, экономические сложности, привели к физическим и психологическим проблемам у самых разных слоев населения и популяций. Во многих странах ведутся исследования влияния стресса вследствие пандемии COVID-19 в надежде найти факторы, помогающие людям легче адаптироваться к новым условиям среды и менее тревожно переносить выпавшие им на долю испытания. В статье представлены результаты исследования региональных различий уровня тревожности и агрессии во время первой волны пандемии COVID-19 в зависимости от принятых мер в каждом регионе на примере г. Москвы, Ростовской области, Республики Татарстан, Ханты-Мансийского автономного округа. Данные были собраны за период с 29 апреля по 21 июня 2020 г. Всего было опрошено 1903 чел., из них 232 чел. из г. Москва, 362 чел. – из Республики Татарстан, 1023 чел. – из Ростовской области, 286 чел. – из ХМАО. Результаты исследования показывают, что самым высоким уровнем тревожности на фоне первой волны COVID-19 обладали жители Москвы и ХМАО, наименее стрессированными были жители Ростовской области. Важным фактором, влияющим на уровень агрессивности во время COVID-19, яв-

лся уровень доверия к официальной информации. Самыми недоверчивыми по отношению к официальным источникам были жители Ростовской области и Москвы. Наиболее агрессивно настроенными по отношению к информации из официальных источников, были респонденты из Москвы, наименее агрессивными – жители ХМАО. Во всех регионах уровень тревожности и агрессии был выше у тех респондентов, которые считали, что принятые властями меры против распространения COVID-19 недостаточны. Эти данные могут быть использованы в качестве дополнительного источника информации для принятия эффективных мер по преодолению пандемии в настоящее время.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, вирус SARS-CoV-2, тревожность, стресс, агрессия

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Буркова В.Н. – данные по г. Москве), при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60186 (Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н. – кросс-региональные данные).

Для цитирования: Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Ермаков А.М., Колодкин В.А., Сподина В.И., Зинурова Р.И. Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырех регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 132–158. doi: 10.17223/2312461X/36/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/8

Anxiety and Aggression During COVID-19: On Example of Four Regions of Russia

Valentina N. Burkova¹, Marina L. Butovskaya², Julia N. Fedenok³,
Alexey M. Ermakov⁴, Vladimir A. Kolodkin⁵,
Victoriya I. Spodina⁶, Raushaniia I. Zinurova⁷

^{1, 2, 3} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

^{1, 2} *National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

^{4, 5} *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

⁶ *Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation*

⁷ *Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation*

¹ *burkovav@gmail.com*

² *marina.butovskaya@gmail.com*

³ *fedenok.julia@gmail.com*

⁴ *amermakov@ya.ru*

⁵ *vkolodkin@donstu.ru*

⁶ *vspodina@mail.ru*

⁷ *rushazi@rambler.ru*

Abstract. Social isolation, quarantine, loneliness as a result of the imposed restrictions, economic problems, led to physical and psychological problems in different populations. Studies are being conducted across countries on the effects of stress from

the COVID-19 pandemic, hoping to find factors that will help people adapt more easily to new environmental conditions and cope less anxiously with their trials. This article presents the results of a study of regional differences in the level of anxiety and aggression during the first wave of the COVID-19 pandemic, depending on the measures taken in each region, using the example of Moscow, the Rostov region, the Republic of Tatarstan, the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug. Data was collected for the period from April 29 to June 21, 2020. In total, 1903 people were interviewed (232 people from Moscow, 362 people from Tatarstan, 1023 people from the Rostov region, 286 people from the Khanty-Mansi Autonomous Okrug). The results of the study show that the residents of Moscow and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug were the most anxious during the first wave of COVID-19, and that the residents of the Rostov region were the least stressed. An important factor influencing the level of aggressiveness during COVID-19 was the level of trust in official information. The most distrustful of official sources were residents of the Rostov region and Moscow. The most aggressive in relation to information coming from official sources were respondents from Moscow; the least aggressive were residents of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. In all regions, the level of anxiety and aggression was higher among those respondents who believed that the measures taken by the authorities against the spread of COVID-19 were insufficient. These data can be used as an additional source of information for taking effective measures to overcome the pandemic at the present time.

Keywords: COVID-19, pandemic, SARS-CoV-2 virus, anxiety, stress, aggression

Acknowledgements: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2021 (Burkova V.N. – data of Moscow region), the reported study was funded by RFBR, project №20-04-60186 (Butovskaya M.L., Fedenok J.N. – cross-regional data).

For citation: Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Fedenok, J.N., Ermakov, A.M., Kolodkin, V.A., Spodina, V.I. & Zinurova, R.I. (2022) Anxiety and aggression during COVID-19: on example of four regions of Russia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 132–158. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/8

Введение

Меры профилактики и ограничения, введенные правительствами разных стран по мере распространения пандемии COVID-19, имели разную форму – одни ввели строгие меры изоляции и полного карантина (например, Китай, Италия), другие частично ограничили социальные контакты между людьми, ввели временный карантин, обязательное использование масок и социальное дистанцирование (например, Россия, многие страны Европы), третьи предпочли ограничиться рекомендациями (например, Швеция, Беларусь) (Феденок, Буркова 2020; Burkova et al. 2021). Безошибочность тех или иных тактик остается под вопросом по сегодняшний день. Однако очевидно, что важным фактором, оказавшим влияние на успешность борьбы с COVID-19, стала как реакция людей на предписания правительств по предотвращению распростра-

нения заболевания, так и личное отношение к пандемии. Восприятие действий правительств как эффективных способствует поддержанию защитного поведения (Han et al. 2020; Mækelæ et al. 2020). Доверие, вера в эффективность принимаемых мер и чувство личного риска (включая страх заражения и смерти) способствуют соблюдению рекомендуемых профилактических методов поведения и введенных ограничений по COVID-19 (Butovskaya et al. 2021). Более того, исследования показывают, что в регионах, где люди больше доверяют науке, имеют более высокий уровень образования или более высокие доходы, значительно чаще прибегают к добровольному физическому дистанцированию и лучше выполняют предписания властей (Brzezinski et al. 2020), что подтверждает ценность научного знания и актуализирует возможности науки по борьбе с пандемией.

Исследования, проведенные за 2020–2021 гг., показывают, что социальная изоляция, карантин, одиночество как следствие вводимых ограничений, экономические сложности на фоне пандемии, привели к физическим и психологическим проблемам у самых разных слоев населения и популяций в целом (Berta et al. 2020; Brooks et al. 2020; Cao, Li, Liu 2020; Kowal et al. 2020; Mækelæ et al. 2020; van Bavel et al. 2020; Yang et al. 2020; Burkova et al. 2021; Butovskaya et al. 2021; Rodríguez et al. 2021; и др.). Во многих странах ведутся исследования влияния стресса вследствие COVID-19 в надежде найти факторы, помогающие людям легче адаптироваться к новым условиям среды и менее тревожно переносить выпавшие на их долю испытания. По данным платформы Scholar-google, деструктивным последствиям пандемии на психологическое здоровье населения в самых разных популяциях уже посвящено более 21 600 научных работ. Особо стоит отметить работы, исследующие проблемы стресса в кросс-культурной перспективе (Феденок, Буркова 2020; Berta et al. 2020; Kowal et al. 2020; Mækelæ et al. 2020; Буркова, Каспарова, Бутовская 2021; Brailovskaia et al. 2021; Burkova et al. 2021; Butovskaya et al. 2021; Dean et al. 2021; Limcaoco et al. 2021). На сегодняшний день выделено несколько факторов, которые усугубляют восприятие стресса на фоне COVID-19, – молодой возраст, женский пол, одиночество, низкий уровень образования, наличие детей на карантине, отсутствие поддержки со стороны друзей и семьи, наличие пожилых родственников в месте проживания, а также принимаемые на уровне правительств меры профилактики и ограничения (Burkova et al. 2021; Semenova, Apalkova, Butovskaya 2021a, 2021b).

Во многих странах сложилась еще более сложная обстановка, связанная с тем, что внутри страны в разных районах принимаемые меры и реакция населения были разными в зависимости от региональной статистики заболеваемости коронавирусом, а также сложившихся политических традиций. Например, в США отсутствие единого федерального

ответа на COVID-19 выразилось в разной мере на уровне штатов. Различия в подходах между штатами также вызвали дискуссии – политические лидеры и общественность активно обсуждали уровень строгости принятых мер, скорость введения и отмены ограничений. На сайте проекта «Оксфордский трекер» реагирования правительства на COVID-19 (OxCGRT) представлены данные по 50 штатам США, а также по округу Колумбия и Виргинским островам США с 1 января 2020 г. по настоящее время¹ (Hale et al. 2020). Отсутствие единой национальной политики и федеральной системы управления, а также растущая политическая борьба вокруг мер реагирования на вирус породили неоднородный ландшафт коронавирусной политики в Соединенных Штатах. Многие штаты применяли строгие меры с самого начала вспышки на их территориях или даже до того, как вирус начал значительно распространяться (например, Делавэр, Аляска, Вермонт и Монтана). Но так было не во всех штатах: в штатах с ранними вспышками, например, в Калифорнии, Нью-Йорке и Вашингтоне, меры были приняты намного позже по сравнению с началом распространения болезни. И несколько штатов, таких как Северная Дакота или Массачусетс, ждали месяц или дольше, прежде чем принять решительные меры. Кроме того, несмотря на то, что в марте 2020 г. большинство штатов приняли ограничительные меры против COVID-19, к апрелю ситуация в штатах по коронавирусу начала резко различаться (Hale et al. 2020).

Схожая обстановка сложилась в Италии. Развитие эпидемии в различных регионах страны показало, что чем раньше были приняты меры в зависимости от стадии эпидемии, тем ниже была общая заболеваемость COVID-19, в отличие от первой эпидемической волны. Правительственные меры замедлили и в конечном итоге сократили рост заболеваемости COVID-19 там, где эпидемия достигла высокого уровня к середине марта (Ломбардия, Эмилия-Романья и Венето), и предотвратили рост эпидемии в центральных регионах (Sebastiani, Massa, Riboli 2020).

В России также сложилась очень неоднородная обстановка в регионах как по количеству подтвержденных случаев COVID-19, так и по принятым мерам профилактики и предотвращения дальнейших заражений. 2 апреля 2020 г. Президент РФ В.В. Путин передал руководителям регионов дополнительные полномочия для введения мер по борьбе с коронавирусом, подходящих именно для их территорий. Например, руководители регионов могли на своих территориях ограничивать передвижения граждан и транспорта, в том числе личного, за исключением транспорта, осуществляющего межрегиональные перевозки; также власти регионов получили право приостанавливать работу всех предприятий независимо от организационно-правовой формы и индивидуальных предпринимателей². Ситуация в

регионах складывалась по-разному, поэтому жесткость ограничений должна была зависеть от того, как распространяется коронавирус на той или иной территории.

Цель данного исследования – проследить в кросс-региональном сравнении уровни тревожности и агрессии по время первой волны COVID-19 в четырех регионах России в зависимости от мер, принятых в связи с распространением пандемии в каждом регионе (г. Москва, Ростовская область, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ).

Рассмотрим более детально обстановку по заболеваемости COVID-19 в исследуемых регионах и комплекс принятых профилактических мер на региональном уровне.

Москва. 2 марта 2020 г. был выявлен первый случай заболевания в Москве. С 27 февраля в московских образовательных учреждениях были усилены профилактические меры для минимизации распространения респираторных инфекций и вирусов, отменены выездные и массовые мероприятия, занятия в бассейнах. 5 марта в Москве был введен режим повышенной готовности, усилены требования к проведению профилактических осмотров и контролю за гражданами, пребывающими из стран с неблагоприятной ситуацией по коронавирусной инфекции. С 10 марта до 10 апреля 2020 г. введены ограничения на проведение спортивных, зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий с численностью участников более пяти тысяч человек. С 14 марта введено свободное посещение школ, в больницах прекращен доступ посетителей к пациентам, ограничено или закрыто движение через определенные границы. С 16 марта ограничено проведение мероприятий с числом участников более 50 человек одновременно, приостановлена работа кружков и секций для пожилых людей, закрыты многие культурные учреждения. С 21 марта до 12 апреля закрыты государственные общеобразовательные школы, спортивные школы и учреждения дополнительного образования, студенты колледжей переведены на дистанционное обучение, часть сотрудников предприятий и организаций комплекса городского хозяйства Москвы переведена на удаленный режим работы, усилены дезинфекция и уборочные мероприятия. С 26 марта до 14 апреля в Москве был введен обязательный домашний карантин для жителей старше 65 лет или с хроническими заболеваниями, закрыты библиотеки, спортивные и развлекательные учреждения в торгово-развлекательных центрах, предприятия общественного питания, салоны красоты, парки, театры, музеи и т.д.; временно закрыты объекты розничной торговли, открыты только продовольственные магазины, аптеки и точки, где можно приобрести непродовольственные товары первой необходимости. С 29 марта все жители Москвы независимо от возраста были обязаны соблюдать режим самоизоляции, введе-

ны цифровые пропуска для перемещений. На улице, в магазине, общественном транспорте и других общественных местах было необходимо соблюдать дистанцию не менее 1,5 м. Дни с 30 марта по 3 апреля были объявлены нерабочими по всей стране. С 10 апреля временно ограничена или прекращена работа большинства городских организаций, кроме органов государственной власти, медицинских организаций, предприятий пищевой и медицинской промышленности, производителей СИЗ, ключевых предприятий оборонного комплекса, космоса, атомной промышленности и критически важных инфраструктур³. Введенные ограничения были постепенно сняты только к концу июня 2020 г. Школы, колледжи и вузы перешли к очному обучению только в сентябре 2020 г. Анализируя динамику ограничительных мероприятий в Москве, наблюдается четкая тенденция усиления ограничений с каждой неделей, которая в итоге привела к практически полному карантину и максимальной минимизации передвижений и контактов между людьми. Для пожилых людей старше 65 лет и с хроническими заболеваниями домашний режим был отменен только 9 марта 2021 г. Таким образом, полный локдаун был введен в Москве через 3 недели после выявления первого случая коронавируса.

Республика Татарстан. В Республике Татарстан первый случай COVID-19 был диагностирован 16.03.2020 г. Режим самоизоляции введен с 30 марта 2020 г. для всех жителей Постановлением Кабинета министров Республики Татарстан «О внесении изменения в постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.03.2020 № 208 “О мерах по предотвращению распространения в Республике Татарстан новой коронавирусной инфекции”», введена система смс-пропусков для передвижения жителей внутри республики. Запрещено проведение досуговых, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных и иных мероприятий с очным присутствием граждан. Открыты только аптеки, магазины продуктов и товаров первой необходимости. Закрыты гостиницы и санатории, МФЦ, ЗАГСы, парки, лесопарки и т.п. С 1 апреля 2020 г. в Республике Татарстан отменены все межмуниципальные перевозки. С 10 мая отменено получение смс-пропусков для выхода из дома. С 30 мая зафиксировано снижение уровня заболеваемости ковидом в республике⁴. Фактически период самоизоляции и постепенного выхода из нее длился с 30 марта по 1 июля 2020 г. В Республике Татарстан ограничения были введены быстрее, чем в Москве, и уже через 2 недели после выявления первого случая жители были отправлены на полную самоизоляцию.

Ростовская область. В Ростовской области первый случай заболевания был подтвержден 25 марта 2020 г. С этого дня регистрировался единичный прирост случаев заболевания до 6 апреля 2020 г. Затем начали выявляться десятки случаев заболевания, а с 16 мая 2020 г. –

более 100 случаев ежедневно (Ковалев и др. 2020). Режим повышенной готовности в Ростовской области в связи с распространением COVID-19 был введен с 18 марта 2020 г. распоряжением губернатора Ростовской области⁵. Была приостановлена работа развлекательно-досуговых, зрелищных, культурных, спортивных, выставочных, торговых центров, предприятий общественного питания, за исключением обслуживания на вынос без посещения гражданами помещений, учащихся образовательных учреждений перевели на дистанционный формат обучения. С 31 марта 2020 г. введен повсеместный режим самоизоляции (жителей обязали не покидать места проживания за исключением крайней необходимости – выход на работу, посещение ближайших магазинов для приобретения продуктов и товаров первой необходимости, аптек, обращение за экстренной (неотложной) медицинской помощью), введены меры по ограничению передвижения между субъектами РФ, граничащими с областью. Для предотвращения возникновения и ликвидации вспышек внутри лечебно-профилактических учреждений Главным государственным санитарным врачом по Ростовской области издано Постановление от 17.04.2020 г. № 4 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) и предупреждения внутрибольничного инфицирования», подготовлено Постановление № 5 «О внесении изменений в Постановление от 11 апреля 2020 г. № 3 “Об усилении ограничительных мероприятий”» (Ковалев и др. 2020). Согласно данным по развитию эпидемиологической ситуации по COVID-19, на начало июля 2020 г. ситуация в Ростовской области оставалась стабильной. По данным Управления Роспотребнадзора по Ростовской области, на 10 июля 2020 г. ежедневное количество заражений новой коронавирусной инфекцией не превышало 100 случаев, с 13 июля по распоряжению губернатора вступает в силу очередной пакет мер по смягчению ограничений из-за коронавируса в Ростовской области (Ковалев и др. 2020). Таким образом, в Ростовской области режим самоизоляции был введен еще быстрее, чем в Татарстане, – через неделю после выявления первого случая коронавируса.

Ханты-Мансийский автономный округ. Первый случай коронавирусной инфекции в Югре зафиксирован 19 марта в Сургуте⁶. 24 марта зарегистрировано уже двое заболевших. Первая смерть от внебольничной пневмонии с подтвержденным лабораторно коронавирусом зарегистрирована в Сургуте 20 апреля⁷. При появлении новой коронавирусной инфекции Правительство Югры приняло ряд ограничительных мер: с 6 марта губернатор Югры Наталья Комарова подписала документ, который содержит следующие положения: 1) приостановление всех массовых мероприятий; 2) граждане, которые вернулись из стран, где зафиксирована коронавирусная инфекция, при появлении симптомов должны обращаться за медицинской помощью на дому; 3) работо-

датели должны обеспечить контроль за состоянием работников на рабочих местах; 4) подготовить медицинские организации к приему и оперативному оказанию медицинской помощи пациентам (Бохан 2020). С 18 марта подписан документ о введении в округе режима повышенной готовности и дополнительных мерах: отмена выездов организованных групп, направляемых на мероприятия за пределы Югры, организация дистанционного обучения до 12 апреля, организация лабораторных исследований на COVID-19, организация наблюдения за гражданами, вернувшимися из-за границы, и контактными лицами, оказание бытовых услуг, доставка продуктов и товаров первой необходимости, лекарственных препаратов пожилым гражданам и иным маломобильным категориям населения, ежедневное информирование граждан о мерах по профилактике (Бохан 2020). 31 марта введен режим самоизоляции, предоставление государственных и иных услуг в помещениях органов власти происходит посредством телефонной связи. До 5 апреля 2020 г. приостановлена работа объектов розничной торговли, за исключением реализующих продовольственные товары и (или) исключительно непродовольственные товары первой необходимости, и аптечных учреждений. С 5 мая вводится обязательный масочный режим во всех видах общественного транспорта и общественных местах. В некоторых районах ситуация пошла на спад, и ранее действовавшие ограничения были отменены. В связи с благоприятными изменениями Губернатор Югры 13 августа подписала постановление о переходе ко второму этапу снятия ограничительных мероприятий, действующих в Югре (Бохан 2020). Таким образом, режим полной самоизоляции был введен в ХМАО через 12 дней после выявления первого случая заражения коронавирусом.

Итак, мы видим немного разные стратегии предпринимаемых мер со стороны региональных властей в четырех исследуемых регионах. Пока в Москве с каждым днем постепенно вводились все новые запреты и ограничения вплоть до полного локдауна, в остальных регионах обстановка была более решительная: несмотря на гораздо меньшую статистику по заболеваемости, Татарстан, Ростовская область и ХМАО ввели режим самоизоляции гораздо быстрее, чем в Москве.

Методы и участники исследования

Исследование было проведено в четырех крупных регионах России – г. Москва, Республика Татарстан (преимущественно г. Казань (77,9% выборки)), Ростовская область (преимущественно г. Ростов-на-Дону (74,4%)), Ханты-Мансийский автономный округ (преимущественно города Ханты-Мансийск (37,5%), Нижневартовск (28,3%), Сургут (16,4%)).

Для проведения опроса была использована специально созданная Google-форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами во-

просов, размещенная в сети Интернет. Участники исследования перед началом опроса давали письменное добровольное согласие, протокол исследования утвержден Ученым советом Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Протокол № 01 от 9 апреля 2020 г.).

Данные собраны за период с 29 апреля по 21 июня 2020 г. во время первого пика заболеваемости коронавирусом. Всего были опрошены 1 903 чел., из них 232 чел. – из г. Москва, 362 чел. – из Республики Татарстан, 1 023 чел. – из Ростовской области, 286 чел. – из ХМАО. Половозрастной состав показан в табл. 1. Выборка представлена студентами из разных вузов, средний возраст составил 20,99 лет (ст.откл. = 4,72). Стоит обратить внимание на данные официальной статистики, основываясь на которых власти принимали те или иные решения: Москва на момент проведения исследования (начало и конец) имела самое большое количество выявленных случаев и смертей от COVID-19, тогда как в ХМАО цифры оставались минимальными на всех этапах исследования (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Половозрастной состав выборки

Регион	Муж.	Жен.	Средний возраст (станд. отклонение)	Кол-во выявленных случаев (смертей) на начало исследования (29–30 апреля 2020 г.) ⁸	Кол-во выявленных случаев (смертей) на середину исследования (15–16 мая 2020 г.)	Кол-во выявленных случаев (смертей) на конец исследования (21–22 июня 2020 г.)
Москва	66	166	23,41 (7,20)	50 646 (611)	135 464 (1432)	213 946 (3617)
Республика Татарстан	74	288	22,52 (5,83)	752 (6)	2 064 (8)	6 226 (35)
Ростовская область	312	711	20,09 (3,11)	864 (3)	2 200 (28)	8 534 (90)
Ханты-Мансийский АО	34	252	20,32 (4,24)	366 (1)	965 (7)	4 192 (11)
Итого	486	1 417	20,99 (4,72)			

Для оценки уровня тревожности и агрессии нами были использованы следующие опросники:

1. Опросник ГТР-7 (GAD-7) (Spitzer et al. 2006) в адаптированной русскоязычной версии (Опросник ГТР-7... 2013). ГТР-7 состоит из 7 пунктов, описывающих симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Оценка тревоги происходит по 4-балльной шкале Ликерта (от 0 (совсем не) до 3 (почти каждый день)).

Сумма баллов по всем пунктам дает представление об уровне тревожности: 0–4 – минимальный, 5–9 – умеренный, 10–14 – средний, 15–21 – высокий.

2. Опросник ситуативной тревожности Ч. Спилбергера в модификации и адаптации Ю.Л. Ханина (Спилбергер, Ханин 2002) состоит из 20 пунктов, описывающих тревожность как эмоциональное состояние. Респонденты оценивают интенсивность своего чувства тревоги в настоящий момент по 4-балльной шкале Ликерта от 1 (совсем нет) до 4 (очень хорошо). По общему количеству баллов симптомы тревоги делятся по степени выраженности на низкую (0–30), умеренную (31–45) и высокую (46 и выше).

3. Опросник агрессивного поведения Басс–Перри (Buss, Perry 1992) в русскоязычной версии (Агрессия и мирное существование... 2006), состоящий из 29 утверждений, соответствующих четырем подшкалам: физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев и враждебность. Оценка производится по 5-балльной шкале Ликерта от 1 (абсолютно не характерно для меня) до 5 (абсолютно характерно для меня).

Статистическая обработка данных проведена с использованием программы SPSS (версия 27.0).

Для определения надежности используемых шкал поведения был проведен анализ надежности и вычислена альфа Кронбаха. Из представленных значений низкая надежность получена только по шкале ситуативной тревожности в Москве, по остальным шкалам получены средние и высокие значения (табл. 2). Из шкал агрессии самая низкая надежность обнаружена по вербальной агрессии.

Таблица 2

**Надежность используемых шкал опросников по региональным выборкам
(альфа Кронбаха)**

Шкала	Москва	Татарстан	Ростовская область	Ханты-Мансийский АО
Тревожность ГТР-7	0,855	0,913	0,892	0,917
Ситуативная тревожность	0,573	0,735	0,763	0,728
Физическая агрессия	0,774	0,761	0,747	0,749
Вербальная агрессия	0,654	0,752	0,734	0,703
Гнев	0,835	0,777	0,780	0,822
Враждебность	0,728	0,835	0,832	0,811
Общая агрессия	0,866	0,907	0,909	0,906

Результаты и обсуждение

На момент проведения исследования во всех четырех регионах у подавляющего большинства опрошенных отсутствовал личный опыт заболевания вирусом: у 93,5% москвичей, 99,7% ханты-мансийцев, 97,4% ростовчан и 97,2% жителей Татарстана не был диагностирован COVID-19. У 5,2% москвичей, 0,3% ханты-мансийцев, 1,8% ростовчан и 1,9% жителей Татарстана было подозрение на COVID-19, но не было лабораторных результатов. И лишь у 1,3% жителей Москвы, 0% жителей ХМАО, 0,9% жителей Ростовской области и 0,8% татарстанцев был клинически подтвержден коронавирус.

Статистический анализ (общие линейные модели (GLM), однофакторный двусторонний дисперсионный анализ) с баллами по шкалам поведения (ГТР-7, ситуативная тревожность, агрессия) в качестве зависимых переменных и набором независимых переменных (пол, регион проживания) показали значимые главные эффекты пола и региона проживания респондента, при этом регион проживания имел бóльшие нагрузки, чем пол (табл. 3).

Таблица 3

Взаимодействие шкал тревожности и агрессии (зависимые переменные) и пола, региона страны (независимые переменные) для всей выборки

Зависимые переменные	R ² *	Независимые переменные	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частная Eta ² **
ГТР-7	0,059	Пол	1	50,951	1,3426E-12	,026
		Регион	3	20,153	7,3981E-13	,031
Ситуативная тревожность	0,081	Пол	1	40,162	2,9119E-10	,021
		Регион	3	39,904	5,2851E-25	,059
Физическая агрессия	0,044	Пол	1	59,108	2,3987E-14	,031
		Регион	3	5,555	,0009	,009
Вербальная агрессия	0,029	Пол	1	2,266	Незначимо	,001
		Регион	3	18,437	8,6945E-12	,029
Гнев	0,048	Пол	1	16,679	,00005	,009
		Регион	3	26,628	7,3181E-17	,041
Враждебность	0,047	Пол	1	21,176	,000004	,011
		Регион	3	24,016	3,0095E-15	,037
Общая агрессия	0,039	Пол	1	0,966	Незначимо	,001
		Регион	3	25,101	6,4183E-16	,039

* R² (коэффициент детерминации) объясняет процент изменчивости по каждому из тестируемых признаков.

** Частная Eta² показывает, какая доля общей дисперсии зависимой переменной обусловлена данным фактором.

В одном из недавних исследований, проведенном по округам России (выборка 1 192 чел.: Центральный округ (58%), Северо-Западный

(11%), Уральский (8%), Приволжский (6%), Южный (5%), Сибирский (4%), Дальневосточный (1%), Кавказский округ (1%)) не было обнаружено связи между уровнем стресса, тревоги и особенностями восприятия пандемии COVID-19, с одной стороны, и уровнем образования и регионом проживания респондентов – с другой (Первичко и др. 2020). Однако стоит отметить, что в данном исследовании наблюдался перекос в выборке по исследуемым регионам, а также разные статистические данные заболеваемости COVID-19 по регионам в каждом из округов, которые не учитывались и могли повлиять на результаты.

Средние оценки по уровню тревожности распределились следующим образом: самые высокие оценки по обоим шкалам тревоги были в Москве, далее следует ХМАО, Татарстан и Ростовская область (табл. 4). Сумма баллов по всем пунктам ГТР-7 дает представление об уровне тревожности: 0–4 – минимальный, 5–9 – умеренный, 10–14 – средний, 15–21 – высокий; таким образом мы видим, что средние оценки по уровню тревожности во всех регионах попадают в отметку «умеренный». По общему количеству баллов симптомы ситуативной тревожности делятся по степени выраженности на низкую (0–30), умеренную (31–45) и высокую (46 и выше); таким образом, Татарстан и Ростовская область попали в низкую зону тревожности, а Москва и ХМАО – в умеренную (табл. 4).

Т а б л и ц а 4
Средние оценки по тревожности и агрессии в исследуемых выборках

Шкала	Средние оценки (станд. отклонение)			
	Москва	Татарстан	Ростовская область	Ханты-Мансийский АО
Тревожность ГТР-7	7,19 (4,69)	5,41 (5,04)	4,53 (4,56)	5,89 (5,57)
Ситуативная тревожность	35,00 (11,86)	29,19 (11,46)	26,16 (11,22)	30,15 (11,62)
Физическая агрессия	18,97 (6,26)	17,05 (5,91)	18,26 (6,13)	16,86 (5,74)
Вербальная агрессия	14,40 (4,22)	11,62 (4,49)	12,56 (4,79)	12,10 (4,46)
Гнев	18,13 (6,52)	14,07 (5,64)	14,61 (5,90)	14,57 (6,31)
Враждебность	23,76 (6,32)	18,95 (7,14)	19,70 (7,53)	20,30 (7,43)
Общая агрессия	75,26 (17,02)	61,70 (18,73)	65,13 (20,01)	63,83 (19,49)

На представленных ниже графиках показано распределение уровней по тяжести тревожности – по обоим опросникам доля наиболее стрессированных людей выше среди московских и ханты-мансийских респондентов (рис. 1, а, б). Интересно отметить, что по уровню депрессивной тревожности (ГТР-7) респонденты из этих двух групп находятся примерно в равном положении (10,49% в ХМАО и 8,63% в Москве наиболее тревожных респондентов), тогда как максимальные оценки по ситуативной тревожности гораздо выше у москвичей (19,83 и 10,49%

соответственно). Наименее стрессированными были жители Ростовской области – у них наблюдается самый низкий процент депрессивных респондентов (4,50% по ГТР-7 и 4,99% по ситуативной тревожности) и самый высокий процент людей, не выходящих за пределы нормального уровня тревожности (59,82% по ГТР-7 и 66,18% по ситуативной тревожности) (рис. 1). Исследование других авторов, проведенное в пяти регионах России на второй неделе введения в РФ режима самоизоляции (Мурманская область, Республика Карелия, центральные регионы России (Московская область, Пензенская область, Самарская область) с выборкой 800 чел. в возрасте от 14 до 80 лет, показало более высокие цифры по ситуативной тревожности: 20% – низкий уровень, 41% – средний уровень, 39% – высокий уровень (Тузова, Попова 2021). Однако разделение на регионы и возрастные когорты в данной работе не приводилось.

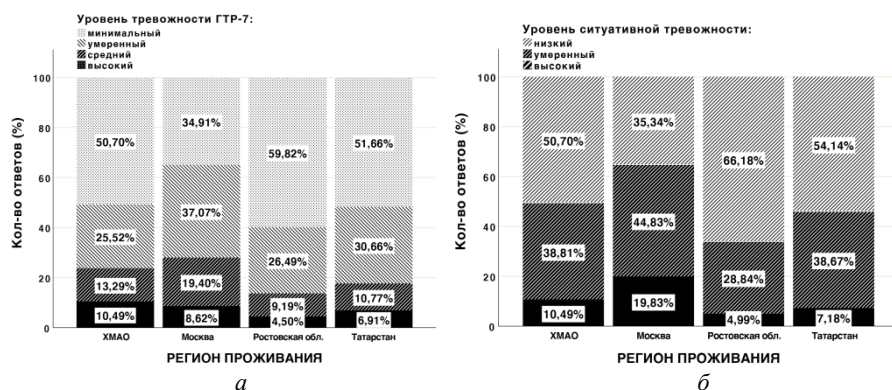

Рис. 1. Уровни тревожности по ГТР-7 (а) и ситуативной тревожности (б) в четырех регионах России

В другой ранее опубликованной работе (Zemtsov, Baburin 2020) была предложена типология регионов по возможным рискам заболеваемости и смертности от COVID-19, основанная на устойчивых региональных различиях в годовых показателях. Прежде всего это были риски внутри и вблизи крупнейших агломераций (Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области), в северных регионах, где высока доля трудовых мигрантов (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), в слаборазвитых южных регионах (Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкарская республика, Дагестан, Северная Осетия) (Zemtsov, Baburin 2020). Эти результаты могут объяснить полученные нами данные о высокой тревожности среди москвичей и жителей ХМАО. Регионы с большой долей городского населения наиболее подвержены распространению пандемии, так как в

городах наблюдается высокая интенсивность взаимодействия людей в многоэтажных домах, в переполненном общественном транспорте, и здесь доля жителей, побывавших в зарубежных странах, также выше, в том числе и по причине наличия аэропортов. Статистика по г. Москва это подтверждает (см. табл. 1). С другой стороны, внутрироссийские мигранты часто поддерживают связь с местом своего происхождения, обладают большей мобильностью, и, следовательно, их большее количество как в регионе прибытия, так и в регионе-доноре может влиять на скорость и масштаб заболеваемости. Например, временные трудовые мигранты могли способствовать распространению коронавирусной болезни, вернувшись из Москвы в регионы Центральной России или на Север (Zemtsov, Baburin 2020). Эти результаты могут объяснить высокий уровень тревожности в ХМАО, хотя официальная статистика заболеваемости COVID-19 по ХМАО была ниже в сравнении с другими тремя исследуемыми регионами (см. табл. 1). Кроме того, данные свидетельствуют о том, что экстремальные климато-географические условия Севера вызывают экологически обусловленный стресс, проявляющийся в повышении психоэмоционального напряжения, уровня тревожности (Кожокарь и др. 2017). Это может косвенно указывать на изначально более высокий уровень тревоги в ХМАО до пандемии. К сожалению, данных по нашим опросникам у жителей ХМАО до пандемии нам найти не удалось.

На вопрос «Вызывают ли у вас официальные сообщения о COVID-19 и предписания агрессию/гнев?» 23,4% респондентов ответили положительно, 76,6% – отрицательно. По регионам наиболее агрессивно настроенными по отношению к официальной информации были респонденты из Москвы (33,2% ответили «да»), далее – жители Ростовской области (26,8%), Татарстана (15,5%), наименьшее количество – в ХМАО (13,3%). Распределение самооценок по отдельным шкалам агрессивного поведения по четырем регионам представлено на рис. 2. Самыми агрессивными были москвичи по всем шкалам агрессии, далее следуют жители Ростовской области, ХМАО и Татарстана.

Предыдущие исследования изменения агрессивности во время COVID-19 неоднородны: в одних работах показано, что во время изоляции и ограничения передвижений уровень агрессивности повышался, в том числе в зависимости от жесткости таких ограничений, например в США (Killgore et al. 2021) и России (Klimovich-Mickael et al. 2021), а в других странах – напротив, снижался, вероятно, заставив людей осознать хрупкость и ценность жизни, например в Китае (Zhang et al. 2020).

Далее мы решили проверить, как связан уровень агрессивности в целом с доверием к официальным источникам, так как это могло бы послужить объяснением полученным различиям по регионам.

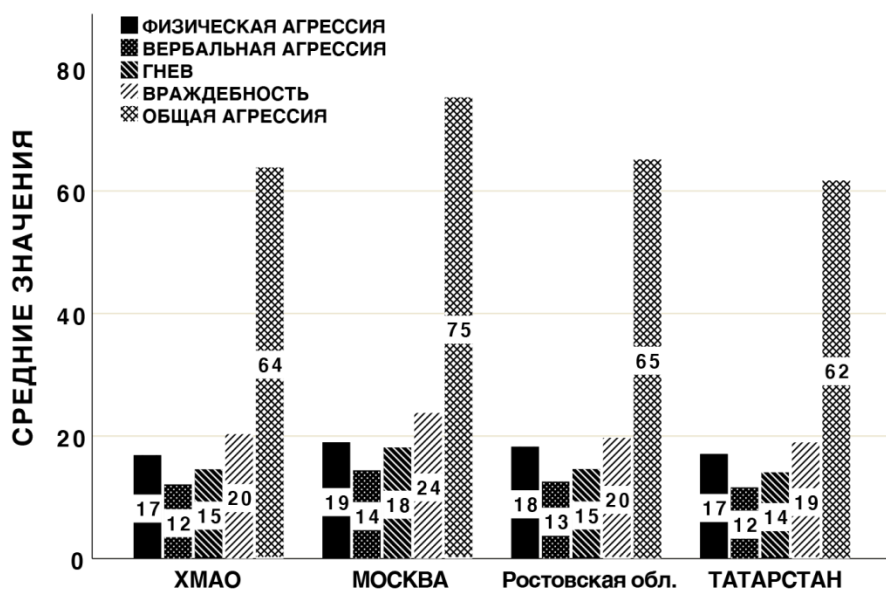

Рис. 2. Уровни агрессии в четырех регионах России

Проведенный регрессионный анализ показал статистически значимую зависимость между вопросом «Доверяете ли вы информации, идущей из официальных источников (правительству)?» и уровнем тревожности по ГТР-7 ($B = 1,040$; $SE = 0,245$; $Beta = 0,103$; $t = 4,250$; $p = 0,00002$), уровнем ситуативной тревожности ($B = 1,739$; $SE = 0,585$; $Beta = 0,072$; $t = 2,971$; $p = 0,003$) и общим уровнем агрессии ($B = 6,433$; $SE = 0,986$; $Beta = 0,159$; $t = 6,527$; $p = 8,62E-11$). Кроме того, значимые взаимосвязи найдены для вопроса «Достаточно ли введенные ограничительные меры?» с уровнем тревожности по ГТР-7 ($B = 1,036$; $SE = 0,232$; $Beta = 0,105$; $t = 4,463$; $p = 0,000009$), уровнем ситуативной тревожности ($B = 3,032$; $SE = 0,555$; $Beta = 0,128$; $t = 5,465$; $p = 5,2435E-8$) и общим уровнем агрессии ($B = 2,039$; $SE = 0,936$; $Beta = 0,052$; $t = 2,178$; $p = 0,029$). Направление зависимостей представлено на рис. 3, 4.

На рис. 3 показано, что Московский регион выделяется на фоне остальных – зависимости уровня тревожности и агрессии от наличия доверия к власти не обнаружено, тогда как в остальных регионах средние оценки по всем шкалам возрастают в случае, когда респонденты не доверяют официальным источникам. При этом количество доверяющих и не доверяющих разделилось следующим образом: Москва – 37,1% доверяющих против 62,9% не доверяющих, Ростовская область – 31,7% против 68,3%, Татарстан – 43,9% против 56,1% и ХМАО – 57,7% против 42,3%. Таким образом, самыми недоверчивыми по отношению к официальным источникам были жители Ростовской области и Москвы.

Однако стратегии поведения в данных регионах сложились по-разному: в Москве наличие доверия никак не влияло на уровни тревожности и агрессии, а в Ростовской области, напротив, у недоверяющих официальным источникам респондентов уровень тревоги и агрессии был значительно выше (рис. 3).

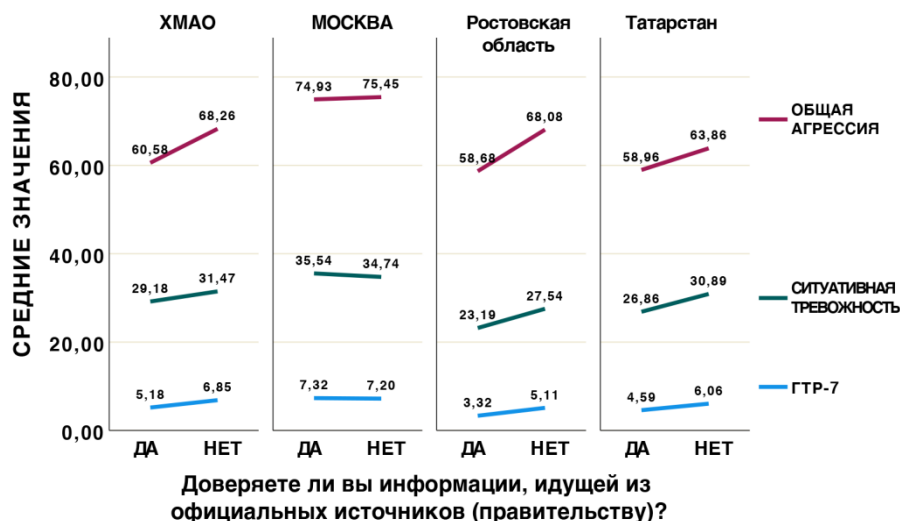

Рис. 3. Взаимосвязь уровней тревожности и агрессии в четырех регионах России и вопроса о доверии официальным источникам

На рис. 4 показано, что во всех регионах уровень тревожности и агрессии был выше у тех респондентов, которые считали, что принятые властями меры против распространения COVID-19 недостаточны (рис. 4). Что касается мнения наших респондентов по поводу достаточности введенных ограничений, голоса распределились следующим образом: Москва – 33,2% утверждали, что мер достаточно, против 66,8% (недостаточно), Ростовская область – 50,1% против 49,9%, Татарстан – 41,7% против 58,3% и ХМАО – 44,8% против 55,2%. Таким образом, больше всех были довольны введенными ограничениями жители Ростовской области, а самыми недовольными оказались москвичи.

Приведенные результаты вполне согласуются с данными, полученными в предыдущих исследованиях, указывающих на влияние фактора доверия предпринимаемым мерам со стороны правительств разных государств. Восприятие действий правительства как эффективных способствует удовлетворению жизнью и поддерживает защитное поведение в отношении здоровья (Helliwell, Huang 2008). Доверие общества к правительству имеет жизненно важное значение для реализации социальной политики, основанной на поведенческой реакции общества.

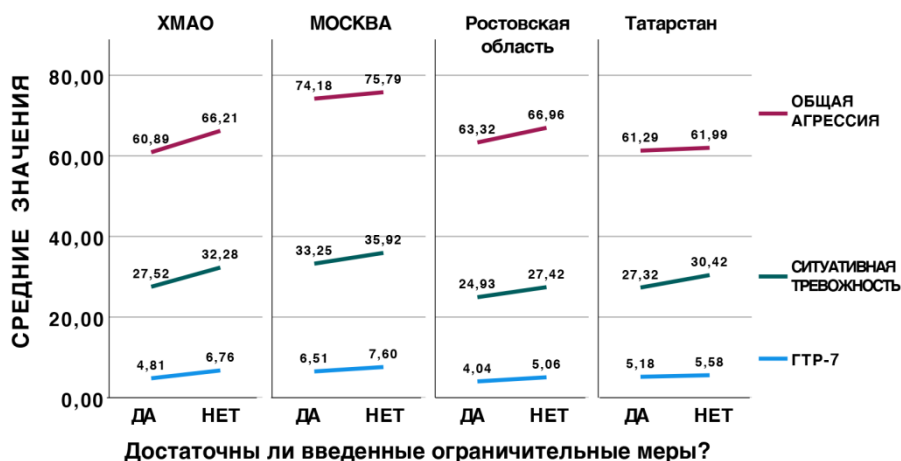

Рис. 4. Взаимосвязь уровней тревожности и агрессии в четырех регионах России и вопроса о достаточности введенных ограничений

Так, в одном из наших исследований, проведенных среди русскоязычных граждан 33 стран мира, было показано, что при наличии доверия к власти люди демонстрировали лучшую осведомленность о предписанной дистанции общения и отмечали большую дистанцию общения, что косвенно указывает на более серьезное отношение властей к принимаемым на государственном уровне ограничительным мерам и, как следствие, показывает большую осторожность населения (Феденок, Буркова 2020). В кросс-культурном исследовании Мекеле с соавторами было показано, что страны, жители которых были недовольны усилиями правительства по борьбе с пандемией (например, Бразилия, Колумбия и США), оценили эффективность правительственной реакции как более низкую, чем лица из трех других стран, участвовавших в этом исследовании (Mækelæ et al. 2020). Опасения за собственное здоровье по поводу заражения COVID-19 были менее важны на первой стадии пандемии с точки зрения предполагаемой эффективности реакций, а вот уверенность в способности общества бороться со вспышкой и общим низким уровнем дистресса была более значима (Mækelæ et al. 2020). Чем меньше человек доверял своему правительству, тем отчетливее выражал негативные суждения о предполагаемом риске, беспокойстве и страхе по поводу вируса по время пандемии свиного гриппа (Hilton, Smith 2010). По данным, собранным в период предшествующих вспышек гриппа, Эболы и других вирусных заболеваний, вера в способность общества противостоять вирусной угрозе может влиять на соблюдение установленных ограничений и предписаний, а также на самооценку собственных реакций как эффективных средств поддержки профилактического поведения в отношении здоровья (Rubin et al. 2009;

Bish, Michie 2010; Taglioni et al. 2013; Blair et al. 2017). В ряде исследований также отмечена взаимосвязь между жесткостью ограничений и эффективностью действий правительства. Страны с менее жесткими правительственными действиями на момент опроса, а именно Германия и Норвегия, имели самый низкий рейтинг эффективности ограничений (Mækela et al. 2020). Обращает на себя внимание тот факт, что высокое доверие к правительству было значительно связано с более высоким уровнем принятия здорового и просоциального поведения в общей выборке (Han et al. 2020). Таким образом, в контексте текущей пандемии COVID-19 более эффективное регулирование и организация ограничительных и профилактических мер могут повысить общественную поддержку и доверие к правительству.

Заключение

Результаты проведенного исследования показывают, что регион проживания имеет важное значение при оценке уровня тревожности и агрессии во время распространения COVID-19. Самые высокие оценки по обоим шкалам тревоги наблюдались в Москве, далее следовали ХМАО, Татарстан и Ростовская область. При этом Татарстан и Ростовская область попали в низкую зону тревожности, а Москва и ХМАО – в умеренную. Наибольшее количество респондентов с уровнем депрессивной тревожности наблюдалось в ХМАО и Москве, максимальные оценки по ситуативной тревожности были почти в два раза выше у москвичей. Наименее стрессированными были жители Ростовской области. Результаты по Москве в целом отражают тенденцию большей тревожности жителей крупных городов и мегаполисов (вследствие высокой интенсивности взаимодействия людей в многоэтажных домах, общественном транспорте, большей доли жителей, побывавших в зарубежных странах), тогда как в ХМАО возможными факторами высокого уровня тревожности могли послужить как большое количество временных трудовых мигрантов и их перемещения, так и изначально более высокая тревожность как следствие экстремальных климато-географических условий Севера.

Важным фактором, влияющим на уровень агрессивности во время COVID-19, был уровень доверия к официальной информации. Наиболее агрессивно настроенными по отношению к информации из официальных источников были респонденты из Москвы, далее – жители Ростовской области, Татарстана, наименьшее количество – жители ХМАО. В целом распределение самооценок по отдельным шкалам агрессивного поведения также показывает, что самыми агрессивными были москвичи по всем шкалам агрессии, далее следуют жители Ростовской области, ХМАО и Татарстана.

В свете полученных результатов Московский регион выделяется на фоне остальных — зависимости уровня тревожности и агрессии от наличия доверия к власти не обнаружено, тогда как в остальных регионах средние оценки по всем шкалам возрастали в случае, когда респонденты не доверяли официальным источникам. Самыми недоверчивыми были жители Ростовской области и Москвы. Однако, по всей видимости, в Москве наличие доверия официальным источникам никак не влияло на уровни тревожности и агрессии, а в Ростовской области, напротив, у недоверчивых респондентов уровень тревоги и агрессии был значительно выше. Во всех регионах уровень тревожности и агрессии был выше у тех групп населения, кто считал, что принятые властями меры против распространения COVID-19 недостаточны. Больше всех были удовлетворены введенными ограничениями жители Ростовской области, а самыми недовольными оказались москвичи.

Данные по тревожности и стрессированности жителей четырех регионов России в период первой волны коронавируса и локдауна свидетельствуют о том, что личная реакция зависит от места проживания респондента и принимаемых антиковидных мер в регионе. В данном случае речь может идти о комплексе факторов, включая культурную специфику, размеры города, уровень миграции населения, наличие учреждений и их доступность, уровень доверия региональным властям и пр. Эти данные могут быть использованы в качестве дополнительного источника информации для принятия практических мер по преодолению пандемии в настоящее время. Более эффективное регулирование и организация ограничительных и профилактических мер может повысить общественную поддержку и доверие к правительству. В этом контексте не последнее место должно занимать повышение роли науки и популяризация научных достижений в обществе. Особое внимание желательно уделить повышению общего уровня грамотности населения относительно шагов медицины в борьбе с пандемиями прошлого и роли ученых и медицинских работников в преодолении этих кризисов.

Примечания

¹ Проект «Оксфордский трекеп» – Systematic dataset of US sub-national Covid-19 policy data. URL: <https://github.com/OxCGRT/USA-covid-policy> (дата обращения: 10.12.2021).

² Путин расширил полномочия губернаторов для борьбы с коронавирусом // Ведомости. 2020 г. 02 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/04/02/826921-putin-rasshiril-polnomochiya> (дата обращения: 18.11.2021).

³ Введение ограничительных мер можно проследить на официальном сайте мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/search?category=newsfeed&page=1&q=коронавирус>

⁴ Введение ограничительных мер можно проследить на официальном сайте Правительства Республики Татарстан, раздел «Новости». URL: <https://prav.tatarstan.ru/index.htm/news>

⁵ Распоряжение губернатора Ростовской области от 16.03.2020 № 43 «О введении режима повышенной готовности на территории Ростовской области и мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)». URL: <https://www.donland.ru/documents/11527/>

⁶ Вернулась из Европы. Власти Югры рассказали о пациентке, у которой подтверждён коронавирус. URL: in-news.ru/news/zdorovie/vernulas-iz-evropy-vlasti-yugry-rasskazali-o-patsientke-u-kotoroy-podtverzhden-koronavirus.html (дата обращения: 18.11.2021).

⁷ В Югре скончалась пациентка с коронавирусной инфекцией. URL: <https://admhmao.ru/press-center/vse-novosti/v-yugre-skonchalas-patsientka-s-koronavirusnoy-infektsiey/> (дата обращения: 18.11.2021).

⁸ Коронавирус: дашборд. Источник: стопкоронавирус.рф. URL: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbmain&state=4d4ea3bc211//

Список источников

Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / под ред. М.Л. Бутовской. М.: Научный мир, 2006.

Бохан М.В. Новейшие страницы истории здравоохранения Югры, или как врачи Ханты-Мансийского автономного округа борются с COVID-19 // Научные исследования высшей школы: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 2020). Пенза, 2020. С. 66–72.

Буркова В.Н., Каспарова Е.Н., Бутовская М.Л. Тревожность и агрессия в условиях COVID-19: половые и культурные различия (на примере Минска и Москвы) // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2021. Т. 12, № 4. С. 580–596. DOI: 10.34883/PI.2021.12.4.001

Ковалев Е.В., Твердохлебова Т.И., Карпущенко Г.В., Ерганова Е.Г., Агафонова В.В., Рындич А.А., Суладзе А.Г., Колтаков Д.С., Долгова Н.Н., Алексанина Н.В., Алеизкина А.В., Литовко А.Р., Алешукин Г.С., Денисенко В.В. Эпидемиологическая ситуация по новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Ростовской области: анализ и прогноз // Медицинский вестник Юга России. 2020. № 11 (3). С. 69–78. DOI: 10.21886/2219-8075-2020-11-3-69-78

Кожокарь К.Г., Урванцева И.А., Николаев К.Ю. Ассоциации психосоциальных факторов риска и употребления алкоголя с острым коронарным синдромом у пациентов, проживающих в условиях Севера // Север России: стратегии и перспективы развития: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. (Сургут, 26 мая 2017 г.). Сургут: ИЦ СурГУ, 2017. Т. III. С. 114–118.

Опросник ГТР-7 (GAD-7) и рекомендации WFSBP по терапии генерализованного тревожного расстройства // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2013. № 2. С. 71.

Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б. и др. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206

Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л. Исследование тревожности // Диагностика эмоционально-нравственного развития / под ред. И.Б. Дерманова. СПб.: Речь, 2002. С. 124–126.

Тузова О.Н., Попова Е.М. Психоземциональное состояние населения Российской Федерации в период самоизоляции // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Константинов. М.: Перо, 2021. С. 330–336.

Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40. DOI: 10.17223/2312461X/28/1

Berta A., Angel C.M., Clara G.S., Manuel M. The psychological impact of six weeks of lockdown as a consequence of COVID-19 and the importance of social support: a cross-

- cultural study comparing Spanish and Russian populations // *Psychology in Russia: State of the art*. 2020. № 13(4). P. 89–105. DOI: 10.11621/pir.2020.0406
- Bish A., Michie S. Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: a review // *British Journal Health Psychology*. 2010. № 15. P. 797–824. DOI: 10.1348/135910710X485826
- Blair R.A., Morse B.S., Tsai L.L. Public health and public trust: Survey evidence from the Ebola Virus Disease epidemic in Liberia // *Social Science & Medicine*. 2017. № 172. P. 89–97.
- Brailovskaia J., Cosci F., Mansueto G., Miragall M., Herrero R., Baños R.M. et al. The association between depression symptoms, psychological burden caused by Covid-19 and physical activity: An investigation in Germany, Italy, Russia, and Spain // *Psychiatry Research*. 2021. № 295. 113596. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.113596
- Brzezinski A., Deiana G., Kecht V., Van Dijke D. The covid-19 pandemic: government vs. community action across the United States // *Covid Economics: Vetted and Real-Time Papers*. INET Oxford Working Paper No. 2020-06. 2020. P. 115–156.
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *Lancet*. 2020. № 395. P. 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, № 4017. DOI: 10.3390/su13074017
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K., Donato S., Fedenok J.N. et al. Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, № 7431. DOI: 10.3390/su13137431
- Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. № 63. P. 452–459.
- Cao C., Li N., Liu L. Do national cultures matter in the containment of COVID-19? // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2020. Vol. 40, № 9/10. P. 939–961. DOI: 10.1108/IJSSP-07-2020-0334
- Dean D.J., Tso I.F., Giersch A., Lee H.S., Baxter T., Griffith T., Song L., Park S. Cross-cultural comparisons of psychosocial distress in the USA, South Korea, France, and Hong Kong during the initial phase of COVID-19 // *Psychiatry Research*. 2021. Vol. 295, № 113593. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.113593
- Hale T., Webster S., Petherick A., Phillips T., Kira B. Oxford COVID-19 Government Response Tracker // *Blavatnik School of Government*. 2020. URL: www.bsg.ox.ac.uk/covidtracker
- Han Q., Zheng B., Cristea M., Agostini M., Belanger J., Gutzkow B., Kreienkamp J., Leander P. Trust in government and its associations with health behaviour and prosocial behaviour during the COVID-19 pandemic // *PsyArXiv*. 2020. URL: <https://psyarxiv.com/p5gns/>
- Helliwell J.F., Huang H. How's your government? International evidence linking good government and well-being // *British Journal of Political Science*. 2008. Vol. 38. P. 595–619. DOI: 10.1017/S0007123408000306
- Hilton S., Smith E. Public views of the UK media and government reaction to the 2009 swine flu pandemic // *BMC Public Health*. 2010. Vol. 10, № 697. DOI: 10.1186/1471-2458-10-697
- Killgore W.D.S., Cloonan S.A., Taylor E.C., Anlap I., Dailey N.S. Increasing aggression during the CoViD-19 lockdowns // *Journal of affective disorders reports*. 2021. № 100163.
- Klimovich-Mickael A., Kubick N., Milanese E., Dobre M., Łazarczyk M., Wijas B., Sacharczuk M., Mickael M.-E. Trends of Anger and Physical Aggression in Russian Women During COVID-19 Lockdown // *Frontiers in Global Women's Health*. 2021. Vol. 2, № 698151. DOI: 10.3389/fgwh.2021.698151
- Kowal M., Coll-Martin T., Ikizer G., Rasmussen J. et al. Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 946–966.

- Limcaoco R.S., Mateos E.M., Fernandez J.M., Roncero C. Anxiety, worry and perceived stress in the world due to the COVID-19 pandemic, March 2020. Preliminary results // The International Journal of Psychiatry in Medicine. 2021. P. 1–14. DOI: 10.1177/00912174211033710
- Mækelæ M.J., Reggev N., Dutra N., Tamayo R.M., Silva-Sobrinho R.A., Klevjer K., Pfuhl G. Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries // Royal Society Open Science. 2020. Vol. 7, № 8. 200644. DOI: 10.1098/rsos.200644
- Rodriguez S., Valle A., Piñeiro I., González-Suárez R., Díaz F.M., Vieites T. COVID-19 Lockdown: Key Factors in Citizens' Stress // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12, № 666891. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.666891
- Rubin G.J., Amlot R., Page L., Wessely S. Public perceptions, anxiety, and behaviour change in relation to the swine flu outbreak: cross sectional telephone survey // BMJ. 2009. Vol. 339, № b2651. DOI: 10.1136/bmj.b2651
- Sebastiani G., Massa M., Riboli E. Covid-19 epidemic in Italy: evolution, projections and impact of government measures // European journal of epidemiology. 2020. Vol. 35 (4). P. 341–345. DOI: 10.1007/s10654-020-00631-6
- Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective // Sustainability. 2021a. Vol. 13 (3), № 1110. DOI: 10.3390/su13031110
- Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Spatial and Social Behavior of Single and Coupled Individuals of Both Sexes during COVID-19 Lockdown Regime in Russia // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021b. Vol. 18 (8), № 4283. DOI: 10.3390/ijerph18084283
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // Archives of internal medicine. 2006. № 166. P. 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Taglioni F., Cartoux M., Dellagi K., Dalban C., Fianu A., Carrat F., Favier F. The influenza A (H1N1) pandemic in Reunion Island: knowledge, perceived risk and precautionary behaviour // BMC Infectious Disease. 2013. Vol. 13, № 34. DOI: 10.1186/1471-2334-13-34
- Van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A., Cikara M., Ellemers N. Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response // Nature Human Behavior. 2020. Vol. 4. P. 460–471. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z
- Yang Y., Li W., Zhang Q., Zhang L., Cheung T., Xiang Y.T. Mental health services for older adults in China during the COVID-19 outbreak // Lancet. Psychiatry. 2020. Vol. 20, № 30079-1. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30079-1
- Zemtsov S.P., Baburin V.L. Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions // Population and economics. 2020. Vol. 4, № 2. P. 158–181. DOI: 10.3897/popecon.4.e54055
- Zhang Y., Zhang H., Ma X., Di Q. Mental health problems during the COVID-19 pandemics and the mitigation effects of exercise: a longitudinal study of college students in China // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17 (10), № 3722. DOI: 10.3390/ijerph17103722

References

- Aggressiia i mirnoe sosushchestvovanie: universal'nye mekhanizmy kontroliia sotsial'noi napriazhennosti u cheloveka* [Aggression and peaceful coexistence: universal mechanisms for controlling social tension in humans]. Ed. by Butovskaya M.L. Moscow: Nauchnyi mir, 2006.
- Bokhan M.V. (2020) Noveishie stranitsy istorii zdavookhraneniia lugry, ili kak vrachi khandy-mansiiskogo avtonomnogo okruga boriutsia s COVID-19 [The latest pages in the history of healthcare in Ugra, or how doctors of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug are

- fighting COVID-19]. In: *Sb. statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnye issledovaniia vysshei shkoly» (Penza, 2020)* [Collection of articles of the IV International scientific and practical conference “Scientific research of higher education”. Penza 2020], pp. 66–72.
- Burkova V.N., Kasparova E.N., Butovskaia M.L. (2021) Trevozhnost' i agressiia v usloviakh COVID-19: polovye i kul'turnye razlichii (na primere Minska i Moskvy) [Anxiety and aggression in the context of COVID-19: sex and cultural differences (on the example of Minsk and Moscow)], *Psikhiatriia, psikhoterapiia i klinicheskaiia psikhologiiia*, Vol. 12, no. 4, pp. 580–596. doi: 10.34883/PI.2021.12.4.001
- Kovalev E.V., Tverdokhlebova T.I., Karpushchenko G.V., Erganova E.G., Agafonova V.V., Ryndich A.A., Suladze A.G., Kolpakov D.S., Dolgova N.N., Aleksanina N.V., Aleshukina A.V., Litovko A.R., Aleshukin G.S., Denisenko V.V. (2020) Epidemiologicheskaiia situatsiia po novoi koronavirusnoi infektsii (COVID-19) v Rostovskoi oblasti: analiz i prognoz [Epidemiological situation of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Rostov region: analysis and forecast], *Meditsinskii vestnik Iuga Rossii*, no. 11(3), pp. 69–78. doi: 10.21886/2219-8075-2020-11-3-69-78.
- Kozhokar' K.G., Urvantseva I.A., Nikolaev K.Iu. Assotsiatsii psikhosotsial'nykh faktorov riska i upotrebleniia alkogolia s ostrym koronarnym sindromom u patsientov, prozhivaiushchikh v usloviakh severa [Associations of psychosocial risk factors and alcohol use with acute coronary syndrome in patients living in the north]. In: *Sb. materialov III Vse-ros. nauch.-prakt. konf. «Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiia» (Surgut, 26 maiia 2017 g.)* [Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference “North of Russia: strategies and development prospects”. Surgut, May 26, 2017]. Surgut: ITs SurGU, 2017, Vol. III, pp. 114–118.
- Oprosnik GTR-7 (GAD-7) i rekomendatsii WFSBP po terapii generalizovannogo trevozhnogo rasstroistva [A brief measure of GAD-7 and Guidelines for the pharmacological treatment of WFSBP], *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoi psikhologii*, 2013, no. 2, pp. 71.
- Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B. et al. (2020) Vospriiatie COVID-19 naseleniem Rossii v usloviakh pandemii 2020 goda [Perception of COVID-19 during the 2020 pandemic in Russia], *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiiia*, Vol. 9, no. 2, pp. 119–146. doi: 10.17759/cpse.2020090206
- Spilberger Ch.D., Khanin Iu.L. (2002) Issledovanie trevozhnosti [Studies on anxiety]. In: *Diagnostika emotsional'no-nravstvennogo razvitiia* [Diagnostics of emotional and moral development]. Ed. by Dermanova I.B. St. Petersburg: Rech', pp. 124–126.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. (2006) A brief measure for assessing generalized anxiety disorder, *Archives of internal medicine*, no. 166, pp. 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Tuzova O.N., Popova E.M. (2021) Psikhoemotsional'noe sostoiianie naseleniia Rossiiskoi Federatsii v period samoizoliatsii [The psychoemotional state of the population of the Russian Federation during the period of self-isolation]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia massovogo soznaniia: materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Trending problems of the study of mass consciousness: materials of the 6th International scientific and practical conference]. Ed. by V.V. Konstantinov. Moscow: Izdvo «Pero», pp. 330–336.
- Fedenok Iu.N., Burkova V.N. (2020) Sotsial'noe distantsirovanie kak al'truizm v usloviakh pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social distancing as altruism in the context of the coronavirus pandemic: a cross-cultural study], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 6–40. doi: 10.17223/2312461X/28/1
- Berta A., Ángel C.M., Clara G.S., Manuel M. (2020) The psychological impact of six weeks of lockdown as a consequence of COVID-19 and the importance of social support: a cross-cultural study comparing Spanish and Russian populations, *Psychology in Russia: State of the art*, no. 13(4), pp. 89–105. doi: 10.11621/pir.2020.0406

- Bish A., Michie S. (2010) Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: a review, *British Journal Health Psychology*, no. 15, pp. 797–824. doi: 10.1348/135910710X485826
- Blair R.A., Morse B.S., Tsai L.L. (2017) Public health and public trust: Survey evidence from the Ebola Virus Disease epidemic in Liberia, *Social Science & Medicine*, no. 172, pp. 89–97.
- Brailovskaia J., Cosci F., Mansueto G., Miragall M., Herrero R., Baños R.M., ... and Margraf J. (2021) The association between depression symptoms, psychological burden caused by COVID-19 and physical activity: An investigation in Germany, Italy, Russia, and Spain, *Psychiatry Research*, no. 295, 113596. doi: 10.1016/j.psychres.2020.113596
- Brzezinski A., Deiana G., Kecht V., Van Dijke D. (2020) The COVID-19 pandemic: government vs. community action across the United States. In: *Covid Economics: Vetted and Real-Time Papers*. INET Oxford Working Paper, No. 2020-06, pp. 115–156.
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. (2020) The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence, *Lancet*, no. 395, pp. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N. et al. (2021) Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries, *Sustainability*, Vol. 13, no. 4017. doi: 10.3390/su13074017
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K., Donato S., Fedenok J.N. et al. (2021) Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave, *Sustainability*, Vol. 13, no. 7431. doi: 10.3390/su13137431
- Buss A.H., Perry M. (1992) The Aggression Questionnaire, *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 63, pp. 452–459.
- Cao C., Li N., Liu L. (2020) Do national cultures matter in the containment of COVID-19?, *International Journal of Sociology and Social Policy*, Vol. 40, no. 9/10, pp. 939–961. doi: 10.1108/IJSSP-07-2020-0334
- Dean D.J., Tso I.F., Giersch A., Lee H.S., Baxter T., Griffith T., Song L., Park S. (2021) Cross-cultural comparisons of psychosocial distress in the USA, South Korea, France, and Hong Kong during the initial phase of COVID-19, *Psychiatry Research*, Vol. 295, no. 113593. doi: 10.1016/j.psychres.2020.113593
- Hale T., Webster S., Petherick A., Phillips T., Kira B. (2020) *Oxford COVID-19 Government Response Tracker*. Blavatnik School of Government. Available at: www.bsg.ox.ac.uk/covidtracker
- Han Q., Zheng B., Cristea M., Agostini M., Belanger J., Gutzkow B., Kreienkamp J., Leander P. (2020) Trust in government and its associations with health behaviour and prosocial behaviour during the COVID-19 pandemic, *PsyArXiv*. Available at: <https://psyarxiv.com/p5gns/>.
- Helliwell J.F., Huang H. (2008) How's your government? International evidence linking good government and well-being, *British Journal of Political Science*, Vol. 38, pp. 595–619. doi: 10.1017/S0007123408000306
- Hilton S., Smith E. (2010) Public views of the UK media and government reaction to the 2009 swine flu pandemic, *BMC Public Health*, Vol. 10, no. 697. doi: 10.1186/1471-2458-10-697
- Killgore W.D.S., Cloonan S.A., Taylor E.C., Anlap I., Dailey N.S. (2021) Increasing aggression during the CoViD-19 lockdowns, *Journal of affective disorders reports*, no. 100163.
- Klimovich-Mickael A., Kubick N., Milanese E., Dobre M., Łazarczyk M., Wijas B., Sacharczuk M., Mickael M.-E. (2021) Trends of Anger and Physical Aggression in Russian Women During COVID-19 Lockdown, *Frontiers in Global Women's Health*, Vol. 2, no. 698151. doi: 10.3389/fgwh.2021.698151
- Kowal M., Coll-Martin T., Ikizer G., Rasmussen J. et al. (2020) Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas, *Applied Psychology: Health and Well-Being*, Vol. 12, no. 4, pp. 946–966.

- Limcaoco R.S., Mateos E.M., Fernandez J.M., Roncero C. (2021) Anxiety, worry and perceived stress in the world due to the COVID-19 pandemic, March 2020. Preliminary results, *The International Journal of Psychiatry in Medicine*, pp. 1-14. doi: 10.1177/009121742111033710
- Mækelæ M.J., Reggev N., Dutra N., Tamayo R.M., Silva-Sobrinho R.A., Klevjer K., Pfuhl G. (2020) Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries, *Royal Society Open Science*, Vol. 7, no. 8, 200644. doi: 10.1098/rsos.200644
- Rodriguez S., Valle A., Piñeiro I., González-Suárez R., Díaz F.M., Vieites T. (2021) COVID-19 Lockdown: Key Factors in Citizens' Stress, *Frontiers in Psychology*, Vol. 12, no. 666891. doi: 10.3389/fpsyg.2021.666891
- Rubin G.J., Amlot R., Page L., Wessely S. (2009) Public perceptions, anxiety, and behaviour change in relation to the swine flu outbreak: cross sectional telephone survey, *BMJ*, Vol. 339, no. b2651. doi: 10.1136/bmj.b2651
- Sebastiani G., Massa M., Riboli E. (2020) COVID-19 epidemic in Italy: evolution, projections and impact of government measures, *European journal of epidemiology*, Vol. 35(4), pp. 341–345. doi: 10.1007/s10654-020-00631-6
- Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. (2021) Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective, *Sustainability*, Vol. 13(3), no. 1110. doi: 10.3390/su13031110
- Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. (2021) Spatial and Social Behavior of Single and Coupled Individuals of Both Sexes during COVID-19 Lockdown Regime in Russia, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, Vol. 18(8), no. 4283. doi: 10.3390/ijerph18084283
- Taglioni F., Cartoux M., Dellagi K., Dalban C., Fianu A., Carrat F., Favier F. (2013) The influenza A (H1N1) pandemic in Reunion Island: knowledge, perceived risk and precautionary behaviour, *BMC Infectious Disease*, Vol. 13, no. 34. doi: 10.1186/1471-2334-13-34
- van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A., Cikara M., Ellemers N. (2020) Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response, *Nature Human Behavior*, Vol. 4, pp. 460–471. doi: 10.1038/s41562-020-0884-z
- Yang Y., Li W., Zhang Q., Zhang L., Cheung T., Xiang Y.T. (2020) Mental health services for older adults in China during the COVID-19 outbreak, *Lancet. Psychiatry*, Vol. 20, no. 30079-1. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30079-1
- Zemtsov S.P., Baburin V.L. (2020) Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions, *Population and economics*, Vol. 4, no. 2, pp. 158–181 doi: 10.3897/popeco.4.e54055.
- Zhang Y., Zhang H., Ma X., Di Q. (2020) Mental health problems during the COVID-19 pandemics and the mitigation effects of exercise: a longitudinal study of college students in China, *International journal of environmental research and public health*, Vol. 17(10), no. 3722. doi: 10.3390/ijerph17103722

Сведения об авторах:

БУРКОВА Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); старший научный сотрудник, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: burkovav@gmail.com

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – член-корр. РАН, доктор исторических наук, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); главный научный сотрудник, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

ФЕДЕНОК Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: fed-enok.julia@gmail.com

ЕРМАКОВ Алексей Михайлович – доктор биологических наук, декан факультета «Биоинженерия и ветеринарная медицина» Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: amermakov@ya.ru

КОЛОДКИН Владимир Александрович – кандидат филологических наук, доцент Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: vkolodkin@donstu.ru

СПОДИНА Виктория Ивановна – доктор исторических наук, директор Обско-угорского института прикладных исследований и разработок ХМАО-Югры (Ханты-Мансийск, Россия). E-mail: vspodina@mail.ru

ЗИНУРОВА Раушания Ильшатовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой, директор Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия). E-mail: rushazi@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Valentina N. Burkova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation). E-mail: burkovav@gmail.com

Marina L. Butovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Julia N. Fedenok, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). fed-enok.julia@gmail.com

Alexey M. Ermakov, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: amermakov@ya.ru

Vladimir A. Kolodkin, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: vkolodkin@donstu.ru

Victoriya I. Spodina, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: vspodina@mail.ru

Raushaniya I. Zinurova, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: rushazi@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 6 января 2022 г.;
принята к публикации 4 мая 2022 г.*

*The article was submitted 06.01.2022;
accepted for publication 04.05.2022.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 7.067:316.7-053.2
doi: 10.17223/2312461X/36/9

КАМЧАТКА В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ФОТОРЕПОРТАЖЕ Г.З. ГАЙДУКЕВИЧА (1930-е гг.)

Елена Валентиновна Головнева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, golovneva.elena@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются визуальные образы Советской Камчатки 1930-х гг., представленные в фотоархиве камчатского журналиста Г.З. Гайдукевича (1911–1996), работы которого могут быть отнесены к жанру индустриального фоторепортажа. Материалы данного архива, хранящиеся в Камчатском краевом объединенном музее, впервые вводятся в научный оборот. Особенности функционирования советского индустриального фоторепортажа на локальном уровне анализируются автором в контексте реализации смежных масштабных проектов 1930-х гг. – «Киноатласа СССР» и «Истории фабрик и заводов». Выявляются приемы создания индустриального фоторепортажа 1930-х гг. как особого направления в сфере советской фотографии, а также исследуются формальные элементы, при помощи которых конструируется образ Петропавловска-Камчатского как промышленного форпоста на дальневосточной окраине СССР. Проведенное в работе исследование показало, что Г.З. Гайдукевич развил и закрепил в камчатской фотожурналистике 1930-х гг. принципы индустриального фоторепортажа, обозначенные столичными фотографами. Творческие установки камчатского журналиста в полной мере отвечали актуальной в 1930-е гг. задаче фиксации социалистического быта и роста промышленного производства на Камчатке как одном из самых отдаленных регионов Союза. Снимки, созданные Гайдукевичем в 1930-е гг. в Камчатском крае, характеризуются социальной нагруженностью и детальным портретированием повседневной действительности Советской Камчатки, введением конструктивистских приемов, отражением динамики городской жизни, фиксацией непосредственного выражения лица персонажей, а также упором на фотоинформацию. По своей направленности, приемам и идеологическому основанию индустриальный фоторепортаж Г.З. Гайдукевича органично вписывается в систему научно-творческих поисков 1930-х, направленных на визуальное позиционирование социалистического переустройства различных регионов Советского Союза. Камчатка в фотоархиве Г.З. Гайдукевича предстает как край, претерпевающий радикальные изменения в 1930-е гг. за счет строительства в нем градообразующих предприятий и инфраструктуры.

Ключевые слова: советская визуальная культура, визуальный образ, индустриальный фоторепортаж, индустриализация, советская фотопромышленность, «Киноатлас СССР», «История фабрик и заводов», фотоархив Г.З. Гайдукевича 1930-х гг., Камчатка

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00518 «Киноатлас СССР: опыт позиционирования многонационального государства» (<https://rscf.ru/project/21-18-00518/>).

Для цитирования: Головнева Е.В. Камчатка в индустриальном фоторепортаже Г.З. Гайдукевича (1930-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 159–180. doi: 10.17223/2312461X/36/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/9

Kamchatka in Industrial Photo Reportage of G.Z. Gaidukevich, 1930s

Elena V. Golovneva

*St. Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation;
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera), St Petersburg, Russian Federation,
golovneva.elena@gmail.com*

Abstract. The article considers the visual images of Soviet Kamchatka of the 1930s, presented in the photo archive of the Kamchatka journalist G.Z. Gaidukevich (1911–1996), whose works can be attributed to the genre of industrial photo reportage. The materials of this archive, stored in the Kamchatka Regional United Museum are introduced into scientific circulation for the first time. The peculiarities of the Soviet industrial photo reportage at the local level are analyzed by the author in the context of the implementation of related large-scale projects of the 1930s – the “Cinema Atlas of the USSR” and the “History of Factories and Plants”. Techniques for creating industrial photo reportage of the 1930s as a special direction in the field of Soviet photography are studied, as well as formal elements of the image of Petropavlovsk-Kamchatsky as an industrial outpost on the far eastern outskirts of the USSR is analyzed. A study conducted in this work showed that G.Z. Gaidukevich developed in Kamchatka photojournalism of the 1930s the principles of industrial photo reportage, designed by metropolitan photographers. The creative motives of the Kamchatka journalist were fully relevant the purpose of representation of socialist life in Kamchatka as one of the most remote regions of the Union in the 1930s. Pictures created by Gaidukevich in the 1930s in the Kamchatka territory are characterized by ideological content and detailed portrayal of the daily reality of Soviet Kamchatka, the introduction of constructivist techniques, the reflection of the dynamics of urban life, the fixation of the direct expression of the characters' faces, as well as an emphasis on photo information. According to its orientation, techniques and ideological basis, the industrial photo reportage of G.Z. Gaidukevich organically fits into the system of scientific and creative searches of the 1930s aimed at visual representation of the socialist development of various regions of the Soviet Union. Kamchatka in the photo archive of G.Z. Gaidukevich appears as a region undergoing radical changes in the 1930s, due to the construction of city-forming factories and infrastructure.

Keywords: Soviet visual culture, visual image, industrial photo reportage, industrialization, Soviet photo industry, “Cinema Atlas of the USSR”, “History of Factories and Plants” photo archive of G.Z. Gaidukevich in the 1930s, Kamchatka

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00518 “Cinema Atlas of the USSR: experience in positioning a multinational state” (<https://rscf.ru/project/21-18-00518/>).

For citation: Golovneva, E.V. (2022) Kamchatka in Industrial Photo Reportage of G.Z. Gaidukevich, 1930s. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 159–180. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/9

Введение

В статье представляется возможным дополнить имеющиеся в научной литературе идеи о разножанровых образах научно-творческого и идеологического позиционирования различных регионов СССР в 1930-е гг., обратившись к визуализации конкретного регионального пространства – Камчатского края – посредством фотографии. В частности, особое внимание среди региональных визуальных материалов 1930-х гг. предлагается обратить на феномен советской производственной фотографии. Ее изучение позволяет рассмотреть не только визуальные особенности функционирования пропаганды в СССР, но и провести параллели со смежными фотопроектами в мировой практике¹. Кроме того, актуальность обращения к советским производственным фоторепортажам 1930-х гг. связана с тем, что они продолжают оставаться важным инструментом в практиках работы с прошлым, имеющим интроспективную некоммерческую ценность, воплощенным в разборах архивов, авторских экскурсиях, выставках, документальных фильмах/спектаклях, сетевых проектах.

Несмотря на имеющиеся исследования в области советских фото- и кинодокументов 1920–1930-х гг. (см.: (Nunan 2010; Головнев 2021)), сформированная в ходе реализации масштабных визуальных проектов в СССР источниковая база до настоящего времени остается малоизученным феноменом. Вдвойне это относится к архивным региональным кино- и фотоматериалам, территориально удаленным от центральной России, расположенным в зоне так называемых фронтирных территорий. В частности, региональные архивы Дальнего Востока содержат ценные визуальные материалы, репрезентирующие историю развития этого края в советский период, однако они редко оказываются в поле внимания исследователей.

Предметом изучения в данной статье является фотоархив камчатского фотожурналиста Г.З. Гайдукевича, работы которого могут быть отнесены к жанру индустриального фоторепортажа 1930-х гг.² Указанный архив хранится в Камчатском краевом объединенном музее, включает в себя десятки фотографий, связанных, в том числе, с индустриализацией г. Петропавловска-Камчатского в 1930-е гг. Фотоархив Г.З. Гайдукевича является значимым историческим источником, дающим представление об идеологических основаниях и законах развития производственной фотографии в

рамках «социалистической реконструкции», однако до сих пор он не стал предметом специального осмысления в отечественной историографии. Кроме того, региональный фотоархив, созданный камчатским фотожурналистом, хорошо знакомым с краем, является репрезентативным визуальным документом, запечатлевшим образы советизации/индустриализации Камчатки.

Автор статьи предлагает следующий круг вопросов: какое место занимает производственный фоторепортаж в контексте реализации смежных масштабных проектов 1930-х гг. в СССР? Что представляет собой индустриальный фоторепортаж 1930-х гг. как значимое направление советской фотографии? Каков репрезентационный потенциал регионального фотоархива камчатского фотожурналиста Г.З. Гайдукевича? Каковы формальные элементы образа, при помощи которых конструируется образ раннесоветского промышленного Петропавловска-Камчатского в индустриальной фотографии Г.З. Гайдукевича?

В качестве методологической основы выступает конструктивистский подход (конструирование визуальных образов посредством фотографии), биографический метод, выявляющий индивидуальность отдельных фотографов, а также метод прикладного визуального анализа, предполагающий социально-культурную интерпретацию визуальных (фотографических) образов (Головнев, Головнева 2021).

Производственная пропаганда в СССР 1930-х гг.: «Киноатлас СССР», «История фабрик и заводов» и фоторепортаж

Во второй половине 1920-х гг., со времени проведения знаковой для своего времени выставки, устроенной в Доме печати московской ассоциацией фоторепортеров (1926), газеты заговорили о возникновении фоторепортажа как самостоятельной отрасли советской фотографии. Выставка вызвала громадный интерес в массах к фотосериям и фотоочеркам, вернисажи посещали тысячи зрителей, газеты и журналы публиковали обзоры и рецензии (Стигнеев 2016: 31). Как отмечает В. Вальран, на протяжении десятилетия (1925–1935) советская пресс-фотография стала если и не самой лучшей в мире, то самой своеобразной и авангардной. Именно в советском репортаже были предложены и широко использованы такие виды фотоискусства, как: фотосерия (А. Родченко, Б. Игнатович), фотоочерк (А. Шайхет, М. Альперт, М. Марков-Гринберг), фотокнига (журнал «СССР на стройке», который оформляли Э. Лисицкий, А. Родченко, В. Степанова) (Вальран 2018: 329). При этом жанр фоторепортажа и крупные фотопроекты разворачивались в СССР параллельно с двумя грандиозными проектами 1930-х гг.: проектом по визуализации народов и культур Союза – «Киноатласом СССР» и литературным проектом «История фабрик и заводов» (ИФЗ),

идеологическое обоснование которого принадлежало А.М. Горькому. Чрезвычайно важными задачами в развитии этих проектов в 1930-е гг. являлись развитие культурно-просветительских возможностей искусства и вытеснение из внутреннего оборота заграничной, импортной продукции – литературы, фотографических изображений и фильмов (Лемберг 1930).

И «летопись индустриализации», и создание «Киноатласа СССР» в эти годы рассматривались в качестве конструирования «настоящей», пролетарской истории (письменной и визуальной), в противоположность истории, доставшейся от буржуазного общества. Главным итогом работы по созданию «Киноатласа СССР» должно было стать появление 150-серийного киноальманаха о народах и регионах СССР (Головнев 2020), а итогом реализации ИФЗ – издание серии книг, составляющих в комплексе, по мысли Горького, «энциклопедию нашего строительства в динамике» (Журавлев 1997: 153). Назначение «Киноатласа СССР» и ИФЗ, таким образом, рассматривалось их идеологами в одном ключе – подкреплять, визуально и письменно иллюстрировать историческими фактами и свидетельствами победу пролетарской революции на огромной территории Союза.

В рамках реализации «Киноатласа СССР» и ИФЗ особый акцент был сделан на производственной пропаганде, освещении строительства Советского государства, целью чего было создание нового человека – человека труда. По словам А.М. Горького, уделявшего большое внимание не только литературе и кинематографу, но и фотографии, участвовавшего в создании больших иллюстрированных журналов «СССР на стройке» и «Наши достижения», «основным героем наших книг мы должны избрать труд, т.е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники...» (Горький 1937: 463). На киножурналы и фоторепортажи в прессе при этом возлагались особые надежды – доступным языком освещать строительство новой жизни и визуально «подгонять» возведение отдельных предприятий, создавая иллюзию высоких темпов производства. Номер «Советского фото» тех лет открывался цитатой: «Только тот Советский фотограф, кто отдает ВСЕ свои фотознания и ВСЕ свое фотоискусство делу пропаганды пятилетки и коллективизации, кто с аппаратом в руках участвует в социалистическом строительстве и классовой борьбе» (Стигнеев 2016: 104). В этой связи индустриальная тематика в годы первых пятилеток переместилась на первые страницы журналов, а киновыпуски, посвященные производственным процессам, являлись непрерывной «кинематографической газетой», освещающей социалистическую стройку (Пиотровский 1969: 220).

Например, на фабрике «Межрабпом-фильм» при поддержке А.М. Горького в 1929 г. был создан киножурнал «Наши достижения», съемочный план которого детально прорабатывался совместно с редакцией одноименного печатного журнала и охватывал самые широкие

участки строительства и быта Союза. На пленке режиссера И.Г. Грабского «Наши достижения» были запечатлены Шатурская ГРЭС, электропоезд, выпущенный Мытищенским заводом, нефтяные вышки в Грозном и т.д. (Плотникова 2018: 29). На совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров в 1935 г. Горький утверждал: «Мы можем советский день показать, будничный советский день, весь день во всей стране, начиная от Арктики и кончая границами Средней Азии – до Памира, начиная от Владивостока и кончая Одессой, Астраханью или Эриванью, – весь наш советский день, что случилось за день» (Горький 1953: 436).

Очевидно, что бум кино- и фотопродукции в конце 1920–1930-х гг. не был бы возможен без ведомственного госзаказа. В 1931 г. было создано Союзфото – всесоюзная государственная организация по централизованному выпуску фотоиллюстраций для газет и журналов, книжных издательств с целью повысить эффективность политической агитации и пропаганды. По словам влиятельного в тот период времени фотокритика Л. Межеричера, «становится вопрос о направлении фотографии целиком на путь общественного служения, на путь участия в социалистическом строительстве страны, на путь выполнения пролетарских классовых задач» (цит. по: Стигнеев 2016: 95). Создаваемый фотоиллюстративный ряд для максимального освещения советской действительности, по замыслу идеологов, должен был сочетать в себе художественное и аналитическое начало, быть востребованным в разных областях науки и техники. Упор делался на рационализацию, научную организацию труда, приближение производства к источникам сырья, специализацию районов Союза в соответствии с их природными и социальными потребностями. Неслучайно редакции печатных изданий в различных регионах СССР уже с момента своего создания занимались организацией собственной сети фотокорреспондентов, включали их в систему творческого (социалистического) соревнования. И если фотографии конца 1920-х – начала 1930-х гг. были еще не очень высокого качества из-за низких полиграфических возможностей типографии тех лет, то к 1934 г. уровень развития фотографии позволил создавать большое число качественных крупноформатных снимков на тему индустриализации (Орлова 2005: 192). Используя наглядно-образные средства, фотокорреспонденты подчеркивали производственную проблему, анализировали успехи социалистического строительства, демонстрировали общественную деятельность работников и работниц, изображая образы героев и героинь того времени³.

Предполагалась неразрывная связь фоторепортажа с партийной печатью, а через нее – с реальными проблемами жизни. Агитация в советских фоторепортажах и киножурналах 1920–1930-х гг. пропагандистски заключалась в самом подборе фотоснимков/кинокадров и их информационном объяснении. Фотографу-документалисту необходимо

было «ставить» фотографии аналогично тому, как режиссер ставит фильм, нередко совмещать в себе функции сценариста, оператора и костюмера-гримера. Особое внимание уделялось изображению и информации, в ценностном плане формирующим трудовую дисциплину и этику труда (своевременный приход на работу, добросовестное выполнение поставленных задач, бережное отношение к оборудованию, чистота на рабочем месте и т.п.). Нвапример, редактор журнала «Огонек» М.Н. Кольцов в 1920-е гг. относительно фотоиллюстраций в печатных изданиях говорил: «Читателю дана возможность спокойно рассмотреть иллюстрацию, прочесть, что на ней изображено и самому сделать неизбежный вывод... И это импонирует, очень подкупает читателя, которому материал дается без сюсюканий и окриков, в простом, живом и в то же время деловом, серьезном порядке» (Кольцов 1925: 25). Характерно, что аналогичные установки присутствовали и в сфере кинематографа. По выражению И.П. Трайнина, «зритель любит, чтоб все, показываемое ему на экране, было бы насыщено и чисто зрелищным, занимательным материалом. Он вовсе не идет в кино «поагитироваться». Он идет туда отдыхать, использовать свой досуг, и уже наша задача придумать и устроить так, чтоб этот нужный ему отдых и досуг были бы максимально использованы с целью организации чувств и воли зрителя в нужном нам направлении» (Трайнин 1928: 35).

В настоящее время, вне зависимости от конечного результата реализации Киноатласа СССР и ИФЗ⁴, материалы этих проектов заслуживают особого внимания уже в силу того, что в их рамках была создана беспрецедентная для своего времени источниковая база на производственную тематику, включающая архивные документы, мемуары (воспоминания, автобиографии и др.), визуальные материалы личного происхождения (фотографии, кинохроника, документальные фильмы). Широко освещая производственную, общественно-политическую и в целом культурную жизнь страны, эти идеологические тексты (как письменные, так и визуальные) активно воздействовали в первые десятилетия советской власти на неоднородную читательскую и зрительскую аудиторию, формируя у нее определенную визуальную модель индустриализации (Wolf 1999). Если задача кинематографа 1930-х гг., как утверждал С. Эйзенштейн, заключается в том, чтобы «влюбить нашу широкую аудиторию в повседневный труд, в племенного бычка, в трактор, идущий рядом с захудалой лошадежкой» (Эйзенштейн 1964: 142), то в индустриальном фоторепортаже наглядное иллюстрирование производственного плана «должно облегчить запоминание основных цифр и задач» (Малкин 1934).

Использование выражения «советский индустриальный фоторепортаж» в данном случае позволяет выявить и описать репрезентацию производственных процессов как автономной сферы опыта, как особой реальности, охватывавшей успехи советской власти в деле социалистического строительства. В русле осуществления производственной про-

паганды индустриальный фоторепортаж был излюбленным жанром журналистов, который в предвоенный период в СССР превратился в один из самых распространенных и доступных широким массам источников информации. Прежде всего такой фоторепортаж выполнял информационную роль: постадийное рассмотрение фоторепортажа могло стать предметом обсуждения специалистов в сфере промышленного производства и завершиться внесением каких-либо усовершенствований⁵. Помимо информационной функции, фоторепортаж выполнял идейно-воспитательную и агитационно-пропагандистскую функции. Он также основывался на повторяемости сюжетов и высокой частоте публикации снимков.

Кроме всего прочего, индустриальный фоторепортаж способствовал мобилизации советских граждан на промышленные стройки огромной страны (Smart 2015). Реализация данной задачи фоторепортерами проводилась посредством изображения на снимках определенных групп населения, либо отправлявшихся из всех регионов СССР на стройку промышленных объектов, либо уже ставших активными строителями «социализма» (см.: (Гуревич 2019)). Снимки, отобранные для журналов и газет, таким образом, должны были нести определенное считываемое послание. К такого рода снимкам относится, к примеру, фотография из фоторепортажа об открытии целлюлозно-бумажного комбината в Балахне А. Шайхета «Комсомолец за штурвалом» (1929), ставшая своеобразным символом индустриализации (Вальран 2018: 181).

Индустриальный фоторепортаж можно также определить как многокадровый изобразительный ряд, объединенный производственной тематикой и прокомментированный лаконичным текстом. В качестве текстового сопровождения могли выступать как цитаты из высказываний представителей власти, так и грамотные, идеологически выверенные подписи, которые направляли читателя в верное русло истолкования конкретного снимка. Индустриальный фоторепортаж – это, по сути, нарратив, в котором каждый новый кадр гармонично дополняет предыдущий и связывается с последующим, создавая единую последовательную цепь событий. В 1930-х гг. в Камчатском крае на страницах газеты «Камчатская правда» фотожурналистом Г.З. Гайдукевичем были созданы интересные работы в жанре советского индустриального фоторепортажа.

Фотоархив журналиста Г.З. Гайдукевича

Заслуженный работник культуры РСФСР Гавриил Захарович Гайдукевич (1911–1996) считается старейшим журналистом «Камчатской правды» и подлинным фотолетописцем Камчатки. Его биография во многом типична для своего времени. После окончания в Москве вечер-

него рабфака при Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова молодой инженер Гайдукевич был направлен в г. Усть-Камчатск на строительство рыбоконсервного завода № 1, а затем переведен в г. Петропавловск-Камчатский на строительство судоремонтной верфи. В этот период на Камчатке создавалась история рыбной промышленности и набирала обороты крупнейшая государственная организация на Северо-Востоке России – Акционерное Камчатское общество (АКО).

По свидетельству местных краеведов, Камчатка произвела головокружительное впечатление на Гайдукевича, решившего запечатлеть ее образы на фотоаппарат. В феврале 1936 г., находясь в отпуске в Москве, Гайдукевич купил свой первый фотоаппарат «ФЭД», а также увеличитель, реактивы и пленки. Брат Гайдукевича работал в структуре Академии наук СССР и имел доступ к фотолаборатории, в которой начинающего фотографа научили заряжать аппарат, проявлять пленки и печатать фотографии.

После своего возвращения на Камчатку фотожурналист получает партийное задание – сделать фоторепортаж о том, как осуществляется стройка цехов завода на судоремонтной верфи. Ему удалось зафиксировать на фотопленку весь производственный процесс его строительства – от заливки фундамента до пуска цехов. В 1930-е гг. Гайдукевич, являясь фоторепортером газеты «Камчатская правда», создал индустриальный фоторепортаж, посвященный также строительству жестяно-баночной фабрики в г. Петропавловске-Камчатском.

Поскольку съемки многих строящихся производственных объектов имели статус «секретных», региональным фотокорреспондентам приходилось согласовывать возможности и содержание съемочного процесса с партийными организациями и органами НКВД. Из воспоминаний Гайдукевича: «Тогда все опасались НКВД. Аресты на СРВ проводились каждую ночь. Арестовывали людей по всякому пустяку. Но в основном, я считаю, по недоверию к специалистам. Проводил аресты капитан НКВД Дуболаз. Их всегда было трое. Приезжали они по бухте на катере. И на нем увозили арестованных. Делали это только ночью... И вот как-то поздно вечером раздается стук в мою дверь. Входят Дуболаз и с ним двое военных. Сели. Он спрашивает: “Скажите, пожалуйста, вы снимали несовпадение колонн с фундаментом?” Я понял, что они все знают. И честно признался, что снимал. “А можно посмотреть? У вас отпечатанные снимки есть?” – спрашивает Дуболаз. Я достал их, пролистал, нашел. “Вот, вот, это нам и надо. Вы можете одолжить?” А я думаю: “Господи, да хоть все забирай, только меня оставь”» (К столетию «Камчатской правды»...).

3 июля 1941 г. именно Гайдукевич сделал несколько уникальных кадров в сквере Свободы во время радиотрансляции речи И.В. Сталина с призывом сплотиться для защиты Отечества от фашистских захватчиков и

твёрдо верить в победу. В апреле 1943 г. фотожурналиста Гайдукевича призвали в действующую армию, он участвовал в боях на территории Китая, а после войны вернулся на Камчатку. С 1953 по 1959 г. Г. Гайдукевич трудился в управлении «Камчатрыбвода», где проявил себя как изобретатель и даже получил авторское свидетельство за изобретение устройства для подсчёта идущих на нерест рыб. С 1959 по 1969 г. в качестве фоторепортера он служил в редакции газеты «Камчатская правда». В общей сложности в 1930–1960-х гг. Гайдукевич напечатал в главной газете Камчатки около 10 тысяч фотографий, более шестидесяти лет своей жизни провёл на Камчатке (Полвека Камчатской истории). Таким образом, сопричастность журналиста Камчатскому краю являлась не поверхностной, а основывалась на длительном и тщательном наблюдении за развитием территории (К столетию «Камчатской правды»...).

В настоящее время фотоархив З.Г. Гайдукевича хранится в Камчатском краевом объединённом музее (г. Петропавловск-Камчатский), коллекция которого насчитывает около 99 тысяч единиц хранения. Среди прочего сохранилась часть номеров газеты «Камчатская правда» 30-х гг. XX в. – официального печатного органа Камчатского обкома КПСС и областного совета народных депутатов («Звезда, ставшая Правдой»...). Основное содержание статей газеты в 1930-е гг. было связано с агитацией и пропагандой: «На штурм второй пятилетки», «Подготовку к строительству под особый контроль», «Усилить пролетарскую помощь колхозам», «Беспощадно разоблачайте маскирующегося классового врага и его агентуру».

Фотоархив Гайдукевича содержит городские виды и промышленные предприятия, строительные площадки и производственные помещения рыбокомбинатов, а также сцены из жизни жителей Петропавловска-Камчатского. На этих фотоснимках наглядно запечатлена история преобразования города на протяжении 1930-х гг., создание в нём градообразующих предприятий и инфраструктуры. Акцент сделан именно на передаче стремительных изменений края.

Образы Петропавловска-Камчатского в индустриальном фоторепортаже 1930-х гг.

Экономическое развитие Петропавловска-Камчатского вплоть до начала 1930-х гг. оставалось на досоветском уровне (1916 г.), и он продолжал выглядеть заштатным городом с необустроенными, неосвещёнными улицами, редкой застройкой частными домами и нехваткой квалифицированных специалистов (рис. 1).

Значительный импульс развитию город получил только в 1927 г. с образованием специальной организации – Акционерного Камчатского общества (АКО), в задачу которого входило не только создание госу-

дарственной рыбной промышленности и рыбодобывающего флота, но и широкое использование богатств полуострова (лесов, полезных ископаемых), развитие сельского хозяйства.

Рис. 1. Вид с современной площади Ленина на Култушное озеро и улицу Набережную
(автор: Гайдукевич Г.З. г. Петропавловск-Камчатский, конец 1930-х гг.
ККМ ГИ-26547/70)

Именно с АКО связана история рыболовецких флотов Камчатки, портов и многих промышленных предприятий и организаций города и полуострова. Размещение правления и служб АКО в 1930 г. в Петропавловске-Камчатском привело к рождению нового поселка в черте города – Акогограда, и определило новые границы городской черты: «От Никольской горы по берегу бухты до городского кладбища, по склону Мишенной горы, за старый совхоз и по руслу речки на подножие Зеркальной горы, по подножию таковой за постройки ОГПУ, по хребту Петровской горы до Гремучего ключа, по руслу ключа до берега бухты по прямой линии на Сигнальный мыс» (Козик 1991: 72). С 1926 по 1937 г. численность жителей Петропавловска возросла в 13,3 раза и достигла 22 655 чел. (Ильина 2005: 64). Город постепенно прирастал многими организациями и учреждениями: типографией, облздравотделом, Камчатторгом, Акофлотом, морской рыболовной станцией, облпромсоюзом, пожарной охраной др. Осенью 1934 г. на берегу бухты Раковой началось строительство крупного промышленного предприятия – судоремонтной верфи (СРВ), на котором не только ремонтировали суда, но и делали гребные винты, китобойные гарпуны, топливные насосы. В 1939 г. рядом с судоремонтным заводом вступила в строй жестянобаночная фабрика (ЖБФ). На долю СРВ и ЖБФ приходилось 63,6%

валовой промышленной продукции Петропавловска-Камчатского (Пи-рагис), и именно эти объекты оказались в фокусе внимания фотожурналиста Гайдукевича.

На фотографиях Гайдукевича можно увидеть сюжеты завоза на СРВ стройматериалов, организацию палаточного городка и самой стройки завода, также в них представлен подробный фотоотчет о строительстве ЖБФ. На наш взгляд, эти фотоснимки можно с полным правом отнести к жанру индустриального фоторепортажа, учитывая то, что в них присутствуют устойчивые способы изобразительных решений, постановочно-технические приемы, пространственная и предметная среда, значимые типы персонажей. Здесь ярко высвечивается стратегия раннесоветской фотожурналистики, особенно в сравнении с творчеством фотографов, которые снимали эффекты «социалистической реконструкции» не в рамках какой-то программы, а лишь по собственному разумению.

Приемы данной стратегии были определены в рамках образованной в 1930 г. фотосекции объединения «Октябрь», руководителем которой был А. Родченко и включали в себя: наклон горизонта и диагональную композицию, плотную упаковку кадра, присутствие крупной детали на первом плане, разгон материала по углам кадра и родченковские ракурсы. Эти приемы фотоавангардного искусства с восторгом усваивались фоторепортерами прессы (Стигнеев 2016: 185). С 1925 по 1937 г. подавляющее большинство столичных фотожурналистов использовали при съемке именно эти конструктивистские принципы. Очевидным образом эти разработанные методы заимствовались и применялись в региональных/локальных фотоотчетах местными фотокорреспондентами.

Выделим далее несколько формальных элементов образа, при помощи которых конструируется образ раннесоветского промышленного Петропавловска-Камчатского в индустриальной фотографии Г.З. Гайдукевича.

Во-первых, это панорамные фотографии и виды стройплощадки, отражающие сам процесс строительства и функционирования промышленных предприятий на Камчатке. Данные конструктивистские фото соответствовали партийному лозунгу «Техника решает все» и включали в себя снимки котлованов, строительных лесов, машин, труб, различных механизмов. Так, Гайдукевич делает фотоотчет, в котором изображены расчистка территории, экскаваторные работы по расширению фабрики, строительство очередей, работа цехов; при этом строящиеся здания сняты с разных ракурсов (рис. 2).

Подобные снимки, размещаемые на страницах периодических изданий, создавали у читателей стереотипное представление о запечатленном строительстве как о монументальном и масштабном. Общий вид строительной площадки при этом имеет большую протяженность, поэтому, как отмечает историк фотографии, киновед Г. Болтянский, фотографу в

те годы приходилось снимать фронт строительства в несколько приемов с одной позиции (Болтянский 1939: 116).

Рис. 2. Строительство жестяно-баночной фабрики в Петропавловске (первой очереди).
Бухта Раковая. Начало отсыпки площадки под ЖБФ (автор: Гайдукевич Г.З. 1937.
ККМ ГИ 27595/239)

Помимо того, что Гайдукевич делает панорамные фотографии строительства в нескольких ракурсах, он использует прием съемки по диагонали, благодаря чему избегает статичного состояния изображенного, а моменту строительства ему придается динамизм. Фотографии Гайдукевича так и подписаны: «Последовательность производственного процесса в цеху», «В цехах».

Среди приемов изображения форсированного строительства в 1930-х гг. приоритет отдавался также производству снимков, построенных по принципу «было-стало». Поскольку механизация производства в начале 1930-х гг. была достаточно редким явлением, рабочий выполнял вручную технически сложные операции. На фотографиях первой пятилетки рабочие запечатлены с лопатой или ломом в руках, на фоне подвод, запряженных лошадьми, рыбаки-колхозники – с закидным неводом и т.п. Подобное положение дел воспринималось как временное; для тиражирования отбирались, прежде всего, фотографии, изображающие процесс механизации производства. В фотоснимках Гайдукевича обнаруживается подобный прием: снимки погрузки готовой продукции на ЖБФ вручную монтируются с укладкой готовой продукции, спущенной по транспортеру в штабелях; объединены между собой фотографии серии «Вид бухты Раковой до и после начала строительства».

Во-вторых, характерной чертой индустриального фоторепортажа 1930-х гг. являлось представление города как нового, советского в противоположность старому (Кларк 2000: 123). Так, на одних снимках Гайдукевича зритель мог видеть деревянные дома⁶, брезентовые палатки (в которых размещали приезжавших на полуостров весной и летом сезонных рабочих и переселенцев), подсобные помещения, расположенные вокруг Култучного озера в Петропавловске-Камчатском, распаханные прямо у воды огороды, безлесные склоны Мишенной сопки; на других – многоэтажные каменные здания на улицах Красинцев и Красноармейской. Характерно также монтажное движение от общих планов строительства к планам отдельного цеха, что с помощью визуальных средств выражает повышение исторической и социальной значимости производственной жизни рабочих в контексте общей истории развития города (рис. 3).

Рис. 3. Лов рыбы закидным неводом (рыбаки колхоза им. Сталина). Юго-западный берег Авачинской губы (автор: Гайдукевич Г.З. 1930-е гг. КKM ГИ – 27408/5)

Город в фотографии Гайдукевича репрезентируется также в противопоставлении времени работы и досуга рабочих заводов. Трудовой процесс на фотоснимках предстает как освобождение личности от удушающего быта, замкнутых пространств. Вот, к примеру, как эмоционально описывали производственный процесс на камчатском рыбокомбинате В. Брейгер и В. Якубович в 1936 г.: «Рыба на пристани поступает в наклонные желоба, гонится по ним водой к лопалям конвейеров и пятью потоками идет в закрома завода, где выдерживается сырец. Подъем рычага – на рукава закрома десятки лососей падают на гильотинный стол. Автоматический нож – гильотина – отсекает рыбы го-

ловы. Станочницы в своих прорезиненных мужских костюмах, резиновых сапогах, непромокаемых шапках “зюд-вестках” работают споро, отчетливо, каждое движение точно, рассчитано... Американские станки могли, как значилось в их паспортах, пропускать в минуту пятьдесят пять рыб. Американцы считают эту цифру пределом. В какое же удивление привела иностранных специалистов работа бригады комсомолок. “Восемьдесят две штуки в минуту! Ваши работницы обгоняют машины, работают быстрее, чем наши станки!”» (Брейгер, Якубович 1936: 68).

Фотографии, отражающие производственный процесс, монтировались Гайдукевичем с непроизводственными сюжетами: заводчане после работы отдыхают на Паратунских источниках, в санатории, в парке культуры и отдыха. И даже на отдыхе люди показаны, как тесно связанные с коллективом, отражая лозунг А.М. Горького о том, что «социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда» (Горький 1937: 463). Характерно, что здесь видна аналогия с установками в кинопроизводстве 1930-х гг. В частности, на киносовещании 1935 г. руководитель советской кинематографии Б.З. Шумяцкий озвучивал характерную ведомственную позицию: «Мы снимаем объекты массового действия, объекты большой общественной значимости. В засъемке индивидуального объекта мы, как правило, никогда не берем его камерно, изолированно, а обязательно ставим лицом к лицу с той общественной средой, которая его выдвинула, в которой он живет и работает, которую он организует и которой он руководит. Вот почему такое огромное место в композиции нашего кадра должна занимать так называемая массовая сцена» (Шумяцкий 1935: 144) (рис. 4).

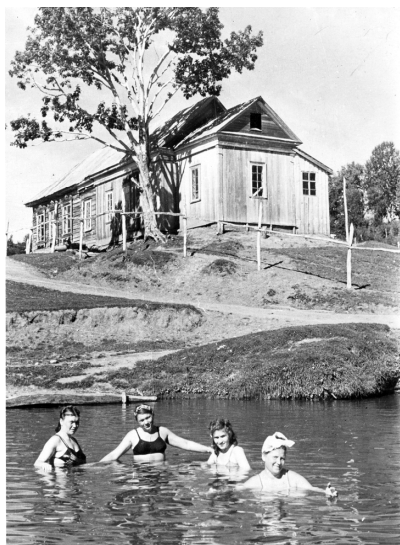

Рис. 4. Село Паратунка. Здание паратунской школы (бывшая церковь)
(автор: Гайдукевич Г.З., конец 1930-х гг. ККМ ГИ – 27595/140).

В-третьих, в индустриальный фоторепортаж, изображавший творческую героину социалистической реконструкции, включались снимки отдельных ударников и их бригад, которые сопровождались подписями и цифрами достижений. Фотоархив Гайдукевича содержит целую галерею погрудных портретов инженеров-конструкторов, электромехаников, бригадиров-монтажников, техников. Очевидным образом здесь прослеживается тенденция: опубликованные в местной газете фото-портреты являлись для запечатленного человека своего рода моральным стимулом в условиях дефицита материальных поощрений. В фотографиях Гайдукевича сделан также явный акцент на фиксации рабочих с улыбающимися лицами во время работы. Улыбка как индикатор оптимизма вообще являлась неотъемлемым атрибутом в производственной фотографии 1930-х гг. (Морозов 1936: 5).

Показательно, что фотожурналист делал несколько кадров одного и того же человека с целью зафиксировать улыбку на его лице, показать либо радость рабочего от осуществления трудовой деятельности, либо его сосредоточенность на трудовом процессе. Отсутствующая на снимке линия горизонта, а также съемка снизу вверх зрительно увеличивают рост ударника. Помимо персонально поименованных снимков, фотоархив Гайдукевича содержит фотоизображения с плакатными надписями: «Рабочий у станка», «Электросварщик за работой», «Токарь показывает мальчику-ученику работу» и т.п. (рис. 5).

Рис. 5. Жестяно-баночная фабрика. В цехах.
Мужчина-рабочий у станка с двумя большими колесами
(автор: Гайдукевич Г.З. г. Петропавловск-Камчатский.
1936–1937 гг. КОКМ ОФ – 34984/35)

Таким образом, Г.З. Гайдукевич развил и закрепил в камчатской фотожурналистике 1930-х гг. принципы индустриального фоторепортажа, для которого существенную роль играл цикл из нескольких снимков, соотносимый с главным идеологическим посылом – построение новой жизни на Советской Камчатке.

Заключение

В 1930-е гг. обращение к производственной/индустриальной тематике (наряду с решением политических задач) в отечественном изобразительном искусстве, фотографии, музейном строительстве, литературе было связано с обновлением художественного языка. К концу 1920-х гг. на смену «заводской метафизике» пролеткультовцев, урбанизму и механицизму конструктивистов приходит социалистическая героика труда. В области фотоискусства актуальные задачи строительства новых фабрик и заводов на огромной территории Союза освещаются в рамках особого жанра – индустриального фоторепортажа, получившего развитие в 1930-е гг. (рис. 6).

Рис. 6. Жестяно-баночная фабрика. В цехах.
Линия по упаковке готовой продукции
(автор: Гайдукевич Г.З. г. Петропавловск-Камчатский,
вторая половина 1930-х гг. КОКМ ОФ – 34984/37)

Создание фотосерий, показывающих процесс советизации и индустриализации центральных и периферийных регионов СССР, разворачивалось в русле реализации таких сложных, масштабных проектов, как «Киноатлас СССР» и «История фабрик и заводов». В результате в области фотографии был создан действительно значительный спектр разработок, определивших специфику индустриального фоторепортажа. Важную роль в его оформлении и популяризации играли, прежде всего, столичные фотографы, которые сочетали, казалось бы, несовместимые традиции: с одной стороны, фактологичность и подробную документальность прямой фотографии, с другой – формальные принципы построения композиции, разработанные абстракционистами и конструктивистами (Вальран 2018: 166).

Проведенное в данной работе исследование фотоархива камчатского фотожурналиста Г.З. Гайдукевича показало, что его творческие установки в полной мере отвечали актуальной в 1930-е гг. задаче фиксации социального быта и роста промышленного производства в одном из самых отдаленных регионов СССР – Камчатке, соответствовали идее, «чтобы в газете, на выставке или на заводском стенде сегодняшний гражданин “через фотоснимки” узнавал о свершающихся переменах» (Стигнеев 2016: 172). Это обусловило внимание фотографа к сюжетам, вытекающим из социальных и хозяйственных условий жизни людей. Однако, в отличие от американского фотопроекта о жизни США во время Великой депрессии и Второй мировой войны (Косенкова), при сохранении региональной тематики содержание индустриальной фотографии Гайдукевича остается строго советским с агитационной направленностью.

В то же время политическая тематика в фотографиях Гайдукевича сочетается с творческими устремлениями, идеологический заказ – с авторским видением советской действительности. Стройка, промышленные конструкции, детали машин, автоматизация производства, новые дома, репортажные портреты передовиков производства, пропаганда идеалов «коммунальной» жизни в первые годы пятилетки – изблюбленные темы фотожурналиста, собиравшего актуальный материал для газеты «Камчатская правда». В фоторепортаже Гайдукевича сочетаются панорамные снимки местности г. Петропавловска-Камчатского, жанровые сцены и портреты крупным планом.

Снимки, созданные Г.З. Гайдукевичем в 1930-е гг., характеризуются, на наш взгляд, также следующими чертами: социальной нагруженностью и детальным портретированием повседневной действительности Советской Камчатки, введением в фотосъемку приемов кинематографии (крупный план, необычная точка расположения фотоаппарата, акцент на отдельно взятом предмете), отражением динамики городской жизни, фиксацией непосредственного выражения лица персонажей, а также упором на фотоинформацию.

Конструктивистский характер фотоснимков Гайдукевича заключался в том, что фотожурналист стремился отразить моменты, представляющие для зрителя наибольший интерес, взвешивал все детали на снимке, заботился о правильном расположении его частей в композиции, искал новые ракурсы, избегал видимости очевидной постановочности кадра, последовательно монтировал снимки в определенном порядке. В результате получалось изображение-конструкция, включающее в себя многообразие перспектив, масштабов и сюжетов, совмещенных в единое целое.

Согласно духу своего времени, индустриальный фоторепортаж Г.З. Гайдукевича в полной мере следовал принципам социалистического реализма (реалистичный по форме и социалистический по содержанию), отражая идею построения новой советской жизни на Камчатке. В результате по своей направленности, приемам и идеологическому основанию индустриальный фоторепортаж камчатского фотожурналиста Гайдукевича органично вписывается в систему научно-творческих поисков 1930-х гг., направленных на визуальное позиционирование социалистического переустройства отдаленных регионов Советского Союза.

Примечания

¹ Одной из самых известных фотоколлекций в этом контексте является колоссальное собрание фотографий о жизни США во время Великой депрессии и Второй мировой войны (1939–1944), созданное под эгидой государственной структуры – Управления по защите фермерства (Farm Security Administration), организованного в 1935 г. и размещенного в свободном доступе в Библиотеке Конгресса США. Американские фотографы (Уокер Эванс, Доротея Ланж, Рассел Ли, Марион Пост Уолкотт, Джек Делано, Джон Вашон) в основном делали снимки в сельских районах, но в свои фотопроекты включали также кадры с предприятий, железных дорог, работающих у станков женщин.

² Ведущими фотографами советского индустриального репортажа 1930-х гг. являются А. Шайхет, А. Родченко, Б. Игнатович, М. Альперт.

³ Пожалуй, одним из самых масштабных фотопроектов тех лет был фотоальбом «Ударники» (1931), включавший более 400 снимков репортеров «Пресс-клише» – организации, обеспечивавшей фотоиллюстрациями практически все издания страны. Образцом фотопублицистики считается также серия 1931 г. «24 часа из жизни рабочей семьи Филипповых» (Л. Межеричер, А. Шайхет, С. Тулес, М. Альперт) и фотосерия «Гигант и строитель» (М. Альперт и М. Смолян).

⁴ «Киноатлас СССР» не был реализован в полной мере. Большинство рукописей по ИФЗ также не были завершены в 1930-е гг. Из указанных ОГИЗом в рекламном проспекте 30 книг основной серии к началу 1938 г. было выпущено лишь 6, а также еще 6 наименований, не вошедших в первоначальный список.

⁵ Например, в 1920 г. состоялся сеанс о новом гидравлическом способе добычи торфа (реж. Ю.А. Желябужский), на котором присутствовали А.М. Горький и В.И. Ленин. По окончании сеанса тут же в зале развернулась оживленная дискуссия между представителями «Гидроторфа» и «Цуторфа». Через несколько дней было принято постановление Совнаркома о выделении «Гидроторфа» в специальную организацию и создана комиссия скорейшего продвижения заказов.

⁶ Массовую «капитальную» застройку Петропавловска 1930-х гг. составляли деревянные дома и бараки двух основных типов: рубленные из бревен или каркасно-засыпные.

Список сокращений

ККМ ГИ – Камчатский краевой музей; КОКМ ОФ – Камчатский объединенный краевой музей.

Список источников

- Болтянский Г. Очерки по истории фотографии в СССР. Харьков, 1939.
- Брейгер В., Якубович В. По Камчатке. М.: Учпедгиз, 1936.
- Вальран В. Советская фотография. 1917–1955. СПб.: Лимбус Пресс; М.: Мультимедиа Арт Музей, 2018.
- Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2021.
- Головнев И.А. «Киноатлас СССР»: история проекта // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 12–23.
- Головнев И.А., Головнева Е.В. Образы Дальнего Востока в визуальных документах рубежа XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2021.
- Горький М. О литературе. М.: Советский писатель, 1937.
- Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. Т. 27.
- Гуревич В.С. Еврейская автономная область в объективе советской фотожурналистики 1920–1930-х гг. // Региональные проблемы. 2019. Т. 22, № 1. С. 44–57.
- Ильина В.А. Об изменениях в численности и национальном составе населения Камчатской области в 1926–1939 гг. // Веков связующая нить: материалы XXII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2005.
- Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х гг. М.: Ин-т рос. истории, 1997.
- «Звезда, ставшая Правдой». К выходу первого номера газеты «Камчатская правда». URL: <http://kgu-gakk.ru/exhibitions/pravda.html>
- Кларк К. Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 119–129.
- Козик Л.В. Страницы истории Петропавловска: Акогоград // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1991. Вып. 7.
- Кольцов М.Е. «Огонек» и его опыт // Красная печать. 1925. № 17/18.
- Косенкова К. Америка для американцев. URL: <https://seance.ru/articles/photo-depression/>
- К столетию «Камчатской правды». Человек «запечатлевший время». URL: https://vk.com/wall-108362753_283
- Лемберг Э. Кинопромышленность СССР. Экономика советской кинематографии. М.: Теакинопечат, 1930.
- Малкин И. Фотоиздат перестраивается // Советское фото. 1934. № 3. С. 16–21.
- Морозов С. На путях к реализму, к народности // Советское фото. 1936. № 5–6.
- Орлова Г. «Воочию видим». Фотография и советский проект в эпоху технической воспроизводимости // Советская власть и медиа / ред. Х. Гюнтер, С. Хэнсен. СПб.: Академический проект, 2005. С. 188–204.
- Плотников А.И. Театр, кино, жизнь. Л.: Искусство, 1969.
- Пирагис А.П. Петропавловск-Камчатский в 1920–1950 гг. в воспоминаниях и документах. URL: <http://www.piragis.ru/history/petropavlovsk-1920-1950.html>
- Плотникова А.Г. М. Горький и кинематограф. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
- Полвека Камчатской истории. URL: <https://kam-kray.ru/news/2015/08/26/polveka-kamchatskoy-istorii.html>
- Стигнеев В.Т. Зарождение советской фотографии: 1920-е гг. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Трайнин И.П. Кино на культурном фронте. Л.: Теакинопечат, 1928.
- Шумяцкий Б.З. Пути мастерства. М.: Кинофотоиздат, 1935.

- Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: в 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 1.
- Nunan T.A. Soviet Nationalities Policy, USSR in Construction, and Soviet Documentary Photography in Comparative Context, 1931–1937 // *Ab Imperio*. 2010. № 2. P. 47–92.
- Smart A. Beyond Utopia: Representing Life in the Productivist City // *Architecture and Culture*. 2015. Vol. 3, № 3. P. 297–313.
- Wolf E. When photographs speak, to whom do they talk? The origins and audience of SSSR na stroike (USSR in construction) // *Left History*. 1999. Vol. 6, № 2. P. 53–82.

References

- Boltianski G. (1939) *Ocherki po istorii fotografii v SSSR* [Essays on the History of Photography in the USSR]. Khar'kov.
- Breiger V., Iakubovich V. (1936) *Po Kamchatke* [In Kamchatka]. Moscow.
- Eizenshtein S.M. (1964) *Izbrannye proizvedeniia v 6 tomakh. Tom 1*. [Selected Works in 6 Volumes. Volume 1]. Moscow: Iskusstvo.
- Golovnev I.A. (2020) “Kinoatlas SSSR”: istoriia proekta [“Cinema Atlas of the USSR”: the History of the Project], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*, no. 38, pp. 12–23.
- Golovnev I.A. (2021) *Vizualizatsiia etnichnosti v sovetskom kino (opyty uchenykh i kinematografistov 1920–1930-kh gg.)* [Visualization of Ethnicity in Soviet Cinema (Experiments of Scientists and Filmmakers of the 1920–1930s)]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Golovnev I.A., Golovneva E.V. (2021) *Obrazy Dal'nego Vostoka v vizual'nykh dokumentakh rubezha XIX – XX vv.* [Images of the Far East in Visual Documents of the turn of the XIX – XX centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Gorkii M. (1937) *O literature*. [About literature]. Moscow.
- Gorkii M. (1953) *Sobranie sochinenii: V 30 t.* [Collected Works: In 30 volumes]. Moscow. Vol. 27.
- Gurevich V.S. (2019) Evreiskaia avtonomnaia oblast' v ob'ekte sovetskoï fotozhurnalistiki 1920–1930-h gg. [The Jewish Autonomous Region in the lens of Soviet Photojournalism of the 1920–1930s], *Regional'nye problemy*, V. 22, no. 1, pp. 44–57.
- Il'in V.A. (2005) Ob izmeneniiakh v chislennosti i natsional'nom sostave naseleniia Kamchatskoi oblasti v 1926–1939 gg. [On changes in the size and national composition of the population of the Kamchatka region in 1926–1939], *Vekov svyazuiushchaia nit': Materialy XXII Krasheninnikovskikh chtenii*. Petropavlovsk-Kamchatskij.
- Klark K. (2000) Sotsrealizm i sakralizatsiia prostranstva [Social realism and sacralization of space], *Socrealisticheskij kanon* / H. Gjunter, E. Dobrenko (eds.). St. Petersburg, pp. 119–129.
- Kol'tsov M.E. (1925) «Ogonek» i ego opyt [“Ogonek” and his experience], *Krasnaja pechat'*, no. 17/18.
- Kosenkova K. Amerika dlia amerikantsev [America for Americans]. Available at: <https://seance.ru/articles/photo-depression/>
- Kozik L.V. (1991) Stranitsy istorii Petropavlovsk: Akograd [Pages of history of Petropavlovsk: Akograd], *Kraevedcheskie zapiski*, Petropavlovsk-Kamchatskij, Issue 7.
- K stoletiiu “Kamchatskoi pravdy”. Chelovek “zapechatlevshii vremia” [To the centenary of the Kamchatka Pravda. Man “Capturing Time”]. Available at: https://vk.com/wall-108362753_283
- Lemberg E. (1930) *Kinopromyshlennost' SSSR. Ekonomika sovetskoï kinematografii*. [Film Industry of the USSR. Economics of Soviet Cinematography]. Moscow.
- Malkin I. (1934) Fotoizdat perestraivaetsia [Photoizdat is being rebuilt], *Sovetskoe foto*, no. 3, pp. 16–21.
- Morozov S. (1936) Na putiakh k realizmu, k narodnosti [On the paths to realism, to the nation], *Sovetskoe foto*, no. 5–6.
- Nunan T.A. (2010) Soviet Nationalities Policy, USSR in Construction, and Soviet Documentary Photography in Comparative Context, 1931–1937, *Ab Imperio*, no. 2, pp. 47–92.

- Orlova G. (2005) "Voochiiu vidim". Fotografii i sovetskii proekt v epokhu tekhnicheskoi vosproizvodimosti ["We see at first hand". Photography and the Soviet project in the era of technical reproducibility], *Sovetskaja vlast' i media* [Soviet government and media] / H. Gjunter, S. Hjensgen (eds.), St. Petersburg, pp. 188–204.
- Piotrovskii A.I. (1969) *Teatr, kino, zhizn'* [Theater, Cinema, Life]. Leningrad.
- Piragis A.P. *Petropavlovsk-Kamchatskii v 1920-1950 gg. v vospominaniakh i dokumentakh* [Petropavlovsk-Kamchatsky in 1920-1950s in memoirs and documents]. Available at: <http://www.piragis.ru/history/petropavlovsk-1920-1950.html>
- Plotnikova A.G. (2018) *M. Gor'kii i kinematograf* [Maksim Gorky and Cinema]. Moscow: IMLI RAN.
- Polveka Kamchatskoi istorii* [Half a century of Kamchatka history]. Available at: <https://kam-kray.ru/news/2015/08/26/polveka-kamchatskoy-istorii.html>
- Shumiatskii B.Z. (1935) *Puti masterstva* [Ways of Mastery]. Moscow.
- Smart A. (2015) Beyond Utopia: Representing Life in the Productivist City, *Architecture and Culture*, Vol. 3, no. 3, pp. 297–313.
- Stigineev V.T. (2016) *Zarozhdenie sovetskoi fotografii: 1920-e gg.* [The Birth of Soviet Photography: 1920s]. Moscow.
- Trainin I.P. (1928) *Kino na kul'turnom fronte* [Cinema on the Cultural Front]. Leningrad.
- Val'ran V. (2018) *Sovetskaja fotografiia. 1917–1955.* [Soviet Photography. 1917–1955]. St. Petersburg, Moscow.
- Wolf E. (1999) When photographs speak, to whom do they talk? The origins and audience of SSSR na stroike (USSR in construction), *Left History*, vol. 6, no. 2, pp. 53–82.
- Zhuravlev S.V. (1997) *Fenomen "istorii fabrik i zavodov": gor'kovskoe nachinanie v kontekste epokhi 1930-h gg.* [The phenomenon of the "History of Factories and Plants": Gorky Undertaking in the Context of the 1930s era]. Moscow.
- "Zvezda, stavshaia Pravdoi". *K vykhodu pervogo nomera gazety "Kamchatskaia Pravda"* ["The Star Who Became True". Towards the release of the first issue of the newspaper Kamchatskaia Pravda]. Available at: <http://kgu-gakk.ru/exhibitions/pravda.html>

Сведения об авторе:

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena V. Golovneva, St. Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation); Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: golovneva.elena@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 января 2022 г.;
принята к публикации 5 мая 2022 г.*

*The article was submitted 10.01.2022;
accepted for publication 05.05.2022.*

Научная статья
УДК 392.8
doi: 10.17223/2312461X/36/10

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗАБОЯ И ИХ «ПОСЛЕВКУСИЕ»: БИОГРАФИИ ОЛЕНЕЙ, МЯСА И КРОВИ В АРКТИКЕ

Лидия Яковлевна Рахманова^{1, 2},
Елена Андреевна Давыдова³,
Владимир Николаевич Давыдов⁴

^{1, 3, 4} Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} muza-spb@yandex.ru

³ elenav0202@gmail.com

⁴ davydov.kunstkamera@gmail.com

Аннотация. Ямальские и чукотские агропромышленные комплексы переживают период реформы, в ходе которой нормой с технологической и санитарной точки зрения становится забой оленей с помощью электрошока или пневматического пистолета. С одной стороны, традиционные оленеводческие технологии забоя как способы умерщвления насыщены символическими значениями, которые стираются или вступают в конфликт при введении новых технологий. С другой стороны, то, что происходит на уровне повседневных практик, вызывает негативные оценки со стороны местных жителей и позволяет посмотреть на данную ситуацию с другого ракурса: именно мясо оленя, забитого по всем государственным санитарным нормам, часто не соответствует вкусовым ожиданиям местных арктических сообществ. В данной статье мы ищем ответ на вопрос, возникший у нас в ходе полевой работы: почему продукция с забойного пункта не пользуется спросом среди местных жителей? Мы считаем, что во многом именно жизнь/история самого оленя и его крови как отдельной субстанции со-создают определенный вкус, качество и влияют на восприятие мяса. Если прежде исследователи российского оленеводства объясняли превосходство качеств личного мяса по сравнению с «государственным» социально-экономическими причинами, то авторы данной статьи, не отрицая их существования, попытались показать ряд других оснований для формирования пренебрежительного отношения местных жителей к оленине, произведенной промышленным способом. Проследивая биографии оленей на их пути превращения в пищевой продукт, авторы анализируют роль отношений человека и животного, людей и пищи, меняющихся технологий и традиций, разрыва локальных сетей сбыта и социальных связей в производстве вкусов и качества оленины. Биографический подход подводит авторов к размышлениям о границах, сложностях их проведения и отношениях не только между жизнью и смертью, но и между отдельными субъектами, участвующими в создании оленеводческой продукции, такими как кровь, мясо и олень. В современном мире социальная жизнь еды неразрывно связана с промышленными и транспортными инфраструктурами, так как, как правило, именно в них, во взаимодействии с ними, и

складаются отдельные истории конкретных продуктов: в магазинах, на комбинатах, портах, забойных пунктах. Показано каким образом инфраструктура забоя (оленеубойные пункты) и новые технологии определяют биографии оленеводческой продукции.

Ключевые слова: Арктика, Ямал, Чукотка, забойный пункт, инфраструктура, оленеводство, оленина, кровь, вкус, антропология пищи, биографии мяса, живое/неживое, выделка шкур

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 19-78-10002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации»).

Для цитирования: Рахманова Л.Я., Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Новые технологии забоя и их «послевкусие»: биографии оленей, мяса и крови в Арктике // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 181–206. doi: 10.17223/2312461X/36/10

Original article

doi: 10.17223/2312461X/36/10

New Slaughter Technologies and Their “Aftertaste”: Biographies of Reindeer, Meat and Blood in the Arctic

Lidia Ya. Rakhmanova^{1,2}, Elena A. Davydova³, Vladimir N. Davydov⁴

^{1,3,4} *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St. Petersburg, Russian Federation*

² *National Research University “Higher School of Economics”,
St. Petersburg, Russian Federation*

^{1,2} *muza-spb@yandex.ru*

³ *elenav0202@gmail.com*

⁴ *davydov.kunstkamera@gmail.com*

Abstract. The Yamal and Chukotka agro-industrial complexes are going through a period of reform, during which the slaughter of reindeer with the help of an electric shock or an air pistol becomes the norm from a technological and sanitary point of view. On the one hand, traditional reindeer slaughter technologies as techniques of killing are saturated with symbolic meanings that are erased or come into conflict with the introduction of new technologies. On the other hand, what happens at the level of everyday practices causes negative assessments by local people and allows one to look at this situation from a different angle: the meat of reindeer slaughtered according to all state sanitary standards often does not meet the taste expectations of local Arctic communities. In this article, we are looking for an answer to the question that arose during our field work: why is the production from the slaughter station not in demand among local dwellers? We believe that in many ways it is the life/history of a reindeer itself and its blood as a separate substance that co-create a certain taste, quality and influence the perception of meat. If earlier the researchers of Russian reindeer husbandry explained the superiority of the qualities of personal meat compared to the “state” by socio-economic reasons, the authors of this article, without denying the existence of these factors, tried to show a number of other grounds for the formation of a disdainful attitude of local residents to venison produced in an industrial way. Tracing

the biographies of reindeer on their way to becoming a food product, the article analyzes the role of the relationship between human and animal, people and food, changing technologies and traditions, breaking local distribution networks and social ties in the production of tastes and quality of venison. The biographical approach leads the authors to reflect on the boundaries, the complexities of their implementation and the relationship not only between life and death, but also between individual actors involved in the creation of reindeer products, such as blood, meat and reindeer. In the modern world, the social life of food is inextricably linked with industrial and transport infrastructures, since, as a rule, within them and in interaction with them, the individual stories of specific products are formed: in stores, at factories, ports and slaughterhouses. This article shows how the infrastructure of slaughter (slaughterhouses) and new technologies determine the biographies of reindeer herding products.

Keywords: Arctic, Yamal, Chukotka, slaughterhouse, infrastructure, reindeer husbandry, venison, blood, taste, Anthropology of food, biographies of meat, alive/dead, skinning

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of grant No. 19-78-10002 of the Russian Science Foundation "Nutrition in the Russian Arctic: Resources, Technologies and Innovations".

For citation: Rakhmanova, L.Ya., Davydova, E.A. & Davydov, V.N. (2022) New Slaughter Technologies and Their "Aftertaste": Biographies of Reindeer, Meat and Blood in the Arctic. *Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*. 2. pp. 181–206 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/10

Введение

Статья построена на многочисленных наблюдениях и интервью авторов с местными жителями в поселках Шурышкарского района на Ямале и селах Иультинского района Чукотки – оленеводами, рыбаками, служащими, работниками забойного пункта, приезжими. Ямальские и чукотские агропромышленные комплексы переживают период реформы, в ходе которой нормой с технологической и санитарной точки зрения становится забой оленей с помощью электрошока или пневматического пистолета. На Ямале существует открытое неприятие данных инноваций, которое больше всего выказывают люди, профессионально не связанные непосредственно с разведением оленей и не ведущие кочевой образ жизни. Тем не менее их повседневность нередко сопряжена с употреблением оленины, внутренностей, крови и использованием шкур. На Чукотке же люди не высказывают негативного отношения к современным забойным пунктам, напротив, многие, хотя и критикуют нынешнее положение дел, возлагают на современные комплексы надежду в налаживании производства и сбыта оленеводческой продукции.

В этой связи проблематизация процесса трансформации технологий забоя северного оленя (Reinert 2009) на Ямале и Чукотке происходила разными путями. На Ямале тема открылась именно через ее эксплицитную критику со стороны отдельных жителей, а именно рыбаков. Конечно, в скрытой форме отрицательное отношение к новым технологи-

ям забоя присутствует во многих семьях местного сообщества, независимо от образа жизни и основного рода занятий. Однако наиболее ценными и значимыми стали нарративы и аргументы рыбаков, которые покупают оленину в больших объемах у местных оленеводов, у родственников и друзей, а также приобретали ее до реформы в конторе агропромышленного комплекса (АПК), на забойном пункте. Сами же оленеводы, одновременно трудоустроенные в АПК и имеющие личных оленей, не стоят перед проблемой ухудшения качества оленины после введения новых технологий забоя.

Работая в Иульгинском районе Чукотки, авторы статьи поначалу вообще не сталкивались с нарративами о плохом качестве оленины с забойного пункта. Однако постепенно в ходе поиска мяса для личного потребления, а также наблюдений за приобретением оленеводческой продукции из тундры местными жителями стало понятно, что люди разделяют оленину на «тундровую» и «государственную», при этом явно не удовлетворены качеством последней (Davydova, Davydov 2022). Данные наблюдения подтолкнули авторов начать задавать вопросы информантам на тему производства оленины, приглашая их к диалогу, в ходе которого люди подробно и охотно рассказывали о качествах мяса и технологиях забоя.

Специфика новой технологии заключается в том, что животных на оленеубойных пунктах забивают небольшими партиями, проводя через конвейер. Тело оленя парализуется электрическим импульсом или выстрелом в затылок из пневматического пистолета. Обездвиженное животное, еще живое, поступает на конвейер. Там производится выпуск крови, отрезание головы, обдирание шкуры, изымание внутренностей. Затем туша разделяется на части либо обрабатывается и упаковывается для отправки на продажу целиком. Более детально каждый этап технологического процесса будет рассмотрен в дальнейших разделах: вводное описание указывает на феномен, который проблематизируется в данной статье с помощью новой оптики: на стыке антропологии инфраструктуры и биографических исследований пищи, с акцентом на ее производстве, возникает концептуальный зазор, через который мы стараемся рассмотреть элементы технологии и инфраструктурные узлы как агентов, обладающих не только своей биографией, но и в то же время создающих биографические траектории пищи.

Реформирование самой технологии промышленного убоя северного оленя (при сохранении традиционного забоя «личных» оленей) вскрывает или обостряет «сбои» и разрывы внутри процесса, который ранее, при традиционном способе, воспринимался как единый и непротиворечивый. Новая технология «гуманного» забоя, соответствующая европейским стандартам качества, дефрагментирует процесс, ставя каждый элемент, его роль, смысл, порядковое расположение, степень контроля

над ним под вопрос. Оценке подлежит не только качество отчужденного продукта – оленьего мяса, но и качество и корректность каждой процедуры в отдельности, за которую отвечает определенный оператор на этапе конвейерной обработки. Не семья, сообщество или один определенный мастер, а операторы, работники по найму влияют на качество и свойства производимых мяса и шкур. Именно они проводят оленя по пути от жизни к смерти и превращают его в товар. Однако в этой новой технологичной и предсказуемой цепочке отсутствуют посмертные почести и ритуалы, уход за телом оленя, которые как раз подводят тушу (тело) животного к состоянию, в котором оно становится не просто пищевым продуктом, но и источником даров, дружбы, жизненных сил.

Тезис о том, что технология, изменяясь (или возникая там, где ранее не существовало упорядоченной «технологии» как таковой), меняет социальные, трудовые, гендерные отношения, географические и инфраструктурные связи – не нова (Goody 1982; Mintz 1985). В этой связи технология забоя, которая соткана из материальности, способа действовать и мыслить, стандартов, критериев, представлений об эффективном и неэффективном, является не основным фокусом статьи, а контекстом повествования. Иначе говоря, данный этнографический материал рассказывает не столько о технологических сдвигах и изменениях: он показывает «пути» или «биографии» (Kopytoff 1986) оленя, мяса и его крови. При таком подходе кровь предстает в качестве субстанции, наделенной агентностью, при этом она остается связанной как с оленем и шкурой оленя, так и самим животным.

Технологическое и смысловое (символическое) разделение туши, шкуры, внутренностей и оленьей крови становится очевидным на этапе забоя. Справедливым будет возражение о том, что в данной статье авторы сами аналитически проводят дефрагментацию тела оленя на субстанции и части, подобно тому, как эта дефрагментация и классификация происходит в процессе трансформации уникального ресурса, дара, сокровища – в товар (Цзин 2017). Они также пытаются показать, каким образом кровь, отделенная от тела конкретного животного, ставшая «просто оленьей кровью», обретает особый символический статус и свой «голос» в этом процессе деиндивидуализации (Peemot 2017).

Технологии забоя оленя, обработки, упаковки, хранения, транспортировки и продажи туши ее частей проявляются в определенных *стадиях* и обладают линейной, последовательной логикой. Однако кровь находится в различных состояниях не только на разных этапах развертывания технологий, но и в разных уголках мира, что будет показано в данном кросс-культурном исследовании двух регионов Российской Арктики. Как отмечал Дж. Гуди, особенности «пищевых путей (food-ways) или систем питания связаны с более широкими социально-экономическими ситуациями» в том или ином регионе (Goody 1982: 38). При этом в каждом состоянии

она не существует отдельно – не только от социального контекста, но и от материальных субстанций разного типа, с которыми взаимодействует. Кровь, освобождаясь от связи с уникальным, конкретным оленем, проходит все этапы «технологии», просачивается во все среды и места и, тем самым, обнажает условность выделенных некогда этапов, последовательностей действий и самих технологий забоя. Ее путь и ее состояния (в жидком и замороженном виде, в качестве следов на шкуре или кровоизлияний в туше оленя) ставят под вопрос даже момент смерти, смещая его во времени и пространстве.

Итак, данная статья следует двум логикам, определяющим ее структуру и последовательность подглав: в тексте поэтапность технологии забоя оленей вступает в диалог с динамикой состояний крови и ее статуса, которые постоянно меняются. Разделы соответствуют ключевым моментам: подготовка к забою в карале, разделка и обработка туши, утилизация отходов (в том числе крови), обработка шкур, обработка мяса, поставка товаров в продажу в разных форматах и для разных потребителей. Особняком стоит раздел, посвященный процессу деиндивидуализации мяса и крови оленя, происходящей после смерти животных. Смерть занимает некое срединное положение в статье и не определена по отношению к другим этапам забоя, поскольку, как будет показано, локализовать смерть и определить ее границы во времени невозможно однозначно: «биография» крови и ее путь и раскрывают эту амбивалентность темпоральности смерти.

Экономика худых оленей: кровь как знак

Ожидание смерти – состояние, в котором олень может находиться от пары минут до нескольких дней. В тундре длительность мучительного периода определяется мастерством оленевода, который может метко и уверенно вонзить нож в сердце оленя (Чукотка) либо оглушить животное и перерезать ему горло (Ямал). Для забоя «вручную», по традиции, оленя отводят в сторону от стада, но недалеко. Вид такой смерти не вызывает волнений среди живых оленей: а ведь именно сопереживая убитому или слыша незнакомые звуки и сигналы, отдыхающие олени превращаются в оленей, ожидающих собственной смерти (о забое в тундре см.: (Давыдова, Давыдов 2021: 98–100)).

Согласно новой технологии, забой производится в установленном ритме, за единицу времени через конвейер проходит определенное количество животных: *«Оно чище и быстрее: олени не стоят трое суток на улице. А тут они – Ага! “Сегодня поработали, ай, пусть стоят, я спать лягу, завтра их дальше забью”»* (Ямал, дочь оленевода, жена рыбака, 53). Если ранее забой мог производиться несколькими людьми параллельно, что ускоряло процесс и уменьшало время ожидания оле-

ней в карале, то в цеху нет двух-трех параллельных конвейерных лент, чтобы ускорить процесс забоя: *«И нисколько не думают, что там... пять-шесть парней найти, за день сто оленей ободрать...»* (рыбачка, мать оленевода, 69); *«Ну можно же традиционно: тюкни по голове, да выпусти кровь... в сердце... Мужики же стоят там, столько мужиков... Но это же все от руководителя зависит! Они – неееет. Этим... пистолетиком»* (Ямал, жена оленевода, 41).

Итак, при подготовке к процедуре забоя оказывается важным эмоциональное состояние животного. Чукотские оленеводы говорили, что в тундре олени не испытывают того стресса, который они переживают в забойном пункте. Информанты в двух исследуемых регионах подчеркивали, что переживания, страдания и страх животных влияют на вкус будущего мяса и субпродуктов. Все части туш оленей товарного забоя, по словам людей, дурно пахнут, даже «воняют», причем чем больший стресс испытывал олень, тем сильнее его мясо источает неприятный запах.

На этапе ожидания и подготовки кровь все еще пульсирует в живых оленях, находящихся в загоне. Однако кровь других, забитых или разделанных животных обнаруживается через запах, доносящийся до оленей. В нескольких беседах и обсуждениях минусов и плюсов цехового забоя, как на Ямале, так и на Чукотке, местные жители использовали слово «чистота» (о «чистоте» в тундре см.: (Lyarskaya 2012)), которая ассоциировалась ими с процессом забоя в тундре. Тундра – это место, где даже если кровь проливается, она проливается на землю/свежий снег: *«раньше мы, хоть даже и тепло – забьют, повесят, все по-чист-тят [выделяет ярко данное слово], мороз ударил, все это заморозилось и другой – товарный вид»* (Ямал, дочь оленевода, жена рыбака, 53). Пролитая на улице, а не в помещении кровь не создает у информантов ощущения нечистоты, опасности, не источает запах, подобно тому, как кровь пахнет, накапливаясь слоями на искусственных материалах – пластике, керамической плитке: *«Так оно чище на улице делалось»* (Ямал, рыбачка, мать оленевода, 69).

Представления о чистоте, грязи и опасности оказались вплетены в историю строительства забойных пунктов на Чукотке. За последние 15 лет в исследуемом селе было построено два современных забойных комплекса. Первый пункт был возведен в самом населенном пункте. Однако вскоре выяснилось, что отстроенный комплекс не соответствует ряду требований, в частности, он был построен в неправильном месте – слишком близко к жилищу. Руководство оленеводческим предприятием добилось возведения нового, уже второго, оленеубойного пункта в нескольких километрах от села. Здесь важно отметить, что местные жители поддерживали это решение, и они, как правило, указывали на неприемлемость проведения товарного забоя, ассоциируемого с грязью и нечистотой, рядом с селом. Кроме того, отходы производства и запах обычно привлекают хищников.

По представлениям чукчей, пролитая кровь является «грехом», нарушением запрета (ПМА 2017–2019). Нынешние и бывшие оленеводы подчеркивали, что при традиционном забое попадание крови на землю должно быть минимизировано. И действительно, согласно наблюдениям авторов, сделанных в чукотских оленеводческих бригадах, туша забитого животного разделяется на шкуре или имеющейся под рукой непромокаемой материи с целью избежать проливания большого количества крови. Кровь вычерпывается из туши чашкой и тщательно собирается в олени желудки. Информанты подчеркивали, что в прежние времена старики умели разделать оленя так, что ни одна капля не проливалась на землю. Они также вспоминали мрачные проклятия своих старших родственников, звучавшие во время коллективизации: «Вы будете ходить по оленьей крови». Такие пророчества казались им раньше одновременно пугающими и несбыточными. «Однако теперь мы видим (наблюдая за тем, что происходит в забойном пункте. – *Авт.*), что предсказания сбылись», – говорят жители села. В критических нарративах относительно забойного пункта, собранных авторами в 2017–2019 гг., повторялась идея о налаживании переработки оленьей крови. Местным жителям было важно добиться, чтобы кровь не выливалась, а собиралась, перерабатывалась (высушивалась) и находила практическое применение. Однако на тот момент вся кровь животных сливалась по стокам в локальную канализацию.

В забойном пункте кровь умерщвленных оленей, которая не является продуктом (в отличие от ситуации с тундровым забоем), не впитывается в почву или снег, источает запах, который является посланием, знаком для живых оленей. В представлениях о чистоте цеха и чистоте тундры, в том числе символической, вторая однозначно выигрывает. Таким образом, на этом этапе кровь, появляясь (и проявляясь), является сигналом, передающим страх и животных, и людей.

В нарративах ямальских и чукотских оленеводов и рыбаков о технологиях забоя центральной темой выступало также физическое состояние оленей во время длительного простаивания в карале. Собеседниц на Ямале сильно волновал вес животного и нагулянный жир, который «сходил» с оленя, если он простаивал по два-три дня без свежего подножного корма, который он имел в тундре: *«Сто голов привезли, там, сто пятьдесят. Третий день они стоят! Они что – пожирнеют что ли? Они там и дохнут в этом загоне. Вес же теряют. С такой дали еще, сто с лишним километров гонят, потом три дня еще в клетке поддержат»* (дочь оленевода, жена рыбака, 53). Информанты с Чукотки были обеспокоены тем, что олени после длительного перехода, подойдя к забойному пункту, уже устали, хотят есть и пить, и в изнуренном, голодном и жаждущем состоянии вынуждены провести последние часы своей жизни. Такие физические страдания животных, по мнению местных жителей, сильно портят качество мяса.

Время ожидания и подготовки трансформирует тело оленя еще при жизни. В литературе прежде отмечалось (Konstantinov 2005), что на забой отбирают не самых крупных и жизнестойких оленей, а животных средней упитанности и тех, кто может не перезимовать: в том числе хилых, хромых, которых нужно срочно «реализовать», пока они еще могут стать товаром, а не принести убыток. В таком же русле рассуждали и жители Ямала: *«А на забой-то ведь выбраковку ведут. Это олень, который лето переболел или копытища была. Еще ли что-то... исхудал. Это выбраковка. Отбирают этих оленей... Конечно, они в течение осени вес набирают»* (жена оленевода, 41).

Таким образом, «выбраковка» из стада проходит еще один этап, ухудшающий состояние и без того худого, либо переболевшего оленя. Ямальский оленевод упоминает, что существует ряд признаков, согласно которым подобных животных не стоит употреблять в пищу человеку. Тем не менее такие олени замедляют ход стада при перекочевках: *«Некоторых таких забиваем – собакам, куда... Собак же тоже кормить надо»* (муж., оленевод, 59). Штучный забой животных для питания оленеводов и их семей или же на продажу/в дар близким и друзьям семьи, напротив, нередко, по словам ямальских оленеводов, основан на отборе наиболее тучных, жирных и упитанных оленей из личного стада. В то же время чукотские оленеводы иногда забивают плохих оленей «в интересах стада». В частности, решение о забое мог принять бригадир, даже если другие члены бригады хотели бы есть более вкусное и упитанное по их представлениям мясо (ПМА 2017–2019).

Существуют промежуточные формы между товарным массовым забоем и тундровым забоем «для себя». Так, в советские годы на Ямале существовала забойка оленей для коллективного питания (колпит) в бригадах: *«Тут когда свое забиваешь, ты упитанного оленя и на “колпит” ты ведь упитанного оленя берешь»* (дочь оленевода, жена рыбака, 53). Интересно, что согласно полевому исследованию на Ямале, уже в постсоветский период, когда колпит не предоставляется бригадам и семьям работников официально, продолжает существовать негласная договоренность с работодателем о возможности «списать» пару голов оленей агропромышленного комплекса «как выбраковку». Однако неформальные беседы с оленеводами позволяют задуматься, всегда ли олень, оформленный как «выбраковка», действительно был слабым или больным. На Чукотке также периодически проводится так называемая выбраковка. Это официальная процедура, всегда согласованная с руководством оленеводческого предприятия, в ходе которой «контора» направляет в тундру технику и дополнительные рабочие руки, а оленеводы и их помощники (бывшие оленеводы) сами забивают слабых и больных животных и отправляют их обратно на вездеходе в село, при этом часть туш могут оставить для собственных нужд. Сельчане более охотно покупают подобное мясо. Авторы наблюда-

ли на Чукотке, в частности, как один бывший оленевод стремился лично попасть на выбраковку вместе с отправляющимися вездеходами в тундру, так как это сулило ему возможность приобретения свежего мяса.

Помимо «истории болезни» и биографии каждого отобранного на забой оленя существует огромная разница между состоянием убитых в первые дни забойной кампании и в последние дни, когда происходит истощение ожиданием. Время играет против качества, против вкуса и создает очень неравномерный «массив» оленьего мяса. Местные жители рефлексуют такого рода неравномерности при взаимодействии с продукцией с оленеубойного пункта. На Чукотке во время забоя многие части туш оленей, такие как кишки, головы, хвосты, желудки, легкие, почки, кровь, раздаются местным жителям бесплатно. Следует отметить, что люди не просто считают данные виды продукции съедобными, а любят их вкус и используют для приготовления различных традиционных блюд (Афанасьева, Симченко 1993). Конечно, субпродукты с забойного пункта считаются едой не самого лучшего качества, но при отсутствии возможности получить мясо из тундры местные жители все-таки их берут. При этом существует правило, которое помогает людям найти компромисс и приобрести при минимуме затрат более качественные по их представлениям продукты: все информанты подчеркивали, что забор отдаваемых бесплатно частей туш оленей необходимо осуществлять в самом начале забоя товарного стада, пока олени не изнурены ожиданием смерти. Забор бесплатной продукции в более позднее время также возможен, но в таком случае отходы производства используются в качестве корма для собак.

Таким образом, местные жители вырабатывают особое отношение к массиву субпродуктов, особую «направленную внимательность» (attentionality), ориентированную на восприятие изменений в оленях и их телах во времени под воздействием окружающей среды и отношений с людьми (Ingold 2016: 10–12). Способность увидеть в общей массе промышленной оленеводческой продукции неоднородность базируется на телесных знаниях и навыках, которые формируются «перспективой обитателя» (dwelling perspective) (Ingold 2002). Пробуя на вкус раздаваемые субпродукты, принимаясь к ним, люди оказываются способны разместить их на временной шкале и шкале съедобности/несъедобности, соотнеся время, проведенное животным в забойном пункте, с качеством пищи. На этих примерах хорошо видно, что механизация и стандартизация технологии забоя не позволяют стандартизировать само качество сырья/продукта, а, напротив, создают существенные различия, которые уловимы только с «перспективы обитателя» (Там же). Поступая на кораблях в Анадырь, оленина с того или иного забойного пункта становится «амгуэльской», «канчаланской», «устьбельской» и т.д.: эти партии мяса отличны друг от друга, но достаточно однородны по качеству представленных в них продуктов.

Вкус мяса с «товарным видом»

Одна из ключевых причин перехода к европейским стандартам качества и ветеринарного контроля над поставляемым мясом связана с целью достижения «товарного вида» оленины. Показательно мнение бывшего оленевода, а ныне директора оленеводческого предприятия на Чукотке, о мясе с забойного пункта. Мужчина полностью согласен с мнением его односельчан о низком качестве оленины товарного забоя, сам он употребляет в пищу исключительно тундровое мясо. Однако, по его словам, современный забойный пункт необходим, так как обеспечивает оленине не вкус, а «товарный вид», что важно для сбыта продукции на рынке. Акцент на «вид» сделан не случайно: на прилавках, в официальной массовой торговле, где у покупателя нет прямых связей и коммуникации с поставщиком и, тем более, с оленеводом, товар воспринимается прежде всего «визуально», а уже потом через канал вкусового восприятия.

Важно также отметить, что за пределами оленеводческих поселков и стойбищ может происходить некоторая экзотизация поставляемого оленьего мяса, например в больших городах других регионов, если его не так много на рынке и оно не входит в состав ежедневного рациона местных жителей. В любом случае у потребителя, не имеющего доступа к мясу из оленеводческих бригад, не вырабатывается устойчивый эталон вкуса, позволяющий сравнить мясо тундрового и промышленного забоя. Способ упаковки и доставки потребителю также играют роль в выстраивании не только вкусового, но и визуального образа «качественной оленины».

Интересно, что слово «вид» одновременно используется и в официальном дискурсе, репортажах СМИ об открытии новых современных пунктов забоя (На Чукотке начинает работу 2017; Новый комплекс 2019), и в неформальном общении местных жителей, которые часть своей жизни были связаны со сбытом оленины (как в случае разговора с директором оленеводческого предприятия) или торговлей (у одной собеседницы, как выяснилось, младшая дочь как раз оканчивала кулинарный техникум). Так, и на телевидении, и в разговоре на рыбацкой кухне на Ямале звучит понятие «товарный вид», но означает это слово подчас совершенно разные, противоположные вещи. Так, например, в нижеприведенном высказывании видно, что товарный вид мяса имело именно в результате тундрового забоя: *«...раньше привезут на забой пятьсот, тысячу голов, за два дня это все уже обдерут, мясо висит уже. Оно товарный вид имеет, а сейчас... я второй год в поселок езжу, смотрю на эту забойку, я говорю, конечно, извини за это выражение, это директора взять, три дня в этом загоне подержать, потом за ногу подвесить и туда в этот запихать»* (бывшая рыбака, сотрудница магазина, 38).

Значимым маркером в селах Чукотки, свидетельствующим о том, какой была биография оленя и оленины, является запах: как отмечалось мясо с убойного пункта «дурно пахнет». Обоняние и вкусовые ощущения становятся точными инструментами определения качества мяса, которые не позволяют местным жителям в поселке «обмануться» подобно городским покупателям. В поселках Ямала визуальная оценка оказывается не менее важной для местных жителей, чем запах. Так, одна женщина, которая утратила близкие связи с оленеводами в семье и потому покупала мясо на забойном пункте, переживает, что *«мясо... прошлый год и вот эти два года [после открытия забойного пункта] – мясо смотреть страшно, никто, мне кажется, не покупал»* (дочь оленевода, жена рыбака, 53). Другая собеседница подтвердила, что мясо *«страшное, черное все»*, именно этот первичный признак позволяет им сделать вывод, что оно также не очень вкусное и не подходит для приготовления пищи для человека, его можно использовать лишь в качестве корма для собак. Однако визуальный идеал мяса городских и сельских жителей Ямала не идентичен, для последних важен именно цвет, сигнализирующий о присутствии крови.

Проблема «черного мяса» уже затрагивалась в литературе (Konstantinov 2005). Однако прежние интерпретации исследователей не совпадают с полученными в поле на Ямале. Константинов пишет, что причиной, по которым мясо обретает такие свойства – вкусовые и визуальные, является отсутствие хороших рефрижераторов. По мнению современных жителей Ямала, помимо стресса животных, потери веса, длительного ожидания, новая технология забоя влияет на застой крови в теле из-за того, что животное некоторое время остается живым, но парализованным: кровь не полностью «выходит» из тела после обдирания шкур и обработки: *«Так... электрошокером выбивают... бьют, и кровь не выходит. Она все, полностью парализуется, все...»* (рыбачка, мать оленевода, 69).

На страницах полевого дневника один из авторов статьи отметил, что, готовя котлеты из оленины, наткнулась на темный кусочек в ярком мясе. Хозяйка сказала: *«вырежи это, это кровь, ее в котлеты не надо»*. Данный участок был похож на микроскопическое кровоизлияние: более крупные участки поражения мяса, которое становится «кровяным», характерны для туши убитых на охоте животных: таежные охотники объясняли такое состояние участков туши «контузией», которую получает, например, бобр, когда в его тело попадает пуля. В этом случае данное мясо отдается собакам, однако неповрежденные куски туши вполне пригодны для пищи (ПМА 2019–2020). Таким образом, полностью черное/темно-бордовое мясо оленя из забойного пункта воспринимается как результат паралича, контузии, охватившей все тело животного, серии кровоизлияний, которые сделали не участок туши, но всю ее несъедобной.

В этом контексте пролитая кровь становится источником стресса и знаком ужаса, но непролитая и не вышедшая из тела оленя кровь, которая застоялась, формирует отрицательный образ мяса, который отталкивает даже самых непритязательных покупателей в поселке (ПМА 2019–2020). Кровь, которую пытались приручить и контролировать в рамках новой технологии, стала причиной потери товарного вида мяса, а не его обретения.

Взгляд жителей Ямала, неоднократно повторяющих, что «кровь застоялась», «кровь не вышла до конца», вступает в диалог с этнографическим материалом, собранным на Чукотке. В отличие от ямальских оленеводов, жители чукотских оленеводческих поселков видят в качестве одной из ключевых причин потери вкуса «государственного мяса» именно в потере крови, которая делает его сухим, не питательным, пресным. *«В тундре мясо забивают в сердечко, кровоспуски не делают, мясо насыщенное. А здесь, тем более, мы сейчас полностью по финской технологии забой производим, поэтому они невкусные»* (муж., оленевод, 71). Если «застой» крови определяется жителями Ямала визуально через цвет мяса, то безвкусная и не питательная «обескровленная» оленина выдает себя именно через вкусовые качества. В данном исследовании мы не ставим целью понять, коренится ли разница восприятий в различении технологий забоя и сливания крови после оглушения или вкусовое восприятие и социальное воображение создает две диаметрально противоположные картины. Для нас важно выявить агентность крови, присутствие или отсутствие которой в теле животного в момент смерти, т.е. ее неправильное или несвоевременное местонахождение или физическое состояние, и создает определенные вкус, вид и качество мяса и других продуктов. В одном случае, покидая тело оленя, она заставляет потребителей мяса ориентироваться на свое обоняние и вкус, в другом случае, задерживаясь в туше, проявляет себя визуально.

Сакральное как отходы производства

В третий раз тема крови актуализируется в связи с дискурсом о высоких стандартах качества и хорошем, безопасном с санитарной точки зрения мясе. Неотъемлемой частью европейских стандартов забоя является грамотная утилизация отходов: кровь, слизь, субпродукты не должны разлагаться или гнить, создавая опасную обстановку, особенно вблизи населенного пункта. Для местных жителей, в свою очередь, неутраченные отходы означают опасности, связанные с близким подходом арктических хищников к поселкам и забойным пунктам: в связи с наличием отходов возникает угроза нападения диких животных на самих сельчан.

Традиционный забой предполагает бережный сбор оленьей крови в полном объеме, хранение ее в желудках, мешках, специальных сосудах или даже простой эмалированной кастрюле (ПМА 2017–2019; ПМА 2019–2020). Если капли крови проливаются на снег/землю, после забоя люди «очищают» место, но также в процессе очищения участвует и сама природа: сильные морозы, свежий воздух, ветер, поверхность почвы, мох или снег не дают возможности крови, пролившейся за пределами помещений, вступать в те биохимические реакции, в которые она вступает в замкнутом пространстве цеха.

Значение крови в данной ситуации колеблется от полюса, где она является отходом производства и грязью, источником антисанитарных условий и болезней, до полюса, где она источник питательных веществ и часть блюд (Афанасьева, Симченко 1993), приправа, витаминизированная пища, повышающая уровень гемоглобина, и даже актор в ритуалах, участвующий в создании близких отношений между людьми, оленями и домашним пространством (Богораз 1934: 130–131; 1939: 62; Vaté 2011: 135–160). По представлениям чукчей, оленья кровь обладает сакральными свойствами (Богораз 1939; Vaté 2011: 135–160; Willerslev, Vitebsky, Alexeev 2014); оленеводы используют ее в качестве материала для нанесения семейных знаков на лица людей и ритуальных предметах во время обрядов, а бесцельное пролитие крови или ее «сливание», как уже было отмечено, приравнивается к греху. Кровь создает и поддерживает единое домашнее семейное пространство, в которое оказываются включены люди, олени, духи-покровители и яранга с ее ритуальными принадлежностями (Vaté 2013).

При промышленном забое по государственным стандартам кровь оказывается не только ненужным и нежеланным элементом, но отходом и «мусором», с одной стороны, и причиной образования «черного» (на Ямале) или «ненасыщенного» (на Чукотке) невкусного мяса – с другой. Примечательна здесь технологическая и культурная «локализация» крови: и внутри оленя, и снаружи – кровь как бы «мешает» системе, которая не хочет принимать ее в расчет, а ее сакральные и полезные свойства отбрасываются на периферию.

На Чукотке люди критикуют руководство забойного пункта, в частности, за неспособность организовать безотходное производство. Несмотря на бесплатную раздачу части отходов, все-таки многие съедобные, с точки зрения местного населения, части туши оказываются выброшенными (субпродукты, кровь, головы), в силу того, что они не являются товаром и не могут быть проданы, а местное население не нуждается в таком большом количестве этих продуктов (ведь забиваются тысячи оленей). Более того, как уже было отмечено, сами жители села брезгливо относятся к крови и внутренностям оленей, убитых на забойном пункте, поэтому разбирают их без особого ажиотажа. В резуль-

тате образуется большой массив выброшенных продуктов и крови, который рассматривается как непростительное расточительство, нарушение сакральных норм, грех, источник нечистоты. При этом местных жителей не покидала надежда, что работа забойного пункта будет направлена в нужное русло, и, по крайней мере, оленья кровь станет собираться и высушиваться для дальнейшей реализации.

Пример Чукотки показывает, что местное население активно взаимодействует с забойным пунктом, в частности его работниками, занимающимися разделкой туш, являются жительницы села, бывшие оленеводы, вышедшие на пенсию. При этом в обоих исследованных регионах связь между представлениями местного населения и применяемыми при забое новыми технологиями вступает в явное противоречие. По этой причине жители Шурышкарского района ЯНАО не стоят перед выбором брать или не брать бесплатные отходы производства, поскольку сам забойный пункт не предлагает отдать даром или даже продать кровь, субпродукты или шкуры населению. Здесь сам процесс обработки туши не предполагает времени и места для проведения очистки и сбора внутренностей и крови, чтобы впоследствии их «подарить» местным семьям либо продать на внешнем рынке. В инфраструктуре забойного пункта для этих «частей» и фрагментов тела оленя есть объемный, регулярно опорожняемый септик. Раздать людям то, что должно быть утилизировано, означало бы дать повод для небезопасного (с точки зрения ветеринарного и санитарно-эпидемиологического контроля) употребления или утилизации субпродуктов и крови.

Интересно, что хотя кровь и субпродукты являются на забойных пунктах отходом, мусором или даром, состоящим из «ненужных вещей» и веществ, тем не менее, государственные предприятия пытаются контролировать судьбу того, что они символически уже отбросили или подарили. Неутилизированный мусор опасен своей неподконтрольностью, поэтому в некоторых случаях безопаснее не быть «щедрым», но соответствовать установленным стандартам.

Разорванный цикл: кровь, впитавшаяся в шкуры

Еще одним отходом производства на забойном пункте Чукотки являются шкуры. Приехав на его территорию летом 2018 г., т.е. почти через год после последней забойной кампании, авторы увидели странный ландшафт: посреди бескрайней зеленой августовской тундры выделялось большое светлое пятно, при приближении к которому все отчетливее виднелись клочья пуха и шерсти. Выброшенные и не утилизированные шкуры, а также разорванные полиэтиленовые мешки, образовав месиво, создавали ощущение свалки (рис. 1).

Рис. 1. Отходы производства. Чукотка. 2018 г.

Местные жители и руководство оленеводческого предприятия высказывали надежду, что в будущем откроется цех по выделке шкур на базе оленеубойного пункта. В 2019 г. уже была даже доставлена необходимая часть оборудования для производства шкур, замши и камусов. Чем закончится история этой надежды, покажет время. Мы же перенесемся на Ямал, где мечта жителей Чукотки оказалась частично реализованной и, что важно для логики данного исследования, привела к новой биографической траектории оленьей крови.

Что происходит после того, как часть крови остается внутри (в структуре мяса оленьей туши), а часть – снаружи («сливается» в канализацию)? Проявляется и третий способ локализации, в котором кровь обнаруживает себя и чрезвычайно сильно влияет на процесс производства конечного «продукта». Кровь остается на внутренней стороне шкур, впитываясь в ее глубокие слои. После традиционного забоя шкуры легко поддавались выделке, верхние слои кожи легко очищались от различных субстанций, в том числе крови животного. На рис. 2 камусы выделаны после тундрового забоя собственных оленей семьи.

Различие стало заметно после открытия забойного пункта, работающего по современным технологиям.

Это заметили те местные жительницы, которые сами вручную занимаются выделкой шкур, но не касаются с бригадой оленеводов, а потому у них нет собственных «домашних» оленей, которых забивает муж или другой родственник. В этом случае они вынуждены покупать шкуры в конторе забойного пункта: *«Я в прошлом году два зверя покупала [цели-*

ком две туши оленя с прилегающими к ним шкурами (после санитарной обработки), но уже без внутренностей], и, дак, это самое, выделать не смогла даже! У нас же ручная выделка. Она [шкура] вся в крови, все впитано в мездрю, в кожу вся. Кровь впитывается. И... почему мясо-то черное? Кровь вся там... стоит» (дочь оленевода, жена рыбака, 53).

Рис. 2. Камусы на зимней стоянке оленеводческой бригады после тундрового забоя хорошо поддаются выделке. Ямал, Шурышкарский район. 2020 г.

В этом высказывании видно, как выстраиваются связи между моментом оглушения, парализации оленя, кровоизлияниями, которые формируют «черное мясо», и моментом обдирания шкур и их выделки: черное мясо, находясь в контакте с внутренней стороной кожи и шкуры, разрушает и ближайший слой кожи, впитываясь в него. На этом примере становится отчетливо заметна феноменальная природа оленьей крови, которая в условиях технологии проявляет богатый спектр своих свойств: проникая и смешиваясь с другими субстанциями и веществами – кожей, мясом, внутренними органами, она не существует уже автономно от них, но создает в альянсе с ними новый тип вещества, новый тип материального объекта. Эта материальность ставит «в тупик» тех, кто десятилетиями готовил, разделял мясо, выделывал шкуры и шил из них бурки.

Между тем логика промышленной обработки идет дальше. Она отсекает возможность успешной ручной выделки шкур, купленных в конторе. Шкуры такого типа более не нужны населению, их не реализовать на местном рынке. Владельцы АПК отказываются продавать их, поскольку они изначально не раздавали и не продавали подешевле внут-

ренности и кровь после обработки. В структуре забойного пункта нет трудовых и технологических ресурсов для постзабойной обработки. Нарастает дефрагментация самого процесса производства конечного продукта: если на месте нет условий и специалистов для выделки шкур, в глубинные слои которых впиталась кровь, шкуры необходимо отправить туда, где эта технология разработана. Вот как описывает последствия внедрения новых технологий забоя одна из собеседниц:

И. Так а если шкуры не выделатъ, то как тогда? Пропадет товар же.

Р.: Так он шкуры продал же в Якутию.

И.: Так а там что выделают?

Р.: А там химвыделка! Там химвыделка. Там им не важно – кровь, не кровь, не важно. А химвыделка – на один сезон... Прошлый год он мне два зверя хоть продал, а нынче вообще не продал... и шкуры мы покупали: кому надо – покупали. А сейчас – нет.

И.: Тут же и рыбаки шьют из шкур?

Р.: Конечно, мы же и рыбаки, мы же и шьем. Мы, например, зимой не привыкли сапоги носить. Всю зиму в бурках ходим (рыбачка на пенсии, 75).

Шкуры, которые невозможно выделатъ вручную, отправляются для химвыделки с Ямала в другой регион. Цикл обработки, так или иначе, завершается, но он уже не привязан к определенной локальности, к местному сообществу: из шурышкарской тундры будущий «товар» направляется в Республику Саха (Якутия). Меж тем местные жители оказываются в ситуации, когда они не могут приобрести в конторе ни мясо (оно «кровяное», «черное», «невкусное»), ни шкуры (они не годны для ручной выделки, а их реализация населению постепенно сворачивается спустя 2 года после открытия нового забойного пункта).

Местное и транслокальное: разрушение близких связей

География перемещения шкур и мяса разрастается и включает в себя все новые рынки, инфраструктурные элементы, маршруты по мере того, как степень соответствия европейским, а не только российским стандартам качества повышается. Забойные пункты с усиленным ветеринарным контролем и «гуманным» оглушением/парализацией тела животного важны не столько для того, чтобы реализовывать продукцию в самих регионах, сколько для того, чтобы придать продукции более высокий статус и наделить ее свойством безграничной транслокальной или даже транснациональной мобильности.

В чукотском оленеводческом селе авторы столкнулись с ожиданием транснационального рая, который вот-вот должен наступить, если работа нового убойного пункта будет нормализована и приведена к определенным стандартам. Среди местных жителей ходили разговоры о заинтересованности в местной оленеводческой продукции финнов и китайцев. Одна-

ко необходимо подчеркнуть, что уже сейчас оленина с забойного пункта перемещается между различными локальностями, ведь она удовлетворяет нужды не столько местного населения (которое, по большей части, покупает мясо у тундровиков), сколько жителей других поселений Чукотского автономного округа. Чукотка – достаточно крупный и разнородный регион со своими каналами поставок, в том числе оленины. В действительности лишь небольшая часть партии мяса остается в самом селе и Иультинском районе, в основном для нужд школ, садов, интернатов. Большая часть мяса с забойного пункта отправляется в окружной центр Анадырь и села Анадырского района. Более того, проект современного забойного комплекса – это во многом ответ на запросы и ожидания производителей и потребителей мясной продукции столицы Чукотки.

В ходе интервью руководство и сотрудники пищевых комбинатов, занимающихся переработкой оленины в Анадыре, рассказывали авторам, что современные комплексы, построенные по европейской технологии, повышают качество поставляемого сырья. Мясо оленей, забитых по всем стандартам, они скупают более охотно и по более высокой цене. Рядовые местные жители столицы Чукотки также нередко отмечали, что предпочитают брать в магазине именно оленину, произведенную в исследуемом селе. Жители приводили множество причин ее высокого качества, в частности, упоминали новый оленеубойный пункт, построенный по всем европейским стандартам. В самом селе востребованность оленины на рынке является не только основанием для получения новых субсидий оленеводческим предприятием от государства, но и предметом гордости, источником чувства самодостаточности, востребованности, перспективности жизни на своей земле для всех жителей оленеводческого села.

Однако если продукция одного из крупнейших и успешных оленеводческих предприятий Чукотки распределяется исключительно между различными локальностями самого округа, то транслокальность и транснациональность ямальской оленины и шкур являются бесспорным и свершившимся фактом:

Р.: Вот два года. 18–19 год, ага... Я прошлым году ездила, хотела лапы купить, так даже лапы нам не продают.

Р2.: Да, ничего не продают.

*Р.: Мгм, ничего! Этот... С.*** оптом куда-то в Якутию продает.*

Р2.: ...в Якутию продает...

Р.: Мы даже «лапы» купить не можем.

И.: Камуса, да?

Р.: Да! Да. Бурки-то вот шьем-то...

И.: То есть, теперь населению не реализуют?

Р.: Не-а. А это мясо, которое привезли в рыбучасток, говорят, «ой, такое темное, черное!». Но, говорят, что есть в продаже (Р. – дочь оленевода, жена рыбака, 53; Р2. – рыбака на пенсии, 75).

Новостные репортажи 2018–2020 гг. пестрят информацией о том, что ЯНАО является первым Арктическим регионом страны, наибольший процент оленины из которого доставляется в страны Европы, а не продается на российском рынке (На Ямале прибавится 2018; «Ямальские олени» 2018; Новый комплекс 2019; Оленину в магазины 2019; Как проходит забойная кампания 2020; На Ямале перевыполнили 2021). Но являются ли шкуры ямальских оленей, прошедшие химвыделку в Якутии, очищенные от следов крови, собственно «ямальскими»? Кровь, ставшая частью кожи, корректирует планы реализации продукта (Цзин 2017) и добавляет в инфраструктуру транспортировки продукта как минимум один логистический узел, которого могло бы не быть, если бы цикл от отбора оленей на забой до упаковки мяса и выделки шкур/камусов происходил на базе местного предприятия.

Мы видим на материале предыдущих подглав, как пути крови в северных сообществах расходятся в различных направлениях: кровь впитывается в землю и снег, сливается в трубы, заполняя септик, покидает мясо или проникает в него, лишая его части съедобных и эстетических качеств, проникает в глубинные слои кожи, затрудняя выделку и превращение шкуры в материал для пошива одежды и обуви.

Как компонент невыделанных шкур кровь преодолевает в высушенном виде огромные расстояния, чтобы затем быть вытравленной с их поверхности. Однако, вступая в химические реакции и испаряясь, она забирает с собой частицы кожного покрова и отнимает у шкур свойства гибкости, эластичности и долговечности. Фактически она управляет их временем бытования и обращения в сообществах: отъединяясь от субстанции шкуры, она сокращает капитал времени до года-двух эксплуатации:

Р.: *Это обувь на один сезон.*

И.: *Потом сытаться начинают?*

Р.: *Они лопаются.*

И.: *Замша не эластичная?*

Р.: *Да, она сама вот рвется* (дочь оленевода, жена рыбака, 53).

Параллельно кровь и мясо, оставшиеся в хранилищах контор в селах после отбора партии на внешние поставки, переживают существенную трансформацию, которая завершает логику деиндивидуализации, начатую во время забоя и в то же время сопротивляется ей через уникальные биографические траектории.

«Жизнь» после смерти: трансформации биографии мяса

Вышеупомянутая дефрагментация является ключевой стадией производства новой, деиндивидуализированной «биографии» мяса и биографии крови. Вследствие смены забойной технологии, «биография» оленя находится практически на грани стирания после прохождения конвейера. Субъектность оленя, забитого вручную, сохраняется и длится в памяти

семьи/сообщества, которые сами разделявают мясо, сами готовят и, употребляя в пищу, могут вспоминать об этом олене. Подтверждением служат наблюдения авторов за декабрьскими приготовлениями к новому году в ямальском чуме, когда информантами обсуждались качество мяса и судьба оленей из стада и домашних оленей, которые также могут пойти на пропитание семьи (ПМА 2019–2020); а также за жизнью людей и беседами в чукотских ярангах после забоя оленей в летний и зимний периоды: тундровики с легкостью идентифицировали отдельные мясные запасы, хранящиеся в различных ямах или жердях каркаса жилища, вспоминая не только время забоя, но и качества самих животных и мяса (ПМА 2017–2019). Иначе говоря, оленеводы в тундре едят не деиндивидуализированное мясо, а конкретные части туши от определенного оленя, забитого в определенное время, т.е. фактически «едят кого любят» и знают (Peemot 2017).

Однако наш аргумент заключается в том, что, несмотря на явную направленность новой цеховой забойной технологии на универсализацию и обезличивание мяса, оленина и сам олень становятся частью новой коллективной биографии, хотя при этом теряют связь с бригадой или семьей. Разговоры о качестве оленины и о последних днях жизни оленей в карале были окрашены в яркие эмоциональные тона. Было осязательно личное отношение к судьбе животных и мяса, которое последовательно деиндивидуализировалось. Потребители как эмоциональные субъекты – знающие и незнающие судьбу оленя и туши одновременно, оказывали невольно сопротивление логике товарного обезличивания через биографическую логику и восприятие.

Более того, как уже отмечалось, оленина с разных оленеводческих предприятий и забойных пунктов Чукотки, попадая, например, в Анадырь, опять-таки актуализирует свою локальную составляющую собственной биографической ситуации. Для скупщиков оленеводческого сырья, как торговых, так и мясоперерабатывающих предприятий, «биография» той или иной партии оленины является очевидной и важной при ценообразовании. Оленина с анализируемого в данной статье «забойника» является одной из самых дорогих. Она считается очень качественной и вкусной и фактически превратилась в гастрономический бренд. В частности, его пытались использовать одно местное предприятие, поставляя на рынок пельмени с названием данного села.

Есть еще один деиндивидуализированный продукт парализованного оленьего тела, порожденный реформой забойной технологии, – фарш. В субстанции фарша кровь не сливается, не испаряется, не «выводится» химикатами и не утилизируется в септик. Она дефрагментируется вместе с самим мясом, которое достигает состояния неразличимости, когда структура мяса не видна, а кровавой цвет фарша не свидетельствует о сбое технологии.

Любопытно, что стоимость фарша и обычного мяса на один килограмм веса одинакова, что на первый взгляд кажется нелогичным, ведь

при создании фарша к цене как минимум должна прибавляться стоимость труда человека, производящего этот продукт. Создание однородной массы мяса преследует цель не получить дополнительную прибыль за счет переработки продукции (как это происходит, например, в Анадыре), а довести до конца процесс деиндивидуализации оленины, начатый в ходе товарного забоя, тем самым скрыть негативные свойства мяса путем превращения его в безликую массу. Но даже при своей «дробности» и изменении до неузнаваемости, когда по фаршу невозможно определить оленя, из мяса которого он сделан, фарш и кровь в нем имеют свою биографию, свою историю, и потому даже здесь процесса полной деиндивидуализации не происходит (о процессе десубъективации животного в процессе разделки и длительного приготовления см.: (Кон 2018)), Местные жители, бывшие и нынешние оленеводы, по запаху и вкусу легко идентифицируют эти биографические траектории, поэтому производство фарша в основном ориентировано на приезжих.

Так, можно подметить, что «конвейерных» оленей местные жители наделяют особыми качествами, в том числе указывая на негативные свойства мяса, их худобу, измученность, страдания. Они не знают, из какой бригады и какого стада каждое отдельное животное, но, тем не менее, эти олени «крещены» убойным цехом вторично и имеют весьма определенную идентичность среди односельчан. Эта практика, этот способ воспринимать и высказывать суждения о пищевых ресурсах и товарах, о животных и людях позволяют им разбираться в опасном и некачественном и отказываться от покупки или потребления.

Заключение: деиндивидуализация оленя и агентность крови

Таким образом, было показано, что в процессе цехового забоя индивидуальность и «биография» животных переформатируются и переписываются, появляется новая «коллективная биография» оленей, а также новые качества, приписываемые мертвым существам. Данные качества актуальны для различных категорий потребителей – работников цеха, членов местного сообщества, скупщиков, городских покупателей. Дискуссии, возникшие в поселках, где запустили новые забойные пункты, проблематизируют качество жизни и смерти оленя, качество мяса, дела их живыми субъектами дискурса вокруг забойной технологии, резко контрастирующей с практикой традиционного забоя в тундре.

Анализ данных, собранных на Чукотке и Ямале, показывает, что критерии «товарного вида» для официальной торговли и стандарты экспорта оленины существенно отличаются от локальных критериев, вырабатываемых жителями в соответствии с целым комплексом визуальных, вкусовых, обонятельных ощущений и потребительским опытом начиная с детских лет. Биография оленя, мяса и его вкусовые каче-

ства оказываются тесно связаны между собой. Вкус оленинговодческой продукции – результат взаимодействия человека, животного и ландшафта (включающего природные и инфраструктурные объекты). При этом он зависит не только от пастбищ, где паслись олени, но и от ландшафта, в котором животное было убито и в котором было превращено в пищевой продукт. Состояние оленя накануне смерти, его взаимодействие с людьми, а также дым очага, мороз, ветер или лента конвейера, холод рефрижераторов, транспортировка в контейнерах, наличие или отсутствие крови в мясе – всё это и создает особые оттенки вкуса.

Опираясь на полевые материалы, авторы попытались проанализировать роль крови, циркулирующей между разными локациями, разными точками в пространстве села и местах тела оленя (караль – конвейер – септик – мясо – кожа – фарш); разными состояниями (живой, парализованный, но живой, мертвый олень). Причем кровь, ее наличие / отсутствие являются существенной составляющей не только технологии забоя, но и самой материальности производимых пищевых продуктов и шкур. Кровь обладает определенной агентностью, сокращающей срок службы шкур, обуславливающий отказ местных жителей от потребления мяса, приводящей к дефрагментации мяса до состояния фарша.

Агентность крови, которая сохраняется после смерти оленя и «проявляет» себя как отдельная субстанция в процессе забоя, реактуализирует его субъектность, участвует в формировании новых деиндивидуализированных биографий крови, мяса, шкур и других продуктов оленеводства.

Список источников

- Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Традиционная пища береговых и оленных чукчей // Народы Сибири: Сибирский этнографический сборник. Вып. 6. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 56–100.
- Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934.
- Богораз В.Г. Чукчи: Религия. Ч. 2. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.
- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Производство (вкус) оленины: практики забоя животных в тундре и в оленинговодном пункте на Чукотке // Кунсткамера. 2021. № 2. С. 95–103.
- Как проходит забойная кампания в Шурышкарском районе после запуска нового цеха // Сайт «Ямал-медиа». 02.12.2020. URL: <https://yamal-region.tv/news/51133>
- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии поту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2018.
- На Чукотке начинает работу обновленный оленинговодный пункт в Амгуэме // Независимый портал для специалистов мясной индустрии «Мясной эксперт». 27.10.2017. URL: <https://meat-expert.ru/forums/record/novosti-otrasli/zhivotnovodstvo/na-chukotke-nachinaet-rabotu-obnovlennyy-oleneuboyunnyy-punkt-v-amgueme-r27426>
- На Ямале перевыполнили планы по заготовке мяса оленя // Сайт Департамента агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа. 15.01.2021. URL: <https://dapk.yanao.ru/presscenter/news/57569>
- На Ямале прибавится убойных комплексов. Повезет Питляру и Белоярску // Сайт «Север пресс». 23.01.2018. URL: <https://sever-press.ru/2018/01/23/na-yamale-pribavitsya-ubojnykh-kompleksov-povezot-pitlyaru-i-beloyarsku>
- Новый комплекс по заготовке оленины открыли в Шурышкарском районе // Сайт «Аргументы и Факты. Ямал». 17.12.2019. URL: https://yamal.aif.ru/society/details/novyy_kompleks_po_zagotovke_oleniny_otkryli_v_shuryshkarskom_rayone

- Оленину в магазины! На Ямале активизируют забой и переработку // Сайт «Красный Север». 05.04.2019. URL: <https://ks-yanao.ru/novosti/oleninu-v-magaziny-na-yamale-aktiviziruyut-zaboy-i-pererabotku-.html>
- ПМА 2017–2019 – Материалы полевых исследований в Иультинском районе Чукотского автономного округа, 2017–2019 гг. Полевые дневники.
- ПМА 2019–2020 – Материалы полевых исследований в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, 2019–2020 гг. Полевые дневники.
- Цзин А.Л. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem, 2017.
- «Ямальские олени» завалили тундру трупами // Сайт информационного портала «ЯмалPRO». 11.01.2018. URL: <https://www.yamalpro.ru/2018/01/11/yamalskie-oleni-zavalili-tundru-trupami>
- Davydova E.A., Davydov V.N. Abattage de rennes: production de viande et de saveurs en Tchoukotka [Slaughtering Reindeer: Production of Meat and Tastes in Chukotka] // Inuit Studies. 2022 (In press).
- Goody J. Cooking, Cuisine and Class: A Study in Comparative Sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Ingold T. On Human Correspondence // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2016. Vol. 23, № 1. P. 1–19.
- Ingold T. The Perception of Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London; New York: Routledge, 2002.
- Konstantinov Yu. Reindeer-herders: Field-notes from the Kola Peninsula (1994–95). Uppsala: Uppsala University, 2005.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / ed. by A. Appadurai. Cambridge, 1986. P. 64–91.
- Lyarskaya E. Female Taboos and Concepts of the Unclean among the Nenets // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism / ed. by A. Baiburin, C. Kelly, N. Vakhtin. London; New York: Routledge, 2012. P. 50–58.
- Mintz S. Sweetness and Power: The place of sugar in modern history. New York: Penguin books, 1985.
- Peemot V. We Eat whom we Love: Hippophagy among Tyvan Herders // Inner Asia. 2017. Vol. 19. P. 133–156.
- Reinert H. The Corral and the Slaughterhouse: Knowledge, Tradition, and the Modernization of Indigenous Reindeer Slaughtering Practice in the Norwegian Arctic: Diss. for PhD. Cambridge, 2009.
- Vaté V. Dwelling in the Landscape among the Reindeer Chukchis // Landscape and Culture in Northern Eurasia / eds. by P. Jordan. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2011. P. 135–160.
- Vaté V. Building a Home for the Hearth: Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North / eds. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. New York; Oxford: Berghahn Books, 2013. P. 183–199.
- Willerslev R., Vitebsky P., Alexeev A. Sacrifice as the Ideal Hunt: A Cosmological Explanation for the Origin of Reindeer Domestication // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2014. Vol. 21, № 1. P. 1–23.

References

- «lamal'skie oleni» zavalili tundru trupami [“Yamal deer” littered the tundra with corpses], Website of the ‘YamalPRO’ information portal. 11.01.2018. Available at: <https://www.yamalpro.ru/2018/01/11/yamalskie-oleni-zavalili-tundru-trupami>
- Afanas'eva G.M., Simchenko Iu.B. (1993) Tradisionnaia pishcha beregovykh i olennykh chukchei [Traditional Food of Coastal and Reindeer Chukchis]. *Narody Sibiri: Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Peoples of Siberia: Siberian Ethnographic Collection.]. Vol. 6. Moscow: IEA RAN, pp. 56–100.

- Bogoraz V.G. (1934) *Chukchi* [Chukchis]. Part I. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK.
- Bogoraz V.G. (1939) *Chukchi. Religii* [Chukchis. Religion]. Part II. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi.
- Davydova E.A., Davydov V.N. (2021) Proizvodstvo (vkusov) oleniny: praktiki zaboia zhiivotnykh v tundre i v oleneuboinom punkte na Chukotke [Production of Venison Tastes: Practices of Animal Slaughter in the Tundra and in a Slaughterhouse in Chukotka]. *Kunstkamera*, Vol. 2, pp. 95-103.
- Davydova E.A., Davydov V.N. (2022) Reindeer, People and Meat: The Production of Venison and Flavours in Chukotka. *Inuit Studies*. (In press).
- Goody J. (1982) *Cooking, Cuisine and Class: A Study in Comparative Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ingold T. (2002) *The Perception of Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London-New York: Routledge.
- Ingold T. (2016) On Human Correspondence. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 23(1), pp. 1-19.
- Kak prokhodit zaboinaia kampaniia v Shuryshkarskom raione posle zapuska novogo tsekha [How is the slaughter campaign going in the Shuryshkarsky district after the launch of a new workshop], 'Yamal-media' website. 02.12.2020. Available at: <https://yamal-region.tv/news/51133>
- Kohn E. (2018) Kak mysliat lesa: k antropologii po tu storony cheloveka [How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human]. Moscow: Ad Marginem.
- Konstantinov Yu. (2005) *Reindeer-herders: Field-notes from the Kola Peninsula (1994-95)*. Uppsala: Uppsala University.
- Kopytoff I. (1986) The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Ed. by A. Appadurai. Cambridge, pp. 64-91.
- Lyarskaya E. (2012) Female Taboos and Concepts of the Unclean among the Nenets. *Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism*. Ed. by A. Baiburin, C. Kelly, N. Vakhtin. Routledge: London; New York, pp. 50-58.
- Mintz S. (1985) *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. New York: Penguin books.
- Na Chukotke nachinaet rabotu obnovlennyy oleneuboinyy punkt v Amgueme [Renovated deer slaughterhouse in Amguem starts work in Chukotka], *An independent portal for meat industry professionals "Meat Expert"*. 27.10.2017. Available at: <https://meat-expert.ru/forums/record/novosti-otrasli/zhiivotnovodstvo/na-chukotke-nachinaet-rabotu-obnovlennyy-oleneuboinyy-punkt-v-amgueme-r27426>
- Na lamale perevypolnili plany po zagotovke miasa olenia [Reindeer meat harvesting plans exceeded in Yamal], *Website of the Department of Agro-Industrial Complex of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug*. 15.01.2021. Available at: <https://dapk.yanao.ru/presscenter/news/57569>
- Na lamale pribavitsia uboinykh kompleksov. Povezet Pitliaru i Beloiarsku [There will be more slaughter complexes in Yamal. Pitlyar and Beloyarsk are in luck], 'Sever press' website. 23.01.2018. Available at: <https://sever-press.ru/2018/01/23/na-yamale-pribavitsya-ubojnykh-kompleksov-povezjot-pitlyaru-i-beloyarsku>
- Novyy kompleks po zagotovke oleniny otkryli v Shuryshkarskom raione [A new venison harvesting complex was opened in the Shuryshkarsky district], 'Argumenty i Fakty. Iamal' website. 17. 12.2019. Available at: https://yamal.aif.ru/society/details/novyy_kompleks_po_zagotovke_oleniny_otkryli_v_shuryshkarskom_rayone
- Oleninu v magaziny! Na lamale aktiviziruut zaboi i pererabotku [Venison to the shops! Slaughtering and processing are activated in Yamal], 'Krasnyi Sever' website. 05.04.2019. Available at: <https://ks-yanao.ru/novosti/oleninu-v-magaziny-na-yamale-aktiviziruyut-zaboy-i-pererabotku-.html>

- Peemot V. (2017) We Eat whom we Love: Hippophagy among Tyvan Herders. *Inner Asia*, Vol. 19, pp. 133–156.
- PMA 2017–2019 – Authors' field materials. Field research in the Iultinsky district of the Chukotka Autonomous Okrug, 2017–2019. Field notes.
- PMA 2019–2020 – Authors' field materials. Field research in the Shuryshkarsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, 2019–2020. Field notes.
- Reinert H. (2009) The Corral and the Slaughterhouse: Knowledge, Tradition, and the Modernization of Indigenous Reindeer Slaughtering Practice in the Norwegian Arctic. Diss. for PhD. Cambridge.
- Tsing A.L. (2017) *Grib na kraiu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma* [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem.
- Vaté V. (2011) Dwelling in the Landscape among the Reindeer Chukchis. *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. Ed. by P. Jordan. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, pp. 135–160.
- Vaté V. (2013) Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual. *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*. Ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, and V. Vaté. New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 183–199.
- Willerslev R., Vitebsky P., Alexeev A. (2014) Sacrifice as the Ideal Hunt: A Cosmological Explanation for the Origin of Reindeer Domestication. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 21(1), pp. 1–23.

Сведения об авторах:

РАХМАНОВА Лидия Яковлевна – кандидат социологических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия); преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: muza-spb@yandex.ru

ДАВЫДОВА Елена Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: elenav0202@gmail.com

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич – PhD, заместитель директора, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lidia Ya. Rakhmanova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St. Petersburg, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: muza-spb@yandex.ru

Elena A. Davydova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: elenav0202@gmail.com

Vladimir N. Davydov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18 марта 2022 г.;
принята к публикации 27 апреля 2022 г.

The article was submitted 18.03.2022;
accepted for publication 27.04.2022.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 930.1
doi: 10.17223/2312461X/36/11

ИСТОРИЯ ПРЕДСКАЗАНИЙ И МОДЕЛИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Кревельд М. ван. Прозревая
будущее: краткая история
предсказаний / Пер. с англ.
Д. Панайотти. М.: Новое лите-
ратурное обозрение, 2022.
320 с. ISBN 978-5-4448-1758-2

Благодарности: Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

Для цитирования: Николай Ф.В. История предсказаний и моделирование будущего в условиях неопределенности // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 207–212. doi: 10.17223/2312461X/36/11

Acknowledgements: The research was carried out within the project “Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty” at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021-2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”).

For citation: Nikolai, F.V. (2022) History of Predictions and Modeling the Future Under Uncertainty (Review of Creveld M. van. *Prozrevaia budushchee: kratkaia istoriia predskazanii* [Seeing the Future: A History of Prediction]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 320 p. ISBN 978-5-4448-1758-2). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 207–212 (in Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/11

Неустойчивость границ между прошлым, настоящим и будущим горячо обсуждается в исторической теории начиная как минимум с «Ниццеты историцизма» К. Поппера. Новый виток этой дискуссии связан с концептами «горизонта ожиданий» Р. Козеллека и презентизма Ф. Артога (Артог 2008; Йордхайм 2021), а также с полемикой о травме и памяти в разных культурах (Чеканцева 2020; Шнирельман 2021). Частью данной проблемы является и вопрос о релевантности прогнозирования – возможности продления существующих социально-экономических трендов и извлечения прагматических уроков из прошлого в условиях растущих скоростей, рисков и алармистских настроений первой четверти XXI в. Важно подчеркнуть, что обозначенная полемика имеет именно теоретический характер, поэтому вопросы ее соотнесения с уровнем прагматических социальных практик, востребованных среди представителей различных культур и сообществ, представляются весьма продуктивными. Как справедливо отмечает Мартин ван Кревельд в рецензируемой книге, «желание узнать будущее и способность заглянуть в него столь значимы в жизни каждого человека и человечества в целом, что трудно переоценить их значение. Предвкусение, предчувствие, предвидение, предугадывание, предсказание, прогноз – без них человеческая жизнь, какой мы ее знаем, совершенно невозможна. Без них невозможно поставить цели и начать выполнять их, невозможно предусмотреть последствия успеха или провала» (с. 6).

Книга «Прозревая будущее» делится на две части.

Первая посвящена «краткой истории предсказаний»: визионерству шаманов и религиозных пророков, оракулов и пифий, спиритуалистов и астрологов, адептов нумерологии и толкователей снов. Все эти культурные практики ван Кревельд рассматривает как попытку использовать *sensus communis*, или здравый смысл, для ориентации во времени – согласовании прошлого, настоящего и будущего. Сразу отмечу, что первая часть книги представляется откровенно слабой: автор стремится скорее развлечь аудиторию своей коллекцией ярких исторических при-

меров знамений и предсказаний, не сравнивая их в структурном или социально-антропологическом плане. Сибирские шаманы, герой греческих мифов Тиресий, японские слепые женщины-прорицательницы итак и болгарская предсказательница Ванга соседствуют на страницах первой главы, а различия отношения к предсказаниям в разных культурах не анализируются. Популярный характер книги здесь способствует предельному редуktivизму. Читателю остается лишь догадываться, что объединяет всех героев первой части (видимо) *нивелирование исторического времени* – его подчинение законам движения планет, воле рока или духов.

Вторая часть книги, посвященная эпохе модерна и моделированию будущего в современном мире, показалась мне гораздо более интересной. Здесь речь идет не просто о влиянии секуляризации, развития науки и бюрократического управления на представления о будущем, но о переплетении философии истории (вольтеровской, гегельянской, марксистской диалектики и т.д.) с социальными практиками в сфере политэкономии, социологических исследований, военных игр или при построении математических моделей. Автор подчеркивает, что современные модели и представления о будущем имеют вероятностный характер и относятся не к отдельным людям, но к социальным группам. На этом фоне предсказатели, толкователи снов и спиритуалисты, отвечающие на индивидуальные вопросы о завтрашнем дне, по-прежнему пользуются популярностью. По данным ван Кревельда, в 1995 г. гороскопы печатали 70% американских ежедневных изданий; в Италии с момента кризиса 2008 г. число предсказателей выросло в 5 раз, и четверть населения регулярно обращалась к ним за советом, расходуя на это 8 млрд евро в год (с. 241). Структурной причиной этого спроса оказывается рост неопределенности в экономике и прекарность трудовых отношений, которые сознательно используются неолиберальным капитализмом, извлекающим дополнительную прибыль из рискованных инвестиций и их страхования.

Вслед за известным немецким социологом В. Штриком напомним, что эта неолиберальная политэкономия имеет важное темпоральное измерение: прошлое рассматривается в ее рамках не просто как опыт, но как ресурс (дебет); а будущее – как объект инвестиций (кредит). При этом неолиберализм подчиняет и «темное» прошлое, и (рискованное) будущее господству настоящего (Штрик 2019). В рамках этой стратегии кризисы не столько преодолеваются, сколько генерируются крупными корпорациями ради увеличения стоимости своих акций, ослабления конкурентов и проведения структурных реформ, направленных на снижение собственных расходов и перекладывания их на государственные институты. Важно подчеркнуть, что неолиберализм представляет собой не просто экономическую доктрину или набор управ-

ленческих стратегий, но язык описания социальной реальности и прогнозирования будущего в условиях неопределенности. Однако он, конечно же, не является единственным языком описания или стратегией управления этой неопределенностью, без которой современный мир невозможен. Использование самых разных культурных практик (начиная с гороскопов и заканчивая футурологией), пытающихся согласовать между собой прошлое, настоящее и будущее исходя из *sensus communis*, представляется неизбежным, и в этом ван Кревельд, как мне видится, совершенно прав. Но силовые поля и напряжения, конкуренция и нестыковки между разными языками описания и практиками прогнозирования совершенно не рассматриваются в его книге.

Одной из наиболее успешных и перспективных практик прогнозирования ван Кревельд считает военные игры, которые отличаются от построения математических моделей конкуренцией участников и динамичным целеполаганием – концентрацией осознанных усилий для того, чтобы учесть и нивелировать успехи противника. Несмотря на доказанную в XX в. высокую эффективность, результаты этих игр сегодня слишком часто игнорируются и не принимаются в расчет политиками. Посвященный им раздел представляется одним из наиболее интересных и важных в книге, что далеко не случайно, поскольку значительная часть предыдущих работ ван Кревельда была посвящена именно трансформациям войны и военной стратегии в эпоху модерна (Кревельд 2005; Creveld 2007; Creveld 2013). Во всех своих книгах исследователь рассматривает стратегию как попытку спрогнозировать и повлиять на будущее в условиях неопределенности военных действий. Ключевым тезисом автора при этом становится мысль об исчезновении «старых» войн, ведущихся армиями суверенных государств и не затрагивающих мирное население напрямую, и распространении гибридных конфликтов низкой интенсивности: «Мое основное предположение состоит в том, что уже сегодня самые мощные вооруженные силы по большей части не годятся для современной войны. Их релевантность обратно пропорциональна техническому совершенству» (Кревельд 2005: 63). Военные игры и стратегия в принципе представляют собой попытку не столько преодолеть, сколько использовать неопределенность в своих целях: «Война ведется и должна вестись в том числе и путем задействования неопределенности» (Кревельд 2005: 171). Военная стратегия так же претендует на универсальность и подчинение всех сторон жизни, как и неолиберальный капитализм. Но если последователи М. Фридмана и Ф. Хайека делают ставку на максимальное извлечение прибыли, обещая рост уровня жизни высшего и среднего класса, то военная стратегия использует аффекты, эмоции и экзистенциальные переживания: «Война – это жизнь во всех ее проявлениях. Из всех существующих на земле видов деятельности только война одновременно

и позволяет, и требует использовать с полной отдачей все человеческие качества – и самые благородные, и самые низкие. Жестокость и беспощадность, храбрость и решительность, чистая сила, которая с точки зрения стратегии необходима для того, чтобы вести вооруженный конфликт, – все это является одновременно его причиной» (Кревельд 2005: 337). В этом смысле война есть не продолжение политики другими средствами, как считал К. фон Клаузевиц, но самоцель, подчиняющая себе все остальные сферы жизни общества не менее сильно, чем неолиберальный капитализм.

Как стало очевидно в 2022 г., сделанный в начале 1990-х гг. прогноз ван Кревельда об отмирании «старых» войн оправдался лишь в среднесрочной, но не в долгосрочной перспективе. Действительно, борьбу с терроризмом и асимметричные конфликты в 1990–2000-е гг. можно называть «новыми», гибридными или постгероическими войнами (Калдор 2019), но их вряд ли стоит рассматривать как замену прежних конфликтов. Скорее, можно говорить об их взаимодополнительности: суверенная власть и армейская дисциплина не исчезают в современном обществе неолиберального контроля, но лишь отходят в тень, не мешая развиваться более гибким управленческим и биополитическим практикам и используя их (подобно дронам или компьютерным симуляторам) в своих целях. Однако неолиберализм и военные стратегии используют разные языки описания неопределенности, и конфликт между ними во многом вызван различиями в интерпретации будущего. Если неолиберальный капитализм делает ставку на рискованные инвестиции для максимизации прибыли, то военные игры используют насильственную синхронизацию, размывая границы между обыденным и экстраординарным насилием, внешним противостоянием и внутренней политикой.

Книга ван Кревельда представляется мне показательным примером внутренних противоречий современной популярной литературы: ориентируясь на интерес «широкой аудитории» к ярким историческим примерам и фактам, она слишком часто пренебрегает не только тщательным анализом источников, но и забывает о необходимости итоговых структурных выводов о сложности социально-политических и культурных процессов. И превращает науку в развлечение вместо того, чтобы попытаться заинтересовать аудиторию (возможно, не столь широкую) исследованием конкурирующих языков описания реальности и поиском модели их соотнесения, а не антагонистического противопоставления или эклектического перечисления.

Федор Владимирович Николаи

Список источников

Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 19–38.

- Йордхайм Х. Множественное время и стратификации истории // Логос. 2021. № 4 (143). С. 95–118.
- Калдор М. Культура новых войн // Логос. 2019. № 3. С. 1–21.
- Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Бук, 2005. 344 с.
- Чеканцева З.А. Path dependence, политика времени и метаморфозы истории // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3. С. 5–16.
- Шнирельман В.А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1
- Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма / пер. с нем. И. Женина. М.: ИД ВШЭ, 2019.
- Crevelde M. van. *The Changing Face of War: Combat from the Marne to Iraq*. N.Y.: Presidio Press, 2007.
- Crevelde M. van. *Wargames: From Gladiators to Gigabytes*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

References

- Chekantseva Z. (2020) Path dependence, politika vremeni i metamorfozy istorii [Path dependence, politics of time and metamorphosis of history], *Perm University Herald. History*, no. 3, pp. 5-16.
- Crevelde M. van. (2007) *The Changing Face of War: Combat from the Marne to Iraq*. N.Y.: Presidio Press.
- Crevelde M. van. (2005) *Transformaciya vojny* [Transformation of War]. Moscow: Alpina Business Book.
- Crevelde M. van. (2013) *Wargames: From Gladiators to Gigabytes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hartog F. (2008) Poriadok vremeni, rezhimy istorichnosti [Orders of time and regimes of historicity], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3, pp. 19–38.
- Jordheim H. (2021) Mnozhestvennoe vremya i stratifikacii istorii [Multiple times and the stratigraphies of history], *Logos*, no. 4, pp. 95-118.
- Kaldor M. (2019) Kul'tura novykh vojn [The culture of new wars], *Logos*, no. 3, pp. 1-21.
- Shnirelman V. (2021) Travmaticheskaya pamyat': podhody k izucheniyu i interpretacii [A traumatic memory: how to study and to interpret it], *Siberian Historical Research*, no 2, pp. 6-29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1
- Streek W. (2019) *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. Moscow: HSE Publishing House.

Сведения об авторе:

НИКОЛАИ Федор Владимирович – старший научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: fvnik@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Feodor V. Nikolai, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: fvnik@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13 марта 2022 г.;
принята к публикации 1 июня 2022 г.*

*The article was submitted 13.03.2022;
accepted for publication 01.06.2022.*

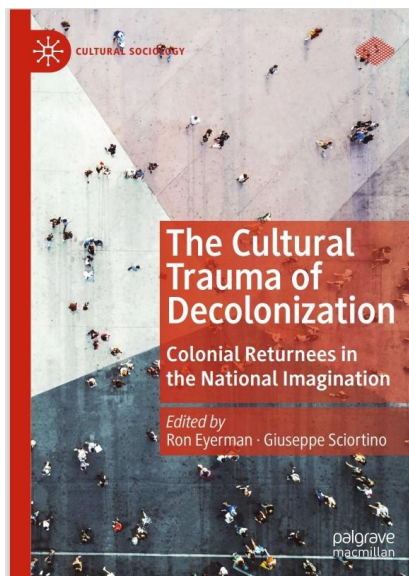
Рецензия

УДК 325

doi: 10.17223/2312461X/36/12

КАК БЫВШИЕ ИМПЕРИИ СПРАВЛЯЮТСЯ С КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМОЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ?

Eyerman, R., Sciortino, G. (Eds.).
The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination. Springer International Publishing, 2020. 231 p. ISBN 978-3-030-27024-7

Для цитирования: Лялин Р.С. Как бывшие империи справляются с культурной травмой деколонизации? // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 213–222. doi: 10.17223/2312461X/36/12

For citation: Lialin, R.S. (2022) How Do Ex-Empires Deal with the Cultural Trauma of Decolonization? (Review of Eyerman, R., Sciortino, G. (Eds.). *The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination*. Springer International Publishing, 2020. 231 p. ISBN 978-3-030-27024-7). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 213–222 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/12

Растущий интерес к проблемам памяти и исторической травмы подтверждается появлением работ, которые с новой точки зрения рассматривают уже известные сюжеты прошлого. В 2020 г. вышла коллективная монография «Культурная травма деколонизации: колониальные репатрианты в национальном воображении» под редакцией Рона Айермана и Джузеппе Сциортино. Книга состоит из восьми глав, в шести из которых более детально раскрываются проблемы репатриантов, их

культурная травма и попытки заявить о себе на примерах Италии, Японии, Нидерландов, Бельгии, Франции и Португалии. Авторы сборника исходят из того, что современный мир во многом образовался в результате процесса деколонизации, когда вместо господства европейских и японской империй установилось «сообщество» независимых национальных государств (р. 3). Для того чтобы глубже разобраться в современных реалиях бывших империй, исследователи сосредоточили внимание на репатриантах, которые были вынуждены кардинально изменить свою жизнь и вернуться на родину, что, несомненно, накладывало серьезный отпечаток на их мировосприятие и самосознание. Травматический опыт репатриантов впоследствии отобразился в нарративах, но при этом зачастую игнорировался, оспаривался и конкурировал с другими представлениями о прошлом.

Рассмотрение процесса деколонизации с точки зрения травмы предпринималось и ранее, что мы можем наблюдать во многих работах (Alexander 2009; Bogaerts, Raben 2012; Craps 2013; Ward 2013; Visser 2015; Combres 2016). Однако, как отмечают сами авторы, основной фокус был направлен на колонии, а не на колонизаторов (р. 6). При этом в случае, когда исследование нацелено на изучение колонизаторов, часто используется понятие «травма преступника», связанное с чувством вины и стыда за совершенные преступления (Tsutsui 2009; Kalter 2016).

Непосредственно в данном исследовании была предпринята попытка применить накопленный опыт изучения культурной травмы к метрополиям бывших империй, которые ранее не получили должного внимания ввиду того, что деколонизация протекала в них спокойнее и менее болезненно, однако и эти государства были вынуждены меняться и подстраиваться под новую реальность, в том числе принимать репатриантов из колоний, которые поначалу сопротивлялись деколонизации, критиковали центральную элиту и обвиняли правительство в предательстве (р. 11–12).

В исследовании широко применяется концепция драмы травмы (trauma drama), модель которой была представлена в программной статье Джеффри Александера (Alexander 2004). Согласно его теории, сперва группа, продвигающая интересы какой-то общности, делает заявление о травме, пытаясь предать его огласке среди более широкой аудитории. Далее создается нарратив, раскрывающий боль, жертву, сходство между жертвой и аудиторией, а также ответственность виновных. При этом существует ряд ограничений, ситуаций, институциональных и символических структур, в рамках которых протекает «травматический процесс». Как итог, в результате успешного сочетания всех этих элементов появляется возможность закрепить предлагаемой данной группой интерпретации прошлого в коллективной памяти. Впоследствии концепция драмы травмы развивалась в рамках кон-

цепции социального спектакля (social performance): в случае успеха этот «спектакль» позволяет «сплавлять» воедино общество, которое стало более сложным и разрозненным (Alexander 2006).

Возвращение населения из колоний достаточно сильно потрясло бывшие империи: появление репатриантов часто вызывало экономические и политические проблемы, поэтому правительства пытались остановить или замедлить потоки беженцев, убедить их эмигрировать в другие страны. Репатрианты создавали организации, ассоциации, выдвигая требование компенсировать им нанесенный ущерб, однако стать какой-то серьезной силой, влияющей на политику своей страны, им не удалось ни в одном из рассматриваемых случаев (р. 18). Главной причиной, по которой репатрианты постепенно и достаточно спокойно интегрировались в свои общества, стали значительные денежные вливания, субсидии, компенсации и льготы, а также существенный рост европейской и японской экономики, который обеспечивал население рабочими местами и достойным заработком. Однако даже относительно успешное вхождение этих групп в новое общество не прекратило попытки сохранить особую идентичность, основанную на травме краха колониального мира, отсутствии сопереживания и замалчивании пережитых ими страданий и лишений в бывших метрополиях, что отображено во многих воспоминаниях, художественной литературе и других произведениях (р. 19–20). Также несмотря на то что сообществам репатриантов не удалось до конца достичь признания своей идентичности, все равно они продолжают выступать носителями памяти о колониальном прошлом, конкурирующей с господствующей коллективной памятью, и продолжают играть свою роль в национальном воображении (р. 21).

В новых государствах, сбросивших с себя бремя империи, колониальное прошлое подверглось замалчиванию и табуированию: жестокость и насилие отрицались, а польза и достижения, наоборот, подчеркивались. В Италии и Японии, к тому же, утрата колониальных владений затерялась в более масштабной трагедии фашизма, военных бедствий и поражения, а вся вина перекладывалась на предыдущие режимы. Тем не менее в рамках сборника Памела Баллинджер пытается опровергнуть общепринятый взгляд, что деколонизация Италии привела к меньшей травме, чем Вторая мировая война и падение фашизма (р. 29). Огромный поток репатриантов, хлынувший в Италию после утраты колоний, впустил и их переживания, и их понимание происходящего в итальянское и европейское информационное поле, что в какой-то мере позволило заглушить требования бывших подконтрольных территорий, от Эфиопии до Югославии, расследовать в суде военные преступления. Ассоциации итальянских поселенцев пытались вернуться в бывшие колонии, а когда стало очевидно, что это невозможно,

подняли вопрос компенсаций и помощи в интеграции (р. 37). Воспоминания репатриантов в Италии публиковались небольшими тиражами и лишь немногие произведения получили коммерческий успех. В основном они были направлены на небольшие сообщества и находили отклик в обществе только в случае политических изменений в стране (р. 48–49). Касательно восприятия своего прошлого продолжает частично существовать миф об итальянцах как хороших колонизаторах, однако скорее в стране доминирует коллективная амнезия и подавление собственной истории (р. 50).

Акико Хашимото также поднимает вопрос о восприятии деколонизации, но уже на японском материале, связанном с Маньчжурией, а также созданием с 1950-х гг. дискурсов репатриации, вписанных в более широкий контекст памяти о Второй мировой войне. Постепенно японские семьи, оставшиеся в Маньчжурии, пострадавшие от советских и китайских войск, стали восприниматься в японском обществе как несомненные жертвы, при этом вытеснялась память о преступлениях и жестокости японского колониального режима (р. 59–60). В среде репатриантов, которые возвращались на родину многие годы спустя, сохранилась обида на правительство и вооруженные силы Японии, которые их бросили, что подкреплялось унижительным отношением со стороны других японцев (р. 64). Однако сегодня доминирует образ жертвы, вписанный в общий нарратив памяти о Японии в годы войны. Пройдя этап умалчивания, память репатриантов отобразилась в произведениях массовой культуры, мемориалах, мемуарах, манге, в результате чего восприятие колонистов как жертв, бегущих от агрессии, укоренилось в японском обществе (р. 65). Интереснейшим эпизодом, существенно повлиявшим на создание образа колонистов, становится история с «сиротами» (японские дети, оставшиеся в Маньчжурии после краха империи), которые после нормализации отношений с Китаем, будучи уже взрослыми, посещали Японию. СМИ широко освещали эти визиты, озвучивая историю их жизни и пытаясь помочь найти их семьи. Тем не менее эта история привела не только к переосмыслению трагического прошлого и виктимизации японских поселенцев, но и к осмыслению моральной ответственности и вины правительства за то, что оно бросило своих граждан (р. 71–72). Еще одним признаком легитимации страданий репатриантов становится открытие государственного токийского мемориального музея в 2000 г., где в том числе были представлены японские колонисты, память о которых ранее отображалась в региональных музеях и мемориалах в Майдзуру, Сасебо, Куре и Хаката, через порты которых возвращались домой репатрианты. Однако лишения и беды колонистов не смогли стать доминирующим нарративом в национальной памяти о войне: это место по праву занимают жители Нагасаки и Хиросимы (р. 75–76). Подводя итог, Акико Хашимото заяв-

ляет, что в Японии существует несколько нарративов касательно репатриации и деколонизации, которые конкурируют и борются друг с другом: репатрианты – герои, жертвы или преступники, однако постепенно образ жертв начал вытеснять другие и приобретать институциональные очертания при поддержке государства, общества и СМИ (р. 79), но в рамках более масштабной культурной травмы войны и поражения.

Герт Остинди рассматривает вопрос деколонизации и памяти о ней в Нидерландах. Как и во многих других странах, первые годы постколониального существования ознаменовались табуированием темы деколонизации и колониального прошлого, а на первый план вышла память о нацистской оккупации. Со временем, однако, в Нидерландах развернулись дебаты вокруг своего прошлого, в том числе вокруг жестоких и унесших множество жизней колониальных войн (р. 86). После японской оккупации в годы Второй мировой войны была провозглашена независимость Индонезии, однако Нидерланды планировали восстановить колониальный порядок, что в результате последующего поражения еще сильнее усилило голландскую постколониальную травму (р. 89). В результате огромное количество голландцев, в том числе представителей смешанного населения вернулись в Нидерланды. Однако если европейские колонисты практически беспрепятственно влились в голландское общество, то представители «смешанной расы» были во многом разочарованы, в том числе из-за того, что столкнулись с расизмом и ксенофобией (р. 90). Таким образом, в голландском обществе автор выделяет ряд групп: голландцев-репатриантов (*totok*); смешанное население Индонезии (*indos*); китайско-индонезийское сообщество; молукканцев, служивших в голландской колониальной армии, и ветеранов войны в Индонезии, которые имеют разное представление о прошлом и не объединены явной коллективной идентичностью или травмой. Сегодня Правительство Нидерландов продолжает избегать темы колониального прошлого и войн: если европейским жертвам японской оккупации и погибшим военным служащим установлены десятки памятников, то индонезийским жертвам таких нет. В Нидерландах применительно к колониальному прошлому есть лишь памятники, осуждающие работорговлю и рабство (р. 97). Тем не менее голландское правительство постепенно двигается в сторону признания своего прошлого: в 2005 г. было заявлено, что Нидерланды в 1945–1949 гг. воевали «не на той стороне истории» (р. 98). Однако на данный момент коренного пересмотра собственной истории по отношению к Индонезии не произошло и продолжает существовать своего рода «колониальная амнезия» (р. 102). Тем не менее ряд сообществ создают собственные контрвоспоминания и выступают за включение их в голландский национальный нарратив (р. 103).

Розарио Джиордано обращается к проблеме бельгийского Конго и памяти о нем в Бельгии, которые актуализируются в конце XX в. после

долгого периода умалчивания и игнорирования обществом и профессиональными историками. После объявления независимости в 1960 г., знаменитой речи Лумумбы и в результате вспыхнувшего насилия многие бельгийские колонисты были вынуждены покинуть Конго и вернуться домой (р. 119–121). Вначале принимающая часть бельгийского общества проявила солидарность с репатриантами и активно оказывала им помощь, однако постепенно отношение к ним стало меняться в сторону безразличия и враждебности, а также последующего забвения колонистов (р. 122). Дебаты о колониальном прошлом и памяти разразились в 1990-е гг. после геноцида в Руанде (р. 125). Репатрианты создали колониальный дискурс, в рамках которого акцентировались позитивные аспекты и утверждалась «цивилизаторская миссия», а также выдвигалась идея «маленькой Бельгии», создавшей «великое Конго» (р. 126). Все это, как считает автор, репатрианты использовали, чтобы легитимировать колониальный опыт, переписать историю и изменить свое положение в бельгийском обществе (р. 129).

Сон-Юн Чой исследует вопрос о колониальном прошлом во Франции и его влиянии на современное французское общество. Исследователь утверждает, что до 2002 г. во Франции память об Алжирской войне была табуирована. Тем не менее в стране проживали репатриированные из Алжира в результате войны «черноногие» (*pied-noir*), люди европейского происхождения, родившиеся в Алжире. Эта группа сформировала собственное представление о коллективной травме еще до признания «алжирского прошлого» французским правительством (р. 142). Французским правительством был разработан и принят закон об особом статусе репатриантов в 1961 г., также появляется множество организаций, которые помогали им освоиться во Франции и защищали их права (р. 148–152). В целом во Франции развиваются франко-североафриканская культура и идентичность, которые позволяют поддерживать связь внутри сообщества репатриантов, также появляются книги, фильмы, издаются воспоминания, в которых демонстрируется их алжирское прошлое (р. 153–156). Однако в результате пересмотра Алжирской войны во французском обществе назрел конфликт: историки обвинили колонистов в угнетении местного населения и поддержании системы, которая давала европейцам привилегии и отрицала основные права жителей Алжира, а также в том, что они впоследствии привнесли антиарабский расизм во французское общество. Естественно, организации «черноногих» выступали против такой трактовки событий и считали, что их воспоминания игнорируются. Таким образом, случилось столкновение истории и памяти – конфликт, который не разрешен во Франции и по сей день (р. 163).

Руи Пенья Пиреш, Морган Делоне и Жоао Пейшоту рассматривают португальскую репатриацию и деколонизацию, которые претерпели

значительные преобразования в результате падения режима Салазара и отказа от образа Португалии как уникальной страны, которая объединилась с тропиками «по любви», а не из корыстных побуждений. Уже при Марсело Каэтану были произведены попытки реформировать колониальную систему через предоставление колониям независимости, но под руководством белой элиты. Однако после смены режима в результате Революции гвоздик в 1974 г. была утверждена концепция трёх Д – демократизация, деколонизация, развитие (development), что вынудило белое население уезжать из колоний, вследствие чего появляется группа реторнадуш (retornados) (р. 175–179). Репатриация произошла максимально безболезненно и успешно: люди возвращались зачастую в те места, где родились, и быстро восстанавливали социальные связи, также сыграл свою роль бурный экономический рост, требовавший большого количества рабочей силы, и включение репатриантов в португальскую колониальную элиту, позволившее им принимать активное участие в перестройке общества, а не создавать альтернативные и обособленные организации (р. 179–181). Вместе с этим репатриированные африканцы были исключены из общества реторнадуш и лишены гражданства, в результате чего они стали восприниматься как простые мигранты (р. 184). Еженедельная газета *Jornal o Retornado* производила попытки создать образ реторнадуш как жертв Революции гвоздик, национально-освободительных движений в Африке и недостаточного внимания со стороны правительства, однако ей не удалось сконструировать объединяющую репатриантов и «раскалывающую» португальское общество коллективную идентичность (р. 187–190). С 1976 г. появляется литература, посвященная реторнадуш, которая в течение 30 лет была практически конфиденциальной и только в начале XXI в. вышла за рамки сообщества репатриантов и приобрела коммерческий успех. В ней репатрианты балансировали между своей особой идентичностью и принадлежностью к португальскому обществу (р. 192–195). Таким образом, они смогли достаточно быстро и успешно интегрироваться в португальское общество, однако при этом был утвержден не статус жертвы, а образ человека, который преодолел свою личную трагедию и стал активным участником обновления Португалии.

Подводя итог, Айерман и Сциортино заявляют, что изучение этих шести стран при помощи концепции культурной травмы позволяет лучше понять как процесс деколонизации, так и саму теорию культурной травмы (р. 205). Выбор конкретно этих государств, бывших империй, был обусловлен двумя причинами: во-первых, репатриация в них имела «вынужденный» характер, связанный с опасностями для жизни выходцев из метрополии и травмирующими обстоятельствами, а во-вторых, возвращение населения было следствием именно процесса деколонизации (р. 206). Репатрианты столкнулись не только с утратой

колоний, где они жили, но и с разительными переменами внутри метрополий, преобразовавшимися в ответ на деколонизацию, в рамках которой памяти об имперском прошлом и их собственной идентичности уже не нашлось места, в результате чего они столкнулись с неприязнью и враждебностью, а также с необходимостью искать пути «самосохранения», утверждения себя и «спасения» своих воспоминаний в новом обществе. Тем самым развернулась борьба конкурирующих групп и дискурсов, в рамках которой репатрианты пытаются заново рассказать свою историю и восстановить коллективную идентичность (р. 207–209).

В целом рассматриваемая работа является ценным исследованием деколонизации, в котором удалось объединить разных авторов в рамках единой исследовательской программы, основанной на теории культурной травмы и концепции драмы травмы. Также удалось добиться равномерности в освещении процессов и сюжетов, на которые обращается внимание читателя. Тем не менее в ряде случаев не хватает более подробного и комплексного описания официальной интерпретации прошлого, с которой вынуждена конкурировать память репатриантов. Как правило, обозначено табуирование колониального прошлого, его замалчивание, однако, вероятно, уместно было бы сравнить национальную историографию по вопросу и память репатриантов. Также упростило бы восприятие объяснение иерархии травм (не только репатриантов) в каждой отдельной стране: если в главе про Японию это прослеживается, то в главах про бывшие европейские метрополии этот момент присутствует менее явно, и лишь вскользь упоминается, например, наследие нацистской оккупации.

Наконец, стоит обозначить серьезнейшую критику исследований травмы (trauma studies) в современной науке (Kansteiner, Weilnbroeck 2010), связанную с использованием в социальных науках термина, взятого из психиатрии, а также с экстраполяцией индивидуального опыта на коллективное представление о болезненном и нелицеприятном прошлом. Тем не менее, на мой взгляд, концепции драмы травмы и социального спектакля являются эффективными теоретическими разработками. Они, вопреки критике, не утверждают эссенциалистское происхождение коллективной травмы, которая заложена в конкретной группе и неминуемо вскрывается и выходит на поверхность, а демонстрируют долгий и запутанный процесс конструирования травмы и борьбы не только за признание внутри своей группы (например, репатриантов), но и за включение в более широкую национальную память своей интерпретации прошлого. Более того, такая концепция травмы согласуется с идеями наметившейся «третьей волны» в исследованиях памяти (memory studies) о необходимости отказаться от цельного восприятия национальной памяти и сконцентрироваться на ее синхронном (конкуренция трактовок прошлого в конкретный момент времени) и диахрон-

ном (эволюция памяти) изучении (Feindt et al. 2014). Впрочем, остается еще один вопрос, связанный с рецепцией травмы ее предполагаемыми «носителями»: разные акты воспоминания вписывают человека во множественные социальные рамки, что позволяет ему, например, в одном случае считать себя европейцем, в другом – французом, а в третьем – «черноногим». К сожалению, концепции драмы травмы и социального спектакля не позволяют решить данную проблему, однако на уровне «борьбы интерпретаций» среди политических и общественных сил, берущих на себя ответственность за память конкретных групп, данные подходы не исчерпали себя.

Таким образом, книга «Культурная травма деколонизации: колониальные репатрианты в национальном воображении» является не только интересным исследованием, с новой стороны обращающим к проблеме колониального прошлого и коллективной травмы, но и работой, в которой вполне успешно применяется теория культурной травмы и драмы травмы. Результаты исследования значимы для дальнейшего развития постколониальной теории в отношении бывших метрополий, а разработки авторов могут быть применены к другим странам, утратившим часть территорий и столкнувшимся в результате этого с волной беженцев и репатриантов, которые также были вынуждены в новых обстоятельствах, учитывая новые социальные рамки, выстраивать собственные нарративы и бороться за сохранение памяти о себе при поддержке или вопреки бездействию правительства и общества.

Роман Сергеевич Лялин

References

- Alexander J.C. (2009) Postcolonialism, Trauma and Civil Society. In: *Conflict, Citizenship and Civil Society*, P. Baert, S.M. Koniordos, G. Procacci, and C. Ruzza eds. London: Routledge, pp. 221–240.
- Alexander J.C., et al. eds. (2004). *Toward a Theory of Cultural Trauma*. In *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.
- Alexander J.C., et al. eds. (2006). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bogaerts E.L.S., Raben R. eds. (2012). *Beyond Empire and Nation: The Decolonization of African and Asian Societies, 1930s–1970s*. Leiden: Brill.
- Combres L. (2016). Critique and Discourses on Colonialism: Fanon vs. Mannoni. *Research in Psychoanalysis*, no. 22(2), pp. 218–226.
- Craps S. (2013). *Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds*. London: Palgrave.
- Feindt G. et al. (2014). Entangled memory: toward a third wave in memory studies, *History and Theory*, no. 53(1), pp. 24–44.
- Kalter C. (2016). *Discovery of the Third World: Decolonization and the Rise of the New Left in France, c. 1950–1976*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kansteiner W., Weillboeck H. (2010). Against the Concept of Cultural Trauma (or How I Learned to Love the Suffering of Others without the Help of Psychotherapy). In: *Cultural*

- Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, A. Erll, A. Nünning eds. Berlin; New York: De Gruyter.
- Tsutsui K. (2009). The Trajectory of Perpetrators' Trauma: Mnemonic Politics Around the Asia-Pacific War in Japan, *Social Forces*, no. 87(3), pp. 1389–1422.
- Visser I. (2015). Decolonizing Trauma Theory: Retrospect and Prospects, *Humanities*, no 4 (2), pp. 250–265.
- Ward A. (2013). Understanding Postcolonial Traumas, *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, no. 33(3), pp. 170–184.

Сведения об авторе:

ЛЯЛИН Роман Сергеевич – магистрант 2-го курса программы «История и теория наций и проблемы национализма», Институт истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: roma.lualin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Roman S. Lialin, Institute of History, St. Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: roma.lualin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 мая 2022 г.;
принята к публикации 1 июня 2022 г.*

*The article was submitted 01.05.2022;
accepted for publication 01.06.2022.*

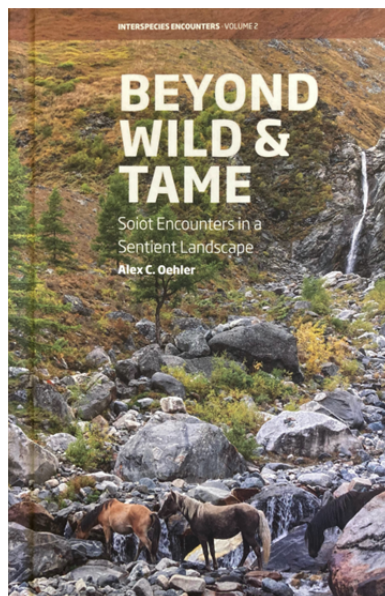
Рецензия

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/36/13

АНТРОПОЛОГИЯ НА ФОНЕ САЯНСКИХ ПАСТОРАЛЕЙ

Oehler, Alex. *Beyond Wild and Tame: Soiot Encounters in a Sentient Landscape*. Berghahn, 2020. 198 p. ISBN 9781789206791

Для цитирования: Башкиров М.Б. Антропология на фоне саянских пасторалей // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 224–228. doi: 10.17223/2312461X/36/13

For citation: Bashkirov, M.B. (2022) Anthropology Against the Background of Sayan Pastorals (Review of Oehler, Alex. *Beyond Wild and Tame: Soiot Encounters in a Sentient Landscape*. Berghahn, 2020. 198 p. ISBN 9781789206791) *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 224–228 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/13

Книга Алекса Элера – это первая монография на английском языке, посвященная общности сойотов – коренному малочисленному народу, проживающему на западе Республики Бурятия. В этнографическом плане сойоты сравнительно мало изучены, хотя в последние годы появляется все больше работ, посвященных этой этнической группе. В российской историографии и этнологии в большинстве исследований, связанных с сойотами, наибольшее внимание обычно уделялось языковым аспектам и проблемам этногенеза (например, Бадмацыренова 2006; Монгуш 2012; Рассадин 2016; Кривоногов 2020). Поскольку Восточные

Саяны считаются колыбелью оленеводства, вопросы животноводства у сойотов, в особенности разведение домашнего оленя, традиционно привлекают внимание российских исследователей (Курдюков 2012; Рассадин 2012). Наиболее основательная и разносторонняя работа, посвященная этой общности (Павлинская 2002), появилась ровно двадцать лет назад. *Beyond Wild and Tame* отличается от большинства российских исследований широтой исследуемой этнокультурной, экологической и даже философской проблематики.

Несколько слов об авторе. Элер, немец по происхождению, уже много лет живет в Канаде. Важной вехой в его биографии стала стажировка в университете Абердина у антропологов Т. Ингольда и Д. Андерсона, во многом вдохновивших автора на написание этой работы. Сегодня Элер работает в департаменте антропологии Университета Реджайны (Саскачеван, Канада). Не последнее место в его научных интересах занимают и российские сюжеты, связанные с Восточной Сибирью и Дальним Востоком. Книга *Beyond Wild and Tame* появилась в результате серьезной полевой работы, которую автор вел в течение полутора лет на территории Окинского района Республики Бурятия (2012–2014 гг.). Книга состоит из шести глав, в каждой из которых анализируется тот или иной аспект взаимодействия человека и животного. Единственное исключение – первая теоретическая глава. Важно подчеркнуть, что автор не только был наблюдателем, но и выступал как участник в различных повседневных практиках. Более того, в полевой работе его сопровождала собственная семья, что положительным образом сказалось на диалоге с информантами.

В центре внимания автора находится процесс коммуникации человека, животного мира и «чувствующего ландшафта» (sentient landscape). Последний описывается Элером как нечто, обладающее субъектностью и автономностью, и как территория сакрального, «населенная» духами тайги. В представлениях сойотов духи тайги делятся с людьми своими промысловыми животными и в то же время посылают хищников питаться стадными животными, принадлежащими людям. Тем самым достигается баланс между миром людей, миром животных и миром духов («чувствующий ландшафт»). Попытки контролировать животных как домашних, так и диких вне диалога и без «переговоров» с духами оказываются обреченными на провал и бессмысленными.

Опираясь на обширный полевой материал, собранный у сойотов и местных бурят, автор анализирует и значение буддизма в треугольнике отношений между человеком, животным и «чувствующим ландшафтом». Элер указывает на синтетический характер мировоззрения большинства сойотов, следующих как шаманским, так и буддийским предписаниям. При этом буддистские («ламаистские») практики не вступают в противоречие с шаманизмом, а адаптированы к местному хозяй-

ственному укладу. Единственное исключение составляют попытки лам «приручить» духов тайги: «...мирное совпадение буддистской и шаманистской перспектив разрушалось только в том случае, если дух-хозяин приручался с помощью буддистского ритуала (т.е. путем достижения просветления), и в этом случае охотник-сойот уже не мог апеллировать к желанию духа вступить во взаимный обмен. Там, где духи попадали под заклинание приручения, шаманская система равновесия, которая позволяла договариваться о гармонии между людьми, животными и ландшафтом, вероятно, теряла свою эффективность» (р. 63–64). Таким образом в описываемой системе координат сойотов субъектность духа и его свобода воли имеют важнейшее значение. Буддизм и шаманизм, согласно Элеру, представляют для сойотов две мировоззренческие крайности, и самая «мудрая» стратегия – это расположиться между ними посередине.

Своего рода роль посредников между миром человека, животного и «чувствующим ландшафтом» играют волки, нередко наделяемые сакральными свойствами и призванные поддерживать баланс между этими мирами. Особое значение в отношениях человека и волка играет мотив скрытности, желание завуалировать свои намерения и, соответственно, намерение предугадать действия волка или человека. Это касается устройства как традиционного волчьего капкана, так и волчьего логова. Но эти способы действия человека и волка не считаются полностью эффективными. Единственным надежным способом для человека завуалировать свои намерения являются лишённые запаха яды. Волк же способен проникать в отношения человека и собаки – Элер приводит примеры, как волки, со слов охотников, вступают в «негласные соглашения» с собаками и избегают прямых столкновений, чреватых потерями для обеих сторон. В результате собаки «закрывают глаза» на нападение волков на стадо и тем самым сохраняют себе жизнь, а волки довольствуются исключительно «минимальной» добычей.

Если волк – это своего рода посредник между мирами, то олень имеет для сойотов, прежде всего, символическое значение и служит маркером идентичности, подчеркивая статус коренного народа и своего рода «укорененность в горной тайге Восточно-Саянских гор» (р. 92). Периодически автор обращается к ситуации, сложившейся у другого коренного народа, проживающего в соседнем регионе – тофаларов. Если у тофаларов олень действительно играет важную роль в повседневной хозяйственной жизни, то в «настоящем» сойотском хозяйстве конкуренцию оленю в качестве маркера подлинности составляют як и его гибридная разновидность хайнак. Положение хайнака для сойотских домохозяйств является уникальным и вступает в противоречие с самим противопоставлением дикого/одомашненного. С одной стороны, хайнак принадлежит миру человека и способен удовлетворять некото-

рые потребности оседлой жизни за счет молочной продуктивности. С другой стороны, обладая самостоятельностью в передвижении и способностью защищаться от хищников лучше, чем любой другой вид скота в регионе, хайнак сохраняет маркеры дикости. Именно часть, посвященная хайнаку, лучше всего иллюстрирует вынесенный в название книги тезис. Ведь в конечном итоге именно это животное и оказывается вне рамок противопоставления дикости и прирученности.

В своей работе Элэру во многом удается преодолеть дихотомию дикий/одомашненный, особенно ярко это проявляется в отношении хайнаков, а также пары волка и собаки, способных на диалог и «переговоры». Иными словами, четкого разделения и противопоставления диких и домашних животных в повседневном опыте сойотов не существует, или, по крайней мере, оно имеет очень условный характер. Заметим, что эта превосходная работа, проделанная как в поле, так и в области теории, значимо повлияла и на самого автора. По крайней мере, так он говорит о себе сам: «Я больше не могу думать о человеческой истории как таковой. Возможно, более точно будет говорить об истории жизни» (р. 169). Остается предположить, что вслед за автором *Beyond Wild and Tame* измениться и перенастроить свою оптику в отношении дикого, человеческого и сакрального сможет и читатель. Будем надеяться, что когда-нибудь эта замечательная работа будет издана и на русском языке.

Михаил Борисович Баширов

Список источников

- Бадмацзыренова С.В. Лексика традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов в сопоставлении с монгольской : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006.
- Кривоногов В.П. К вопросу об этнической идентификации сойотов Бурятии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4. С. 43–50.
- Курдюков В.Н. Традиционное хозяйство сойотов и его динамика // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о земле. 2012. Т. 5, № 1. С. 176–185.
- Монгуш М.В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 62–78.
- Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. СПб.: Европейский дом, 2002.
- Рассадин И.В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4. С. 214–217.
- Рассадин И.В. Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2016. № 2. С. 99–104.

References

- Badmatzurenova S.V. (2006) *Leksika traditsionnogo khoziaistva okinskikh byriat I soiotiv v sopostavlenii s mongolskoy. Dissertatsia na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The lexicon of traditional economy of Oka Buryats and Soyots in comparison with Mongolian. PhD Dissertation in Philology], Ulan-Ude.

- Krивоногов В. П. (2020) К вопросу об этнической идентификации сойотов Бурятии [On the Ethnic Identity of the Soyots of Buryatia], *Nauchnoie obozrenie Sayano-Altaya*, no. 4, pp. 43–50.
- Kurdukov V.N. (2012) Traditsionnoye khoziaystvo soiotov I ego dinamika [Traditional Soyot economy and its dynamics], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle*, no. 1 (T. 5), pp.176–185.
- Mongush M.V. (2012) Tofalari I soioty: istoriko-etnographicheskii ocherk [Tofalars and Soyots: Historical and Ethnographic Essay], *Novue issledovaniya Tuvu*, no. 2, pp. 62–78.
- Pavlinkskaya L.R. (2002) *Kochevniki golubyykh gor* [Nomads of the Blue Mountains]. Saint-Petersbourg: Evropeiskii dom.
- Rassadin I.V. (2012) O kharaktere olenevodstva u okinskiy soiotov [About the nature of reindeer herding among the Oka Soyot], *Gumanitarnyi vector*, no 4, pp. 214–217.
- Rassadin I.V. (2016) Rodoplemennoy sostav I etnicheskaya istoriya soiotov [The tribal composition and ethnic history of the Soyots], *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya nauk RAN*, no. 2, pp. 99–104.

Сведения об авторе:

БАШКИРОВ Михаил Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: bashkiroffm@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mikhail B. Bashkirov, Institute for Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: bashkiroffm@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13 октября 2021 г.;
принята к публикации 3 июня 2022 г.*

*The article was submitted 13.10.2021;
accepted for publication 03.06.2022.*

Рецензия

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/36/14

РУССКАЯ БАНЯ КАК ЕДИНСТВЕННАЯ КОНСТАНТА ВСЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Поллок И. Когда б не баня, все бы мы пропали. История старинной русской традиции. М.: АСТ (Corpus), 2020. 527 с.
ISBN 978-5-17-123202-3

Благодарности: Публикация выполнена при поддержке проекта РНФ № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Для цитирования: Васеха М.В. Русская баня как единственная константа всей русской жизни // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 229–237. doi: 10.17223/2312461X/36/14

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation's project № 22-28-00865 «Siberians in a search of Siberian-ness: Ethnocultural image and Forms of Identity».

For citation: Vasekha, M.V. (2022) Russian Bath as the Only Constant of All Russian Life (Review of Pollock, Ethan. *Kogda b ne banja, vse by my propali. Istorija starinnoj russkoj tradicii* [Without the Banya We Would Perish. A History of the Russian Bathhouse]. M.: AST (Corpus), 2020. 527 p. ISBN 978-5-17-123202-3). Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research. 2. pp. 229–237 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/36/14

Впервые о фундаментальной работе профессора истории и славяноведения в Университете Брауна Итана Поллока о банях я случайно узнала в ходе плотного сотрудничества с корреспондентом австралийского отделения ВВС Татьяной Леонов, которая делала большую публикацию о русской банной традиции для австралийской аудитории летом 2020 г. (Leonov 2020). Именно эта работа вдохновила Татьяну написать на далеком континенте о «специфическом русском СПА».

Первоначальная английская версия рецензируемой монографии вышла в издательстве Oxford University Press, на сайте которого сообщается, что Поллок является «автором единственной англоязычной книги по истории бань». В целом так оно и есть, более того, столь фундаментальной истории русской бани от Геродота до «братков» из 1990-х, с упоминанием большого количества интересных фактов, воспоминаний, анекдотов, художественных зарисовок и т.п., пожалуй, нет и на русском языке. Это является весьма досадным фактом как для российских историков, так и антропологов и этнологов. Отечественные исследователи писали о банной культуре и телесных практиках достаточно много, но чаще всего отрывочно и в связи с конкретными сюжетами (Пашкова 2015; Васеха, Фурсова 2018). Конечно же, о роли и функциях русской традиционной бани (в основном «домовой») очень много написано этнографами в связи с ее существенной ролью и разносторонними функциями в традиционной культуре русского народа (Никонова, Кандрина 2003; Баня и печь... 2014). Есть и весьма любопытные наблюдения, и размышления зарубежных специалистов о русской банной традиции, особенно мне импонирует неожиданный взгляд «со стороны» американской исследовательницы Нэнси Конди, которая видит в бане олицетворение материнства (Конди 1997): для нее парная предстает в образе материнской утробы, в которой парящиеся мужчины восстанавливаются и как бы заново рождаются.

В отличие от художественных образов и метафор Конди, Поллок пишет о русской бане весьма конкретно, анализируя и сопоставляя исторические факты. Будучи специалистом в области российской истории «сталинского» периода и первых лет холодной войны, Поллоку удалось взглянуть на историю России с другой, гораздо менее официальной и политически ангажированной стороны – с позиции историка повседневности.

Впрочем, нельзя недооценивать публицистические, но выполненные по правилам исторического исследования работы журналиста Анатолия Захаровича Рубинова (Рубинов 1990, 1991, 2006), писателя Игоря Алексеевича Богданова (Богданов 2000), банного энтузиаста Игоря Исаковича Гольдина (Гольдин 2010, 2012), проделавших серьезные историко-краеведческие работы в области изучения русской бани. В отличие от профессиональных историков, чаще всего действовавших в русле отечественной научной традиции, т.е. осторожно работавших в опреде-

ленных временных и территориальных рамках, а также с определенными сюжетами, Рубинов, Захаров и Гольдин смотрели на тему бань более смело и широко. Они вписывали историю русской банной традиции в общий контекст социальной жизни России, возможно, где-то закрывая глаза на верификацию исторических фактов. Тем не менее многие архивные материалы, в том числе старинные фотографии и гравюры, были уже опубликованы именно этими авторами. Их упоминает и Поллок, однако часто он ссылается на уже обнародованный ими материал, минуя их работы, из-за чего у осведомленного читателя может возникнуть ощущение, что он приписывает себе их заслуги или по крайней мере не отдает им должное.

Безусловно, столь масштабную по хронологическим рамкам работу тяжело осуществить самостоятельно, поэтому многие главы книги – очень удачная компиляция материалов и фактов, обнаруженных предшественниками, объединенных авторской концепцией Поллока – показать историю России через призму такого объекта повседневной жизни, как баня. Невозможно отрицать, что заслугой автора является весьма удачное объединение мыслей, идей и материалов российских исследователей бани и публицистов: текст Поллока написан легким языком и издан в привлекательном формате качественной научно-популярной литературы.

Я полагаю, что отечественные научные тексты про баню, разбросанные по журналам и часто сложные для восприятия широкой аудитории, а также публицистические очерки, издававшиеся небольшими тиражами, были не совсем доступны массовому российскому читателю. Выход же книги о русской бане, написанной американским профессором, вызвал определенный интерес в среде читающей интеллектуальной аудитории России. Например, такие отзывы можно встретить в книжных обзорах: «Замечательная история: американский профессор, много лет проживший в России, написал книгу о русской бане. Поллок обнаруживает “банные мотивы” в русской классике (знаменитый парадокс Достоевского о том, что вечность – это “банька с пауками”), но больше всего восхищают его исторические и архивные изыскания. Много из того, о чем сообщает Поллок, я знать не знал...» (Толстов 2021). В книжном обзоре газеты *Metro* мы также читаем: «Удивительно, но самую содержательную книгу о русской бане (беглое “тугление” показывает, что в основном до сих пор издавали литературу утилитарную, а не социокультурную) написал иностранец, профессор русской истории из американского университета. И не просто как сборник исторических фактов и баек, сведенных в хронологию (вон, смотрите, эти странные русские с их borscht и pirozhki), а как подводку под русский национальный характер. Вряд ли вы когда-то думали о деревянном домике на даче, шайке и прилипших березовых листьях именно в таком

ключе» (Тарасенко 2021). Вот так получилось, что американец открыл для нас свою же культуру.

К сожалению, большинство интеллектуальных платформ (например, «Горький», «Полит.ру», «Афиша Daily», «N + 1»), где можно было бы ожидать обстоятельные рецензии профессиональных критиков, ограничились публикацией фрагментов монографии. Зато мы имеем возможность свободно ознакомиться с мнением рядовых читателей, оставивших свои впечатления на страницах книжных магазинов и порталов для книголюбителей, и они, пожалуй, наиболее интересны нам. Как ни странно, среди откликов от так называемого массового читателя большинство отзывов отрицательные, многие отмечают превалирование «негативной» информации о состоянии этой русской традиции в различные исторические периоды (Рецензии на книгу). Например, покупатель интернет-магазина «Лабиринт» П.В. написал: «Уточню сразу, мне 67 лет, и я помню и захватил добрую половину хронологии содержания объема книги. <...> Короче, могу считать себя спецом с некоторыми оговорками. Так вот, 2/3 книги полный необъективный навет. Сверх негативно-го отношения к русскому и советскому образу. Полное непонимание. Не знаю, кто эти русские люди, которым благодарность в конце книги, но они, похоже, сами видят все в сплошном черном цвете...». Отзыв из этого же интернет-магазина от читателя В.Е.: «К сожалению, у автора очень много негатива про русскую баню. За всю историю банного дела русскому человеку негде было попариться!? Ни при Петре, ни при Сталине. А мы ходили, ходим и будем ходить в баню!», остальные отзывы в целом по своему посылу очень похожи на эти.

Отчего любители бани, бросившиеся читать Поллока, так жестко отреагировали на содержание книги? Я могу предположить, что помимо общей усталости общества от присвоения исключительно бинарной эмоциональной окраски советскому прошлому, баня, банный ритуал и приписываемая ей польза для многих соотечественников во многом являются неприкосновенной ценностью – если не пресловутой «скрепой» русской культуры, то большой личной отдушиной, на которую покусился «залетный» дилетант и «осквернил» почти святое, не разобравшись в самой сути дела. Предлагаю пройти по главам и уточнить, что именно могло так возмутить ценителей этой русской традиции?

Первые две главы книги – экскурс в глубины истории России через банную традицию – «Повесть временных лет», упоминания бани у Геродота, Ибн Руста, Джайлса Флетчера, Адама Олеария, Жана Шаппа и прочих «иностранцев», писавших об этом обычае. В целом материалы в этих главах историкам бань хорошо известны и много раз публиковались. Сам Поллок акцентирует несколько тем, например приписываемую иностранцами характеристику «варварства» народу, имевшему такую традицию; видение в совместном банном мытье мужчин и жен-

щин «русской наклонности к сексуальной неразборчивости»; а также некоторые допущения, что «наверное, в русских есть нечто особенное, раз бани делают их здоровыми» (с. 47).

Петровские времена рассматриваются достаточно углубленно, как период, когда баня могла бы погибнуть перед желанием первого русского императора модернизировать русскую культуру: «...он вполне мог бы объявить торговые бани вне закона... Однако баня не принадлежала к числу тех исконно русских традиций, которые Пётр или высмеивал, или пытался модернизировать» (с. 55). Более того, в градостроительный проект своей новой столицы Пётр I вписал торговые бани.

Правление Екатерины II также рассматривается Поллоком как новый виток развития бань в связи с рекомендациями придворного деятеля Просвещения Антонио Санчеса. С его легкой руки посещение бани было закреплено законодательно исключительно «для медицинской пользы» и в чем-то стало важным инструментом современного государства. Для той части русской аристократии, которая под влиянием своих западных современников перестала посещать бани, труды Санчеса стали путеводной звездой, вернувшей в моду старинный русский обычай. Пожалуй, это можно считать первым случаем, когда иностранец «переоткрыл» русскую банную культурную традицию для самих же русских.

В третьей главе монографии (а их всего десять) автор уже переносится в XIX в. Поллок обращает внимание на то, что несмотря на усиление движения гигиенистов по всей Европе, в России богатая банная культура вплоть до конца XIX в. никоим образом не поддерживалась со стороны медицинского сообщества и государства. Торговые бани продолжали содержаться их владельцами из рук вон плохо. Между тем к середине века русские бани появились в Берлине, Лондоне, Париже и Нью-Йорке (с. 98). Пожалуй, здесь автор наконец-то начинает вводить в оборот некоторые новые, по крайней мере, не знакомые рецензенту материалы, например искрометные впечатления Марка Твена, посетившего в Нью-Йорке «ужасную русскую баню» (тем не менее, отметившего ее благотворное влияние на ментальное здоровье). Или информацию о возрождении общественных купален по всей Западной Европе благодаря славе русских бань (после Наполеоновских войн начала формироваться положительная репутация русской бани как символа всего русского). Дошло до того, что в 1881 г. российские медики признали, что русскую баню лучше изучили за рубежом их европейские коллеги, чем они сами (с. 99). И такое положение дел сохранялось вплоть до конца XIX в.

Законодательное закрепление обслуживания в банях по четырем разрядам в XIX в. позволило установить минимальную стоимость их посещения для самых необеспеченных слоев населения, и в то же время

появились самые дорогие разряды – «семейные» или «номерные», с возникновением которых сильно возросла роль обслуживающего персонала, и банщиков в частности. В рецензируемой книге автор немало внимания уделяет появившимся сексуальным услугам, и в частности гомосексуальным, оказываемым в номерных (семейных) отделениях торговых бань. Автор отмечает, что в этот период усиливается дихотомия: представление о бане как о практически священном пространстве, и в то же время, месте греха и разврата. Могу предположить, что именно гомосексуальные сюжеты о растлении молодых крестьянских парней, поступающих на службу в банщики, ярко и выпукло представленные в книге, могли так не понравиться широкой российской читающей аудитории. В ходе моих собственных полевых исследований в московских общественных банях выяснилось, что, несмотря на «темную» сторону репутации бани (еще совсем недавние сюжеты «стрелок братков» и практически синонимия «бани»/«сауны» и «проституции» в 1990-е гг.) для абсолютного большинства россиян баня ассоциируется исключительно со светлыми эмоциями и мотивами: телесной чистоты, физического и ментального здоровья, «перерождения» после стрессовых ситуаций, легкого дружеского общения, преумножения красоты (Васеха 2015). Вероятно, яркие зарисовки «содомского разврата», преподносимые в монографии как часть банной повседневности XIX в., были восприняты российскими любителями бани как личное оскорбление и неуважение автора по отношению ко всей русской культуре.

Достаточно сильными являются главы о советском периоде (как раз по которому Поллок является специалистом). Здесь видно, что автор действительно ориентируется в материале, наконец-то вводятся в оборот новые документы и сведения, а также появляются свежие авторские размышления о связи бани и истории России. Привлечены и советские агитплакаты, и карикатуры из сатирических журналов, и заметки, рассказы и фельетоны из публицистики, а также мемуары, воспоминания и дневники о бане советского периода. Советское время показано автором как очередной момент, когда древняя банная традиция могла быть уничтожена катком государственной машины, что и произошло в целом с так называемой традиционной русской культурой. Однако, вопреки опасениям, Поллок хорошо показал, как молодая советская власть взяла бани как одну из основ «чистоты» советского человека не только телесной, но и идеологической в ходе раннесоветской культурной революции. Несмотря на столь высокую отведенную баням роль, общественные бани находились в городах и поселках в очень плохом санитарном состоянии, здания ветшали, топились бани плохо и даже не каждый день. Вся эта ситуация заставила Ленина в 1919 г. произнести с трибуны знаменитую фразу: «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей» (с. 201), собственно вокруг нее Поллок и строит

свой рассказ о советской банной истории. Поллок не обошел стороной сюжеты создания мобильных военных бань во время Первой мировой войны и Великой Отечественной, воспоминания о работе бань в блокаде Ленинграде; много внимания уделил воспоминаниям о бане как месте дополнительных издевательств в тюрьмах и советских концлагерях.

Следует, однако, заметить, что автор практически ничего не рассказывает о роли и функциях домовых бань, традиции парения в которых отличалась не только от городских общественных, но и разнились в различных регионах России. Более того, многие специалисты уверены, что домовая деревенская баня и торговая городская имеют совершенно разную историю и природу происхождения (Баня и печь... 2004). Абсолютное большинство этнографических и фольклорных работ посвящены именно деревенской бане, которая была далеко не только местом утилитарной гигиены тела, но и особым сакральным пространством для проведения множества обрядов и ритуалов, занимающих важное место в традиционной культуре русского народа. Поллоком совершенно не дается разъяснений о том, что домовая русская баня – *нечто совершенно иное* по сравнению с городскими торговыми банями, о которых в основном автор и пишет. На мой взгляд, это главный недостаток книги, в чем-то даже введение в заблуждение непосвященных. У не погруженного в проблему читателя может создаться ошибочное представление о древней русской банной традиции – вроде бы один сплошной негатив: бани грязные, плохо протапливаемые, сплошь гомосексуальные оргии и проституция, банная коррупция, нехватка шаек и посадочных мест – так за что же эти странные русские так любят и почему гордятся своими банями?

Пожалуй, ответ на этот вопрос автор мог бы дать, используя он антропологический подход, разнообразные методы включенного наблюдения и включенного действия (в целом у автора был такой опыт, но, судя по всему, весьма ограниченный походами в компании русских друзей, плотное присутствие которых, скорее всего, делало посещение парных достаточно однообразным и секуляризированным), однако тексты, исторические документы, художественные произведения, фильмы и передачи, материалы публицистики для него, судя по всему, важнее, чем личные наблюдения, замеченные нюансы, неторопливые душевные разговоры после парной и интервью (пусть даже не формализованные) с любителями бани. О своих ощущениях и впечатлениях он упоминает лишь в самом начале исследования в паре страниц Пролога и в самом конце книги в Эпilogue, где описывает абсурдистское видение в парной, когда вокруг него прилагаются банным удовольствиям исторические персонажи его монографии.

Таким образом, Поллоку, безусловно, удалось связать тему русской бани и истории страны, автор создал яркий, хорошо читаемый текст с

большим количеством запоминающихся, неоднозначных и даже скандальных сюжетов, что сделало его работу интересной и продаваемой для не-русского читателя. Однако он упустил главное – так и не раскрыл, почему русский человек продолжает любить баню и ходить в нее.

Мария Владимировна Васеха

Список источников

- Баня и печь в русской народной традиции / отв. ред. В.А. Липинская. М.: INTRADA, 2004.
- Богданов И.А. Три века петербургской бани. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
- Васеха М.В. Современные общественные московские бани как городской социокультурный феномен // Традиционная культура. 2015. № 1. С. 149–160.
- Васеха М.В., Фурсова Е.Ф. Русская баня в обрядовой жизни: по этнографическим материалам рукописи «О ветлужских банях, печах и о мытье в них» Д.А. Маркова // Баландинские чтения. 2018. Т. 13, № 1. С. 499–503.
- Гольдин И.И. Русская баня в «шинели» (в армии, на флоте, в милиции (полиции), у пожарных, казаков и партизан). М.: Ассоциация «Культурно-спортивно-оздоровительные комплексы», 2010.
- Гольдин И.И. Сандуны: бани и музей Москвы. М.: Ассоциация «Культурно-спортивно-оздоровительные комплексы», 2012.
- Конди Н. «Вторая мать», или Все бани – женские // Искусство кино. 1997. № 5. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1997/05/n5-article22>
- Никонова Л.И., Кандрина И.А. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья. Саранск: Изд-во Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, 2003.
- Пашкова Т.В. Баня в лечебных обрядах карел // Традиционная культура. 2015. № 1 (57). С. 142–148.
- Рубинов А.З. Сандуны. Книга о московских банях. М.: Московский рабочий, 1990.
- Рубинов А.З. Интимная жизнь Москвы. М.: Экономика, 1991.
- Рубинов А.З. История бани. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Рецензии на книгу «Когда б не баня, все бы мы пропали» Итан Поллок // Лабиринт. б.д. URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/808105/> (дата обращения: 25.01.2022).
- Тарасенко С. Книги недели: баня, Дальний Восток и финал трилогии Быкова // Metro. 07.06.2021. URL: <https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/knigi-nedeli-banya-dalniy-vostok-i-final-trilogii-bykova-1797605/>
- Толстов В. Классные книги о том, чем занимаются люди: от бани до троллинга // Байкалинформ. 08.08.2021. URL: <https://baikalinform.ru/chitatelb-tolstov/chitatelb-tolstov-klassnye-knigi-o-tom-chem-zanimayutsya-lyudi-ot-bani-do-trollinga>
- Leonov T. The significance of the Russian ‘banya’ // BBC. 05.09.2020. URL: <https://www.bbc.com/travel/article/20200803-russias-beloved-healing-ritual>

References

- Bogdanov I.A. (2000) *Tri veka peterburgskoj bani*. [Three centuries of the Petersburg bath]. Iskustvo-SPB.
- Gol'din I.I. (2010) *Russkaya banya v "shineli" (v armii, na flote, v milicii (policii), u pozharnyh, kazakov i partizan)* [Russian bath in the "overcoat" (in the army, navy, militia (police), firefighters, Cossacks and partisans)]. Associaciya «Kul'turno-sportivno-ozdorovitel'nye komplekсы».
- Gol'din I.I. (2012) *Sanduny: bani i muzej Moskvy* [Sanduny: baths and museum of Moscow]. Associaciya «Kul'turno-sportivno-ozdorovitel'nye komplekсы».

- Kondi N. (1997) «Vtoraya mat'», ili vse bani – zhenskie ["Second mother", or all baths are for women], *Iskusstvo kino*, no. 5. Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/1997/05>
- Leonov T. (2020) The significance of the Russian 'banya', *BBC*, Available at: <https://www.bbc.com/travel/article/20200803-russias-beloved-healing-ritual>.
- Lipinskaia V.A. (ed.) (2004) *Banya i pech' v russkoj narodnoj tradicii* [Bathhouse and oven in Russian folk tradition]. INTRADA.
- Nikonova L.I., Kandrina I.A. (2003) *Banya v sisteme zhizneobespecheniya narodov Povolzh'ya i Priural'ya*. [Bath in the life support system of the peoples of the Volga and Ural regions]. Izdatel'stvo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. P. Ogareva.
- Pashkova T.V. (2015) Banya v lechebnykh obryadah karel [Bath in the healing rituals of the Karelians], *Tradicionnaya kul'tura*, no. 1, pp. 142–148.
- Recenzii na knigu «Kogda b ne banja, vse by my propali» Itan Pollok* [Reviews of the book "Without the Banya We Would Perish" Ethan Pollock]. (n.d.) Labyrinth. Date of access: 25.01.2022. Available at: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/808105/>
- Rubinov A.Z. (1990) *Sanduny. Kniga o moskovskih banyah* [Sanduny. Book about Moscow baths]. Moskovskij rabochij.
- Rubinov A.Z. (1991) *Intimnaya zhizn' Moskvy* [The intimate life of Moscow]. Ekonomika.
- Rubinov A.Z. (2006) *Istoriya bani* [The history of the bath]. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Tolstov V. (2021) *Klassnye knigi o tom, chem zanimayutsya lyudi: ot bani do trollinga* [Cool books about what people do: from baths to trolling], Baikalinform. Available at: <https://baikalinform.ru/chitatelb-tolstov/chitatelb-tolstov-klassnye-knigi-o-tom-chem-zanimayutsya-lyudi-ot-bani-do-trollinga>
- Vasekha M.V. (2015) Sovremennye obshchestvennye moskovskie bani kak gorodskoj sociokul'turnyj fenomen [Contemporary Moscow Public Baths as an Urban Sociocultural Phenomenon], *Tradicionnaya kul'tura*, no. 1, pp. 149–160.
- Vasekha M.V., Fursova E.F. (2018) Russkaya banya v obryadovoj zhizni: po etnograficheskim materialam rukopisi "O vetluzhskih banyah, pechah i o myt'e v nih" D.A. Markova [Russian bath in ritual life: based on ethnographic materials of the manuscript "On Vetluzh baths, stoves and washing in them" D.A. Markova]. *Balandinskie chteniya*, Vol. 13, no. 1, pp. 499–503.
- Tarasenko S. (2021) *Knigi nedeli: bania, Dal'nii Vostok i final trilogii Bykova* [Books of the Week: Banya, the Far East, and the Finale of Bykov's Trilogy], *Metro*. 07.06.2021. Available at: <https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/knigi-nedeli-banya-dalniy-vostok-i-final-trilogii-bykova-1797605/>

Сведения об авторе:

ВАСЕКА Мария Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: Maria.vasekha@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Vasekha, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russian Federation) E-mail: Maria.vasekha@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 4 февраля 2022 г.;
принята к публикации 10 июня 2022 г.*

*The article was submitted 04.02.2022;
accepted for publication 10.06.2022.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы/учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

• название статьи на русском и в переводе на английский язык;

- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языках.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе

фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитатах достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке, и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений/аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimal Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (*please note that the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work/study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpyaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms/abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2022. № 2

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 28.06.2022 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 15,2. Усл. печ. л. 21,3. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 5074. Цена свободная.

Дата выхода в свет 08.07.2022 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru